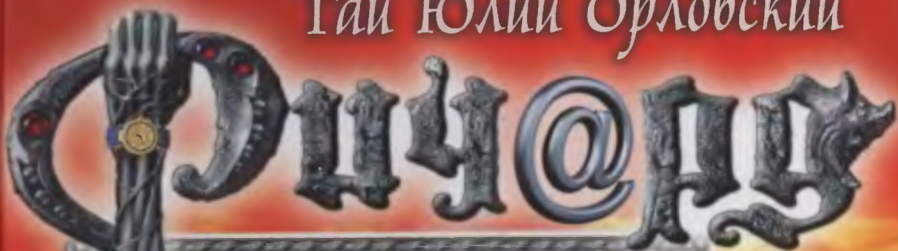

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
король

Ричард Длинные Руки —
король

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
 Ригард Длинные Руки — воин Господа
 Ригард Длинные Руки — паладин Господа
 Ригард Длинные Руки — сенюру
 Ригард де Амальфи
 Ригард Длинные Руки — властелин трех замков
 Ригард Длинные Руки — виконт
 Ригард Длинные Руки — барон
 Ригард Длинные Руки — ярл
 Ригард Длинные Руки — граф
 Ригард Длинные Руки — бурграф
 Ригард Длинные Руки — ландлорд
 Ригард Длинные Руки — пфальцграф
 Ригард Длинные Руки — оберлорд
 Ригард Длинные Руки — коннетабль
 Ригард Длинные Руки — маркиз
 Ригард Длинные Руки — гротграф
 Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
 Ригард Длинные Руки — майордом
 Ригард Длинные Руки — маркграф
 Ригард Длинные Руки — гаугграф
 Ригард Длинные Руки — фрейграф
 Ригард Длинные Руки — вильдграф
 Ригард Длинные Руки — раугграф
 Ригард Длинные Руки — конунг
 Ригард Длинные Руки — герцог
 Ригард Длинные Руки — эрцгерцог
 Ригард Длинные Руки — фюрст
 Ригард Длинные Руки — курфюрст
 Ригард Длинные Руки — цроссфюрст
 Ригард Длинные Руки — ландесфюрст
 Ригард Длинные Руки — гранд
 Ригард Длинные Руки — князь
 Ригард Длинные Руки — эрцфюрст
 Ригард Длинные Руки — рейхсфюрст
 Ригард Длинные Руки — принц
 Ригард Длинные Руки — принц-консорт
 Ригард Длинные Руки — вице-принц
 Ригард Длинные Руки — эрцпринц
 Ригард Длинные Руки — курпринц
 Ригард Длинные Руки — эрбпринц
 Ригард Длинные Руки — принц короны
 Ригард Длинные Руки — грандпринц
 Ригард Длинные Руки — принц-регент

Ригард Длинные Руки —
 король

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
король

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета
использован рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 Ричард Длинные Руки — король : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2013. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-68061-0

На пути к спасению мира он спустился в глубины ада, где убивал нефилимов и уничтожал демонов, помня при этом, что самые опасные схватки впереди с теми, кто пострашнее жителей преисподней. Поэтому впервые Ричард не отказывается от королевской короны. Напротив, сам протягивает к ней свои заgreбушие... Но не к той, как все ждут. И не того королевства. И вообще королевства... которого нет.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68061-0

© Орловский Г.Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Христианская нравственность скрое-
на на вырост. К сожалению, люди пере-
стали расти.

Феликс Хвалибуг

1

1. The first step is to identify the key components of the system. This includes understanding the hardware, software, and data involved. For example, in a web application, this might involve identifying the server, database, and client-side code.

Часть первая

Глава 1

Красная каменистая земля сухо треснула. В щель выплеснулась, озарив все вокруг пурпуром, огненная река. С грохотом, сотрясшим землю, ударилась о выросшую со дна скалу, часть расплавленной земли даже попыталась взобраться на этот злой камень, но остальная масса магмы благоразумно раздвоилась на два потока.

Внизу горит и плавится, я с дрожью увидел, как огненная река уплотнилась, стала похожа на огненную тень, даже на силуэт человека, распростертого на земле.

Еще через несколько мгновений я уже отчетливо рассмотрел распростертого на выжженной земле огненного человека, огромного, как башня. Он поднялся медленно, соблюдая статус гиганта, багровый, с оранжевым огнем на сгибах локтей, шеи и коленей, неспешно и величаво повернулся на месте.

Сполохи адского огня продолжали играть на заостренном лице Сатаны, когда он неспешно оторвал от гиганта взор и повернул голову в мою сторону.

— Какой же он вложил потенциал...

— Какой? — спросил я.

Он коротко усмехнулся.

— Я вообще-то не об этом гиганте. О человеке... Столько всего в него вложено, что даже это вот существо из огня и металла копирует его, само того не замечая, хотя жалких, по его мнению, людишек ненавидит и стремится всех растоптать и уничтожить.

— Лучше пусть сидит здесь, — сказал я хмуро. — Не знаю как, но если выберется наверх, все равно уничтожим. Земля принадлежит человеку!.. Если даже преисподнюю почистили малость...

— Все не так просто, — сказал он задумчиво. — Разве вы еще не поняли, сэр Ричард? Под Храмом вовсе не преисподняя. Так, одна или несколько семей нефилимов, спрятавшихся некогда от потопа. В отличие от обнаглевшего человека, эти приняли угрозу потопа всерьез. Как вы знаете, большинство нефилимов сказали самоуверенно, что поднимутся на самые высокие горы, где вода не достанет, но кому, как не Создателю, который творил этот мир, знать высоту гор? Он запланировал потоп на семь ярдов выше самой высокой горы, помня о том, что рост самых высоких из нефилимов не превышает шести. Однако же некоторые нефилимы не стали карабкаться в горы, а предпочли уйти в пещеры поглубже и наглухо замуровали себя от поверхности, чтобы к ним не проникла вода.

Гигант медленно побрел по огненному озеру, магма ему до колена, но иногда проваливался почти до пояса.

Я спросил, не отрывая от него устранившегося взгляда:

— На одну из таких пещер мы и наткнулись?

— Верно, — подтвердил Сатана. — Нефилимы продолжали размножаться... в пределах пещер, конечно. Рыбы тут хватает, кроме того, убивают друг друга и съедают. Что так смотрите? Это же не им был дан запрет есть себе подобных. Раньше, между прочим,

люди тоже не отказывались поедать друг друга! Самое лакомое мясо. Если вы называете себя демократом, то чего морщитесь?

— Демократия, — огрызнулся я, — еще не самое дно. Демократия — это варварство на самом высоком уровне! Усложнено культурой. Это раньше мир был предельно прост. Усложняться начал потом.

Гигант, постепенно удаляясь, темнел, с его раскаленного все еще багрового тела ссыпается темная окалина, наконец скрылся в поднимающемся дыму и вздымающихся гейзерах, а расплавленная магма продолжает растекаться неспешно и в то же время неостановимо.

— Верно, — согласился Сатана, — человек начал все усложнять. И что надо, и что не надо.

— А вы постарались этому помешать!

Он поморщился.

— Сэр Ричард, я уже в который раз напоминаю, в Библию стоило бы заглянуть хотя бы одним глазком!

— Я читал внимательно, — огрызнулся я.

— Да? Ну и где там сказано, что я или другие ангелы были против создания человека?.. Найдите!..

Я буркнул:

— А что там сказано?

— Мы хотели, — сказал он отдельно, словно вколачивал в доску длинные и толстые гвозди, — чтобы созданный мир Творец отдал нам, высшим существам. А не тому дикому и неприглядному существу... уж простите, но Адам был вообще...

— Дикарем, — согласился я. — Тем достойнее путь, который он проделал! А под вашей властью этот мир остался бы тем же диким местом с одним-единственным пятнышком ухоженного сада... Адам же заселил его своим потомством, преобразовал и до сих

пор преобразовывает, стремясь всю землю превратить в тот сад, который потерял!

Мне почудилось неясное шевеление в расщелине красной стены напротив, я начал всматриваться, Сигизмунду пора бы уже вернуться, а рядом Сатана произнес мягко:

— Вы будете удивлены, сэр Ричард...

— Ну-ну?

— Однако же ангелы, — сказал он, — созданные как всего лишь вестники Его Божественной воли, постепенно тоже начали развиваться. Не все, конечно, но та часть, кто взбунтовался!

— Вы сами говорили, — напомнил я, — это случилось под влиянием людей. Даже взбунтовались потому, что увидели пример бунта. И потому сперва Адама с Евой пинком под зад из рая, потом вас... хотя да, вы дрались отчаянно, вселенную трясло, как медведь грушу! И вот теперь мы и вы — изгнанники. Но мы взрослеем быстрее, у нас же смена поколений, старая кожа слезает, а новая всегда лучше и крепче. Мы наконец-то поняли, что Творец был в чем-то прав... а вот вы еще в старых заблуждениях. Может быть, пора признать?

Он отшатнулся.

— Что?.. Да никогда...

— Адам и Ева, — напомнил я, — тоже так говорили, когда их с позором выталкивали в шею из рая. Но их дети, как и должно быть, оказались умнее родителей. Не сразу, конечно, а через много поколений. И поняли, что да, надо было их праотцов... А вы... не пора ли выходить из подполья?

Он ответил отчетливо и с холодком:

— Сэр Ричард, вы заблуждаетесь. Это дело принципа. Дело чести. К тому же мы в какой-то мере уже доказали свою правоту!

— Ого! Как?

— Откуда знаете, — возразил я, — в чем Он был уверен?.. Человек тоже в конце концов станет бессмертным, но развиваться не перестанет, у него за плечами та-а-акое!.. Возможно, ангелы не в состоянии были развиваться потому, что не было необходимости?.. Этим толчком стало сотворение человека?

— Хотите сказать, изначальной целью Творца было развитие именно ангелов? Для этого и создал человека?... Соблазнительная мысль...

— А что для Творца миллионы лет? — спросил он.

Загрохотало, огненный фонтан расплавленной магмы, чуть изменив направление, с шипением дотянулся до стены. Красное пятно размером с деревенскую площадь начало вытягиваться вниз, быстро застывая.

В самом низу образовался массивный валик с направленными вниз багровыми каменными сосульками, похожими на гигантские коровьи дойки.

— Ну слава... гм... хотя мой напарник Сигизмунд огорчится, что это еще не ад, но я рад.

11

— Тем более вы и с Вельзевулом нашли какие-то точки соприкосновения? К взаимной выгоде?

Он бросил взгляд на мой меч. Тот в ножнах, но в рукояти мрачно горит багровым огнем крупный ограненный рубин в форме пирамидки со срезанной вершиной. Для людей рубин и рубин, пусть редкой окраски, очень зловещей, но любой с той стороны узнает этот знак власти.

— Временное сотрудничество, — буркнул я. — Вынужденное!

— Боюсь, — проговорил он со странной интонацией, — ад вам еще предстоит...

— Я точно туда попаду?

— Точно там побываете, — уточнил он. — Не знаю, какая нелегкая туда понесет, но побываете, вижу это смутно, хотя и отчетливо, как вы любите говорить.

Я тяжело вздохнул.

— Как жаль, что у вас нет реальной колдовской мощи! Как бы она пригодилась для борьбы с Маркусом!

— Я идеолог, — напомнил он. — Моя мощь во влиянии на людей. Идеология мощнее любых армий... Но в нашем случае, сэр Ричард, я тоже за то, чтобы в этот раз Маркус уничтожил человечество.

Я охнул.

— Но вам-то какая выгода?

— Творец, — сказал он с недоброй ухмылкой, — вложил в тело Адама несколько странную душу. Или душу со странностями, так точнее. Человек всегда почему-то полагает, что на тонущем корабле все погибнут, а он выплывет. Да еще и соберет на берегу выброшенные волнами сундуки с золотыми монетами. Отправляясь на новые земли, он всегда уверен, что там и трава гуще, и ручьи чище, и воды в озерах не видать, столько там рыбы. Паники среди людей нет

не только потому, что покорны Создателю, а еще в каждом есть страстная надежда, что уцелеет именно он, выберется наверх, а там... это же его земля от горизонта и до горизонта! В развалинах замков нагребет золота, драгоценностей...

— Да какие драгоценности, — прервал я, — и развалин не останется.

— Вы не массовый человек, — укорил он. — Тем вы интереснее и, главное, перспективнее.

Из расщелины, совсем не той, откуда я ждал, показался Сигизмунд, бледный и хватающийся за стены, доспехи безобразно смяты, белокурые волосы окрашены кровью.

— До свидания, сэр, — сказал я.

Он ухмыльнулся.

— Ваш напарник меня не увидит. У него настолько цельная душа, в ней для меня места просто нет. К тому же могу, если хотите, приостановить время.

— Не хочу, — буркнул я. — Мало ли что потом потребуете за то, что мне вообще-то и не надо.

Сигизмунд приблизился, я видел в его глазах вопрос, что-то в моей позе показалось странным, но спросил только:

— Куда теперь, сэр Ричард?

— Вперед, мимо и дальше, — ответил я. — Но пока лучше обратно. Мы свое дело сделали. Кто может лучше, пусть делает.

Сатана хмыкнул, я сделал вид, что теперь и я его не вижу. Он понимающе улыбнулся, отступил в каменную стену с отпечатком древнего хвоща, не оставив там даже силуэта, хотя было бы здорово.

Сигизмунд попытался поднять меч, лезвие все выщерблено, как только не переломилось, но не сумел поднять такую тяжесть.

Я быстро ухватил его ладонями за впалые щеки и сразу ощутил, насколько он изможден и растерял все силы.

— Сэр Ричард...

— Молчи, — велел я, — мой запас паладинской мощи выше твоей. Сейчас тебе полегчает.

Он тряхнул головой, сбрасывая мои ладони.

— Спасибо, уже лучше. А вам надо поберечь силы, у нас долгий подъем. Разрешите, я пойду впереди?

— Давай, — сказал я. — Молодым у нас везде дорога.

Он ухитрился держать обнаженный меч наготове, когда двинулся в обратный путь. Я свой оставил в ножнах, тяжело вот так в руке, когда нужно хвататься за камни, взбираясь выше и выше, не оставаться же нам здесь, хотя обоих вообще-то сердобольные монахи, если говорить честно, принесли в жертву.

И хотя от ада удаляемся, но мне все жарче, кровь бьет в голову раскаленными волнами, только Сигизмунд не думает останавливаться, прет по почти отвесной стене, как таракан, даже по сторонам не смотрит, куда ему оглядываться на меня, бывшего сюзерена, уверен, мне так же легко и просто.

Я подтягивался, хрипел, ну почему у меня такая тяжелая задница, мышцы с виду толстые, а когда вот так все наверх и наверх, уже вопят и просят пощады. Неужели человек больше создан для войны, чем для ползания по скалам...

Сатана возник рядом так неожиданно, что я едва не разжал пальцы. Он кивнул в спину Сигизмунда.

— Он хорош. А вы что, и с падшими ангелами хотели бы сразиться?

Я прохрипел замученно:

— С какой стати? Они мне что, в суп плюнули? Или я смахиваю на драчливого барана, которому и

повод не нужен? Их бунтарскость меня не колышет, я уже выдавливаю себя из этого возраста, хотя, конечно, пока слабо... Как почему, сопротивляюсь потому что! Вяло, но весьма активно. Во всяком случае, падшие ангелы пока что не в сфере моих гуманных интересов. Может быть, когда-нибудь, если все пойдет путем и делать будет ну совсем нечего, займусь и улучшением пенитенциарной системы, в народе ее зовут просто пенитарной, но не шас...

Он уточнил с интересом:

— Все же придете с мечом?

— Зачем? Их война — не моя война. Да и не знаю я объективно, что там было на самом деле.

Он спросил весело:

— А Святое Писание?..

Я взобрался на выступ, дальше дорога вверх чуточку получше, ответил с рассудительным достоинством:

— Мне бы еще и Антисвятое... Я же теперь правлю целым королевством... правда, еще и в глаза его не видел, но как бы правлю, да еще мудро и справедливо!.. То есть не просто парняга Рич, а государь, мудрый и объективный, все свое отдаст, чужого щепки не возьмет... Да-да, это обо мне, не надо эту ухмылочку!.. И вообще, сэр Сатана, я не бестелесный, как вы!

— Упрек принял, — ответил он с ухмылкой. — Исчезаю. Но не скажу, что так уж надолго.

Исчез так моментально, что я не успел заметить перехода. Стиснув челюсти, я прибавил шаг, стараясь догнать неутомимого Сигизмунда. Вообще-то ответил Сатане, не покривив душой, мне в самом деле кажется не совсем честным судить только со слов одной из сторон, не дав другой даже пискнуть в свою защиту и оправдание.

Но все равно падшие ангелы пока отпадают. Если не полезут сами, останусь в нейтралитете. У меня сво-

их проблем выше крыши, чтоб еще богословские диспуты разбирать.

Сигизмунд поднимался вверх, как мне показалось, по меньшей мере год, а то и все сто лет, а мы всползли на высоту Эвереста, наконец он замедлил шаг и сказал достаточно бодрым голосом:

— Вот она!

Я взобрался к нему вверх, ноги как будто из горячей воды, череп заполнен расплавленным свинцом.

— Где, — спросил хрипло, — ты ее видишь...

— Да вон же она, — сказал он с изумлением.

Я усиленно заморгал, сгоняя пелену из пота и пыли, протер глаза. Стены справа и слева гранитно мрачные, картинно угловатые, а та, что приближается спереди, ровная, как бронированное стекло, хотя от нее веет той же, если не большей, несокрушимостью.

— С этой стороны совсем не фиолетовая, — пробормотал я. — Или это у меня в глазах уже все фиолетово... Давай переведем дух... А то вдруг они там дожидаются.

Он ответил серьезно:

— Да, вы правы, сэр Ричард. Не стоит им показывать, что мы устали.

Он бодро сел на обломок скалы, но вид у него все равно такой, что готов подпрыгнуть, как грассхоппер какой-нибудь, только скажи.

Я прислонился к стене, сесть страшновато, вдруг не смогу встать, сказал слабым голосом:

— Хотя вряд ли ждут.

Он кивнул.

— Понимаю.

— И ничего? — спросил я. — Нас отправили, чтобы мы, перед тем как погибнуть, перебили как можно больше демонов. Что мы и сделали успешно. Но почему-то не погибли... Как думаешь, почему?

Он прислушался, быстро встал.

— Сэр Ричард... мне кажется, снизу кто-то взбирается по стене. Когти стучат, слышите?

У меня только грохот крови в ушах, спросил слабо:

— Точно по нашим следам?

— Да, — ответил он, — однако, сэр Ричард, вы не правы в своих подозрениях! Святая стена защищает только от демонов и людей. А мы, паладины, сможем пройти, как сквозь дым от ладана.

Я усомнился.

— В самом деле?

— Надо верить, — воскликнул он пламенно. — И с верой в Господа и молитвой на устах... Пойдемте, сэр!

— Давай, — ответил я с сомнением. — Я за тобой. Если пройдешь...

Глава 2

Блестящая стена выглядит отвратительной, словно на нее долго дышал дракон, оплавляя камень, пока не добился вот такой блестящей, но непрозрачной стеклянности.

Сигизмунд подошел быстро, протянул руку. Я с изумлением увидел, как пальцы начали погружаться в эту подфиолеченную поверхность.

За кистью довольно быстро исчезло предплечье, а когда Сигизмунд вдвинулся плечом, я собрался с силами и с сильно бьющимся сердцем отклеился от стены.

Не оглядываясь, он сказал тяжело:

— Тру... дно... Однако... можно...

— Здорово, — откликнулся я. — Ты вообще ого.

Мои вытянутые вперед пальцы ощутили сопротивление чуть раньше, чем по телу пробежала волна

острой боли. Я торопливо отдернул руку, постоял пару мгновений, стиснул челюсти и попробовал снова пощупать эту странную стену.

От кончиков пальцев остро и с такой силой ударило болью, что я вскрикнул, словно демократ, а не суровый рыцарь, умеющий преодолевать боль и даже шутить, когда по живому зашивают рану.

До того, как отдернул руку, успел ощутить, что там в самом деле преграда, такая же твердая и прочная, как самая лучшая сталь, совершенно материальная, к тому же снабженная нематериальной защитой, в которую мне никак не войти.

Сигизмунд исчез в ней уже почти весь, медленно втянулась, преодолевая сопротивление, нога, а я тупо смотрел, как исчезает сапог, словно погружается во вставшее дыбом вязкое болото.

Мелькнула стертая подошва, а по моему телу разлился смертный холод. Еще раз попытался протянуть руку, но пальцы задрожали в таком ужасе, что отдернул, будто снова ударило острой болью. Плоть помнит, как оттуда бьет по всем нервам и перекрывает мне дорогу, нисколько не обращая внимания на мою стальную волю, что вовсе, как оказывается, не стальная и даже не воля, а так, что-то интеллигентное.

Через минуту и сам услышал, даже шум крови в ушах не мешает, скрип ногтей по камню. Нечто поднимается из бездны, когти, должно быть, острые и огромные, чтобы тащить такой, судя по насадному скрипу, вес.

Я прислушался и сообразил, что либо зверь похож на тысяченожку, либо снизу по стене поднимается целая стая.

Сцепив челюсти, я протащился вдоль фиолетовой стены. Там, где обрывается, идет гранит, почти такой же, как и сталь, только более тугоплавкий. Я пощу-

пал, током не бьет, попытался вспомнить ту пещеру, из которой аббат и остальные святые отцы напутствовали нас на подвиг, отправляя в дорогу в один конец...

Скрип когтей по камню все ближе и все быстрее, торопливее, словно демоны учуяли живое существо в своих владениях.

— Да пошли вы все, — прошипел я зло, повернул на пальце кольцо Хиксаны и начал втискиваться в камень.

Когда оставалось втянуть только голову, сделал гипервентиляцию, насыщая ткани кислородом, закрыл рот и начал страшный путь в темноте и без ориентиров, где даже гравитация подводит, а камень настолько плотный и вязкий, что протискиваюсь, как мелкий жучок через загустевающий сосновый сок.

Воздух кончился слишком быстро, с минуту еще могу держаться, когда грудь вздымается еще сама по себе, требуя кислорода, а его нет и нет, и волевым усилием держишь, если лежишь на спине на удобной кровати, да еще и руки за голову, чтобы не давить на грудь. А когда вынырываешь со дна озера, то выдержишься вполовину меньше, а если вот так прешь через камень, стараясь еще и не уйти вниз, то укорачивается еще вдвое...

Я чувствовал в черепе и во всем теле жар, хрипел, но ощутилось впереди некое свободное пространство, я ломанулся туда из последних сил, упал на пол, почти не чувствуя, как ударился лицом, разбив нос, а только жадно хватая раскрытой пастью воздух.

С минуту лежал, наслаждаясь только дыханием, где-то неподалеку раздаются знакомые голоса, я узнал писклявый тенор отца Велизариуса, двух других не припоминаю, а четвертый... ну да, это Сигизмунд уверяет их, что сэр Ричард идет следом, нужно до-

ждать, помочь, протянуть руку навстречу, стена оказалась почему-то плотнее, чем ожидалось.

Я провел ладонью по лицу, кровь из разбитого носа сочиться перестала сразу и уже засохла, осталось только неприятное послевкусие падения вниз лицом.

Выпрямившись и с трудом сделав лицо веселым и беспечным, словно спускался вниз ловить красивых бабочек, те предпочитают жаркие места, я вышел из-за скалы, поддерживающей гранитный в живописных выступах свод.

— Привет!.. А вы что здесь делаете?

Священник и двое монахов вздрогнули, словно я за их спинами внезапно и со смаком ударил в литавры.

Сигизмунд закричал в радостном удивлении:

— А как вы там очутились?

— Сбился, — пояснил я. — С дороги. В этой защитной стене вот такие короеды, представляешь?.. Я пока их давил, где-то неловко повернулся и нечаянно пошел вдоль. Я вообще человек мирный и редко иду поперек. А когда сообразил, что пора бы и выйти, то зашел уже далеко и убил слишком многих, как у нас часто и получается в делах, жизни и поступках, из-за чего каемся и уходим в монастыри, как вот поступили эти вот грешные и даже очень грешные души...

Монахи переглянулись, оба пожилые, умудренные, а отец Велизариус проговорил с сомнением опытного строителя святых стен:

— Но там же защита вроде бы уже заканчивается...

Сигизмунд воскликнул в детском изумлении:

— Стена разве толстая?.. Ах, сэр Ричард, это вы все так шутите? Я все никак не привыкну.

— Или это я худой, — сказал я, — и очень стройный... Впрочем, детали неважны. Эти мальчики нас ждали?

Монахи молча и как-то суроволице поклонились.

— Аббат, — сообщил отец Велизариус, — велел де-
журировать, если почувствуем вдруг ваше присутствие на
той стороне.

— И немедленно открыть, — добавил один из мо-
нахов.

— Ворота?

— Хотя бы калитку, если можно так выразиться.

— Аббат здесь вас не видит, — заверил я, — може-
те выражаться вовсю, отведите душу. Я промолчу, а
Сигизмунд вообще вас не поймет, у него душа с кры-
лышками.

Отец Велизариус продолжал бледным голосом:

— Однако, как же... я же сам ставил эту стену...
Правда, не один, но у нас все согласованно.

— Хорошо, — сказал я бодро, властно и решитель-
но, чтобы не дать им рассусоливать на опасную тему,
как я мог сбиться в стене толщиной в палец и почему
вышел предположительно из гранитного массива да-
леко в стороне, — возвращаемся к настоящему и до-
кладываем об успешном завершении операции по при-
нуждению соседа к миру!

Сигизмунд заулыбался, уже свежий, как огурчик
прямо с грядки, сделал шаг, оглянулся.

— Идем?

Я посмотрел строго на монахов:

— Готовы? Или нужно собрать струмент?.. Нет?
Тогда пошлите, а еще лучше — пойдете, нельзя здесь
спать. Монахам является всякое, а в таком месте, гля-
дишь, и Санегерийя по старой памяти восхочет по-
шалить...

Один спросил с недоумением:

— А это кто?

— Святые люди, — сказал я с чувством, — как
же вы мне все нравитесь! Отец Велизариус, а вы мне

нравитесь особо! Не по-особенному, а как бы сверх обычного в духовном смысле.

Сигизмунд, оглядываясь в нетерпении, пошел вперед, а это значит, увы, снова вверх.

Монахи наверху, каким-то образом узнав о нашем возвращении, хлынули навстречу, перехватили на полпути. Кто-то из них один, оставшийся неузнанным, или же группа сумела объединить усилия, но я не успел опомниться, как голова чуть-чуть закружилась, мгновенная потеря ориентации, и мы все оказались в главном зале Храма.

Я жадно вдохнул холодный воздух, чистый и без примеси дыма и чада горящей земли, огляделся. Ясный солнечный свет бьет в высокие арочные окна, вижу высокие стены с каменными изваяниями святых, толстые колонны в три ряда, поддерживающие бесконечно далекий свод...

— Господи, — сказал я счастливо, — мы дома.

Отец Велизариус подтвердил:

— Дома. Вы очень хорошо сказали, брат паладин. Вы наконец-то дома.

Рядом с ним я увидел лица брата Жака, отца Муассака, Ромуальда, Мальбраха и, конечно же, приора Кроссбрина.

Все смотрят в радостном изумлении и с такими благостно-счастливыми лицами, что я крикнул и смолчал.

Отец Велизариус сказал ликующе:

— Пойдемте к аббату! Это великое событие.

Аббат тоже узнал о нас раньше, чем мы ввалились в приемную, сам вышел навстречу, обнял Сигизмунда, а потом меня сухими кузнечиковыми лапками перекрестил и сказал с чувством:

— Господь услышал наши молитвы! Братья, заходите, располагайтесь, послушаем рассказ наших подвижников.

Рассказывать пришлось мне, хотя я пытался переписать эту честь на Сигизмунда. Однако священники сочли, что он в своей восторженности и любви к Христу будет неточен, многое наверняка не заметил, а что заметил, оценит неправильно. А вот я, человек черствый, ну, спасибо, многое расскажу такого, что они сами могли не знать или не заметить.

— Стена, — сказал я, — воздвигнутая с помощью святых молитв сильнейших чудотворцев монастыря и Храма... теперь это я вижу воочию, пока что держится.

Аббат спросил слабым голосом:

— И насколько прочна? На ваш взгляд?

Я вспомнил, как одно прикосновение к ней едва не вывернуло наизнанку, сказал поспешно:

— Для всех нечистых душ непроходима! Абсолютно!.. А так вообще-то весьма хлипкая.

Он взглянул на меня остро и зачем-то уточнил:

— А сломать ее с той стороны...

Я покачал головой.

— Мы с Сигизмундом неплохо проредили ряды наиболее воинственных демонов. А те, что простые рудокопатели или таскатели руды, — нам неопасны.

— Значит, — сказал отец Ансельм, — какое-то время у нас еще есть.

— А за это время, — добавил отец Ромуальд, — кое-что закончить успеем. Хорошо, брат паладин...

Я продолжил быстро:

— Простите, что напоминаю, но они знают о нас больше, чем мы думаем. У нас цель — спасти мир от зла, а у них все проще — прорваться к нам и всех уничтожить. Потому мы ими не интересуемся, отго-

родившись святой стеной, а они интересуются нами еще как! И собирают о нас все, что могут собрать.

Отец Кроссбрин буркнул:

— Много они могут насобирать!

— Много, — ответил я. — Даже из рая в ад могут быть перебежчики!

Наступило мертвое молчание, все перестали даже шевелиться, ожидая объяснения.

Аббат сказал устало:

— Я о таком не слышал.

— Здесь не из рая, — поправил я сам себя, — но этот Храм для меня почти что рай, настолько свят и чист.

Кроссбрин сказал с неприязнью:

— От нас тоже никто не перебегал!

— Точно? — спросил я. — А те два монаха, что решили померяться силой с демонами и прошли на ту сторону?

Аббат проговорил с настороженностью:

— Полагаю, оба погибли. Естественно, нанеся врагу рода человеческого большой урон. И души их теперь в раю.

— Я бы не назвал то место раем, — ответил я. — Хотя там и весьма тепло. Очень даже тепло! Так тепло, что рай уже и не совсем рай... К сожалению, по доброй или недоброй воле, однако оба тогда остались в том не совсем райском месте, хоть там и тепло. И зимы не бывает, надо же... Оба живые. Не знаю, насколько здоровые, но телами да, весьма даже.

Наступило короткое молчание, в кабинете повеяло холодом. Может быть, это и тайна, но двое из самых сильных монахов однажды отправились за стену и там исчезли, не подав о себе вестей.

Когда спустя дни отправили целую группу на их спасение, вооруженную до зубов, из той группы вер-

нулся только один, приполз обгорелый и умирающий, успел сообщить, что те сверхмогучие братья не погибли, а перешли на сторону Зла.

Это было так дико и невероятно, но поверить пришлось, потому отцы Храма в страхе запечатали вход самыми крепкими святыми молитвами, а потом с каждым годом укрепляли как этот вход, так и стены на всех нижних этажах.

Отец Ромуальд наконец сказал резко:

— Не может такого быть!

Я повернулся к священнику, у которого манеры викинга лезут из всех щелей.

— Почему?

— Оба знают многие из наших тайн, — проговорил он, щеки на глазах побледнели и ввалились, подчеркивая выступающие скулы. — Это было бы крахом многих наших... Брат Александро к тому же помогал отцу Кроссбрину усиливать святую защиту стены... Он знает о ней слишком много.

Отец Кроссбрин поджал губы, глаза из-под нависших бровей метнули молнию.

— Знаете ли, — проговорил он сухо, — брат паладин наговорил слишком много невероятного. Тем более брат Сигизмунд, которому мы верим свято, подтвердить не может.

— Сигизмунд был без сознания, — пояснил я. — Временно. Но весьма.

— Тем более!

Они заговорили между собой, я ощутил нарастающий гнев, опять все утопает в бессмысленных дискуссиях.

— Отец Кроссбрин, — сказал я медленно и сквозь зубы, — а могу ли я поинтересоваться...

Он ответил враждебно:

— Сделайте милость.

— Если я правильно понял того черного монаха, — сказал я, — брата Александро... так его зовут?.. он был, если верить его поганым словам, вашим ближайшим и доверенным помощником?

Он отрезал с неприязнью:

— Всего пару месяцев! И что?

— Да так, — ответил я. — Он говорил про какой-то камень в стене.

Он насторожился, сказал резко:

— Что вы плетете? При чем тут камень?

— Если его вытащить, — пояснил я, — а то слиш-ком уж расшатался... можно в нише что-нибудь поискать... Сейчас попытаюсь вспомнить, где этот камень, по словам черного монаха. И что там спрятано...

Его лицо разом побелело, он почти прошипел:

— Умолкните! Это не имеет никакого отношения к разбираемому делу.

— Точно, — согласился я, — это я так просто. Поэтическая метафора. Есть во мне такое возвышенное. А вы точно стихов в вашей очень далекой молодости не писали?.. Может быть, стеснялись и прятали от глаз старших братьев?.. За камнем в стене?

— Брат паладин...

Я прервал:

— Как я понял, вы хотели сказать, что верите моим словам истово и безоговорочно, но скромность вам мешает признать это открыто и вот так у всех на виду?

Аббат, отцы Ромуальд, Мальбрах, Ансельм и все остальные смотрели на Кроссбрина с недоумением, а он, тяжело вздохнув, произнес сломленным голосом:

— Да, после тщательного размышления я пришел к выводу, что брат паладин говорит правду. С той стороны нашу защиту ломали бывшие наши братья Александро и Серекд, некогда продавшие души дьяволу. К счастью, брат паладин каким-то образом сумел их...

— Обезвредить, — подсказал я.

— Да, обезвредить, — согласился он с неохотой. — Надеюсь, навечно. Так что наш Храм в безопасности.

Отец Ромуальд покачал головой, лицо его осталось озабоченным.

— Вряд ли. Вы это знаете, отец Кроссбрин.

— На долгое время в безопасности, — уточнил отец Кроссбрин. — Достаточно для.

Я пошевелился, они посмотрели на меня, я сказал мирно:

— А вы учитываете, что там на Дне тоже знают о Маркусе? И готовятся по-своему?

Отец Ромуальд спросил с настороженностью:

— Конечно, готовятся. Но вы знаете, как?

— Есть намеки, — ответил я. — Они хотели бы уничтожить вас всех до прилета Маркуса. Чтобы потом не гоняться за каждым в отдельности по всем оруженным землям.

Отец Форанберг, дотоле молчавший, прогудел мрачно:

— Значит, у нас остаток зимы и весна.

— Но это не значит, — напомнил я, — что ударят в последний день. Удар будет нанесен, когда расшатают защиту. А это может быть и завтра.

Отец Ромуальд буркнул:

— Хорошо, хоть не сегодня вечером.

Сигизмунд, дотоле скромно помалкивающий, сказал чистым ясным голосом:

— Это точно не сегодня. Там остались одни рабочие.

Наступило долгое молчание, наконец отец Бенедерий словно очнулся от глубокого сна или обморока, вздохнул и проговорил слабо:

— Хорошо, брат паладин! Если у присутствующих нет серьезных вопросов, попрошу братьев отвести вас

в келью и обеспечить отдыхом. Смотрите вы весьма... измотанным.

— Еле на ногах держусь, — признался я. — Что делаешь, возраст... Это Сигизмунду хорошо, на целых две недели моложе!

Глава 3

Монахи окружили нас тесной группой, но Сигизмунда вскоре утащили в другую сторону, а меня провожали до самой кельи. Я заметил и отца Кроссбрина, но тот идет в сторонке, всматривается в меня достаточно встревоженно, стараясь не показывать виду, что взволнован, но когда монахи распахнули передо мной дверь, сами оставшись в коридоре, он неожиданно шагнул за мной следом и плотно закрыл за собой.

Я с любопытством всматривался в его лицо. Он старается выглядеть как всегда сурово и непреклонно, однако сейчас на лице сильнейший стыд и вполне понятный страх.

— Брат паладин, — произнес он настолько тихо, что даже самые чуткие уши по ту сторону двери ничего не уловили бы.

— Отец Кроссбрин, — ответил я с подчеркнутым равнодушием.

— Брат паладин, — сказал он еще тише, — я хотел спросить...

— Спрашивайте, — ответил я со всей любезностью.

— Я только хотел узнать, — проговорил он с трудом, — тот черный монах... продавший душу...

— Брат Александро?

— Да, — почти прошептал он, — что-то еще говорил?

Я отошел к противоположной стене, отец Кроссбрин покосился на дверь и с облегчением последовал за мной.

— Ничего особенного не сказал, — ответил я с небрежностью урожденного аристократа, у которого предков больше, чем у стегоцефала позвонков в хвосте. — Что мне нравится в монастырских уставах, так это понимание натуры человека. Не находите?

Он пробормотал:

— Ну, это есть...

— Нельзя, — сказал я, — без отдыха карабкаться к сверкающей вершине... Те, кто сгоряча вписал такое в устав, уже разбежались, а их монастыри закрылись. Не так ли?

Он ответил осторожно:

— Энтузиазм часто выгорает быстро. И вообще... на гору нельзя подниматься бегом.

— Абсолютно верно, — согласился я. — Мне тоже, знаете ли, необходимо личное пространство, когда за мной никто не подсматривает... Нет, женское платье не надеваю, но ковыряюсь в носу, чешу то жопу, то гениталии. Это ж такое удовольствие... что, даже не пробовали? Но, увы, в эти моменты я недостаточно величественен и не совсем прекрасен. Сам чувствую, возвышенности и одухотворенности чуточку недостает в моем благороднейшем облике! Потому не хотелось бы, чтобы видели подданные... Главное, какие мы на людях, в обществе, а также, кто бы подумал, важно еще то, что говорим и делаем. Все остальное — тлен и суета. Доброй ночи, отец Кроссбрин!

— Ночи доброй, — пробормотал он несколько ошарашенно, но в голосе звучало огромное облегчение. — Спасибо, брат паладин.

— Все мы люди, — ответил я напыщенно и с ликованием, проводил его до двери и сам распахнул перед

ним. — Когда Господь был моложе и нетерпеливее, потоп насылал, города жег, а теперь уже старый и мудрый, понимает, все грешные, и либо всех перебить, либо позволить самим шаг за шагом бороться со своими слабостями, они же как бы грехи... Так что идите, отец Кроссбрин, идите, идите... Ах да, и не грешите в крупном.

Он не вышел в коридор, а выскользнул, совсем непохожий на того надменного и всевластного приора, каким я его знал до похода к нефилимам.

Около часа лежал на узком ложе и чувствовал, как из тела медленно уходит, словно испаряется, усталость. И хотя организм давно восстановился полностью, однако это другая усталость, я бы назвал ее усталостью души, если бы сам не ошетикивался, слыша подобные высокопарные слова от других.

Бобик дважды исчезал из кельи, один раз услышав какой-то шорох, другой раз просто наскучило лежать. Это человеку никогда не наскучивает такое важное дело, а я все-таки в базе, как все, и потому хорошо, что человека судят не по базе.

Я начал думать о том, что меня ждет после того, как покину Храм Истины, тело расслабилось, я ощутил то самое тепло, что приходит перед сном, вдруг келья исчезла, вокруг меня уже странный лес в глубоком снегу, слишком толстые деревья с покрученными ветвями, на высоте в два-три моих роста ветви начинают соприкасаться, а выше так и вовсе переплетаются, что привычно только для южных лесов, а на севере каждое деревце отдельно, ветвей мало, да и то все на вершинках, потому что роскошная листва нужна, дабы в жару сбрасывать излишки воды, избегая перегрева, а какой тут может быть перегрев, еще неизвест-

но, бывает ли в этом страшноватом месте вообще лето в привычном понимании...

Холод начал проникать в мое тело, а за деревьями поднялась скала, похожая на обелиск, слишком ровные у нее края, и беспощадно блещущая вершина, словно скала вся из золота, и на верхушку пали первые лучи восходящего солнца.

Я застыл, стараясь даже не дышать, дабы не спугнуть видение, слишком отчетливое, чтобы оказаться грезами, пугающе объемное, резкое и чем-то угнетающее быстро и неотвратно.

Холод коснулся сердца, кольнул остро, и видение исчезло. Я некоторое время лежал, слыша только учащенный стук сердца и прислушиваясь, как из тела начинается исход холода.

Бобик дрыхнет, он не реагирует на мои видения, если уж не замечал появления темной половинки души несчастного Целлестрина, везде тишина, затем я услышал по коридору приближение быстрых шагов уверенного в себе человека.

Раздался деликатный стук, в монастырях такое обязательно, это в королевском дворце могут вламываться без стука даже к королю, затем негромкий голос:

— Брат паладин, если вы еще не спите...

— Не сплю, — откликнулся я и поспешно сел на постели. — Заходите.

Дверь должна бы открыться или приоткрыться, однако она осталась на месте, а деликатнейший отец Мальбрах вошел кротко и тихо, посмотрел на меня бесконечно добрыми детскими глазами.

— Брат паладин, если вы отдыхаете...

— Да это я так, валялся, — ответил я и встал. — Садитесь сюда, отец Мальбрах. Вот этот стул вроде бы покрепче.

Он осторожно опустил широкий зад на сиденье, я пару раз невольно бросил взгляд на дверь, нарочно ли отец Мальбрах прошел сквозь нее или в благородной задумчивости просто не заметил незначительного препятствия.

— Вина, — спросил я, — постной пищи?

Он кисло поморщился.

— Да бросьте, брат паладин... Это важно простым людям и монахам на первых ступенях посвящения. А мы, старшие, уже обходимся без... гм... этих...

— Формальностей, — подсказал я. — Действительно, сильным не нужны строгие правила.

Я сел напротив, он сказал мирно:

— Мы и так действуем по самым строгим правилам. Хотя, конечно, иногда отклоняемся чуточку вправо или влево.

— Чаше, — сказал я, — конечно, влево.

Он с одобрением смотрел на тонко нарезанные ломти ветчины, шейки, карбонада, бекона, прекрасно понимая, что руки человеческие не смогут отрезать так ювелирно точно, но вопросов не задавал, мелочи, сильные люди не обращают на них внимания.

— Вы заставили, — сказал он одобрительно, — кое-кого занервничать.

Я сотворил две простые глиняные кружки, но одну наполнил прекрасным вином, а другую виноградным соком.

— Ну да, — согласился с ним мирно, — вы человек нервный, как вижу.

Он кивнул.

— С вами станешь. Вы знатный рыцарь?

— По рождению? — спросил я.

Он взял подвинутую ему кружку, раздвинул губы в улыбке.

— Можете не отвечать, понял. Добро пожаловать в наш муравейник, сэр Ричард. Поверьте, здесь энергичных людей намного больше, чем кажется с первого взгляда... Ух, какое вино! Я даже не думал, что палатины могут творить такое.

— Палатины тоже совершенствуются, — обронил я. — И продвигаются. Выше допуск — выше возможности.

Он кивнул.

— Я так и понял. Думаю, так везде. У нас, как вы уже поняли, именно так. Уверен, после вашего героического рейда отношение к вам изменится и допуск... будет расширен.

— Спасибо, — ответил я, — а то, честно говоря, уже начал было. Я ведь прибыл сюда с единственной целью — найти средства борьбы, чтобы остановить Маркус! А что получил?

Он переспросил мягким голосом:

— Остановить?

— Остановить, — повторил я с досадой, — уничтожить, разрушить, не дать разрушить нас!.. И если для этого нужно будет пройти какие-то искусы или испытания, я готов на что угодно, хотя и не понимаю, зачем в таком деле какие-то искусы?

Он вздохнул.

— Понимаю вас, но понимаю и отцов Храма. Искусы, по их мнению, а оно небезосновательно, позволяют точнее определить, с кем имеешь дело. Мелким или слабым людям искусы даже не предлагают.

— Ну-ну?

— А только тем, — ответил он с расстановкой, — кому готовы что-то поручить или просто доверить важное... вы понимаете?

Я сказал с досадой:

— Да-да, Господь испытывает не грешников, а праведников, это мы знаем. Но я сразу сообщил, что прибыл, чтобы найти средство борьбы с Маркусом! А на меня никто и не обратил внимания.

Он с удовольствием смаковал вино, на меня поглядывал ласково и сочувствующе.

— А это задевает, — произнес он мирно, — не так ли?

— А вы как думали? — спросил я сердито. — Я что, только о своей шкуре думаю?

— Если вы в самом деле таков, — ответил он, — то сломаете все препоны, заборы и разобьете стены. И заставите прислушиваться к себе. А вы что, в самом деле считали, что вот придете, гордо заявите о своей великой цели, и все отцы Храма тут же ринутся вам помогать, даже не зная, что вы собой представляете? И есть ли вообще у вас силенки?

— Я могу сказать, — ответил я, — кто я и что собой представляю... только, боюсь, в данном случае это не возымеет действия.

— Вот-вот, — согласился он. — Уж простите великодушно, однако здесь свои... критерии. Несколько иные, чем в мирском... гм... мире.

— Хорошо, — сказал я с досадой. — Только не предлагайте лежать ниц перед распятием с недельку. Я паладин, мне такие детские испытания просто оскорбительны!

— Брат паладин, — сказал он успокаивающе, — теперь вам такое никто и не предложит.

— Вот спасибо!

— Вы вернулись из ада, — напомнил он, — пусть это еще не совсем ад, и тем самым доказали многое.

— Но тогда пора взяться за главную проблему!

Он отпил, хотел поставить кружку на столешницу, но передумал и сделал еще два больших глотка.

— Вы могли подумать, — сказал он наконец, — здесь бояться сразиться с Маркусом... Это глупость! Так могут говорить только те в миру, кто вообще не понимает монашества. Мы в любой момент готовы отдать жизни, ибо это лишь бранные тела, а души бессмертны!

Я спросил с напряжением, чувствуя неладное:

— А что же...

— Брат паладин, — сказал он страстно, — а не рука ли Создателя послала эту Багровую Звезду, дабы уничтожить род людской, погрязший в грехах?

Я охнул.

— Опять за рыбу гроши?..

— Брат паладин?

Я ответил со злостью:

— Всем втолковываю, что даже если это в самом деле рука Создателя послала Маркус, дабы стереть нас с лица земли, то Господь же все равно дает нам шанс!.. Он всегда дает шанс. Он даже потоп отсрочил на неделю, чтобы люди успели похоронить последнего праведника, Мафусаила... ага, так Господу это было важно!.. Просто Он из последних сил давал еще шанс, совсем крохотный, будто за неделю могли одуматься, если не одумались за сто двадцать лет! Ну, а вдруг бы одумались? Он всегда дает шанс. Или вы полагаете, Господь не в состоянии прихлопнуть нас всех разом, как пес хватает муху?

Он побледнел, перекрестился.

— Страшные вещи говорите...

— Господь может истребить моментально, — отрезал я. — Не предупреждая. А если предупреждает... хоть о потопе, хоть о Багровой Звезде, то надеется, что не будем сидеть сложа руки!

Он сказал несчастным голосом:

— Но в Священном Писании сказано: один раз Господь уничтожит род людской водой, а второй — огнем. Еще Адам это знал и приготовил две записи своих законов: один высек на камне, чтоб не растворилось в воде, а второй на глине, что от огня станет только крепче. Сейчас почти все считают, что приближается кара за наши грехи, и род людской должен сгинуть...

— Очень удобная отговорка, — сказал я, — чтобы даже не пытаться бороться, а сразу начинать строить ковчег... то есть искать пещеры поглубже. Человек всегда ищет оправдание!.. Но побеждают те, кто ищет не оправдания, а способы. Я уже устал об этом говорить, вернее, кричать. И отговорку насчет стелл слышал сто раз. И сам говорил!.. Хватит толочь воду в ступе, отец Мальбрах! Вы с нами? С теми, кто попытается дать отпор? Или же спрячетесь в пещеры?

Он вздохнул, перекрестился, подумал еще, наконец ответил несчастным голосом:

— Я хочу поступить правильно, что значит — по воле Господа. Вы поколебали мою веру... нет, не в Господа, а в то, что поступаю верно, собираясь уйти в пещеры. Я буду молиться и размышлять, просить Господа подсказать, какой мне сделать выбор.

Он поднялся, я вскочил, его округлое мягкое лицо стало совсем несчастным, но взгляд, напротив, подтвердел.

— Отец Мальбрах, — сказал я.

— Брат паладин, — ответил он и, чуть-чуть наклонив голову, вышел.

Похоже, мелькнула мысль, он тоже из знатных, какие-то манеры не вышибить, это уже не вторая кожа, а скелет...

Глава 4

Бобик прибежал в середине ночи, сытый и довольный, подставил голову, чтобы я почесал за ушами, и со вздохом великого удовлетворения брякнулся на пол посреди кельи.

Я не стал ждать, пока он захрапит, повалился на свое узкое и жесткое ложе. В голове ураган, но провалился в сон быстрее всякого бобика, а там сражался, убивал, за мной гнались, надо мной кто-то кричал страшным голосом, повелевая вернуться и драться, чтобы погибнуть, как положено доблестному рыцарю. Я послал в задницу и лишь ускорил бег, а потом вообще оттолкнулся от земли и полетел с огромной скоростью, растопырив руки, что постепенно превратились в крылья...

Проснулся в поту, все еще вздрагивая от медленно затихающего громового голоса, почему его никто не слышит, весь Храм трясется, пощупал грудь, сердце вот-вот выскочит в панике, даже мышцы живота напряжены так, словно пытаются не пропустить в кишки острую сталь клинка.

Тоже мне Храм, мелькнула злобная, как голодный хорек, мысль. Сны должны приходить чистые, святочные, без всякого, ну пусть со всяким, тоже не против, еще как не против, но не эти же безобразные драки! Я же почти король, а мне эти детские драки, я давно их перерос... Уже дня два почти.

Бобик посмотрел на меня внимательно, глаза багровые, в горле затихает глухое рычание, отошел и снова плюхнулся на пол посреди кельи.

— Что, — спросил я тихонько, — оно было... зримое?

Он вздохнул и положил морду на лапы. Вот тебе и Храм, сказал я себе сердито, отгорожен, защищен... А это всякое тогда откуда?

Правда, мелькнула мысль, оно может лезть прямо из нас, человек, как известно, просто переполнен всяким, как от Сифа, так и от Змея...

Утром я поднялся рано и беспокойно ходил взад-вперед по келье, которую не назовешь тесной, в голове все еще продолжает бушевать ураган, я с изумлением ощутил, что мысли мои носятся уже далеко за пределами Храма — что неправильно, неужели я приезжал зря...

В дверь тихонько постучали.

— Сиг? — крикнул я. — Заходи!

Дверь тихонько отворилась, вошел отец Мантриус, неслышный и сдержанный, тихо-тихо притворил за собой.

— Доброе утро, — сказал он и чуть-чуть поклонился, — брат паладин.

— Правда? — переспросил я. — Утро доброе, отец Мантриус. Простите, я ожидал Сигизмунда. Садитесь, пожалуйста. Вина, мяса, девок?.. Э-э, простите, я хотел сказать, молитвенник?

Он усмехнулся.

— Спасибо, ничего не нужно. Меня прислали разбудить вас, у настоятеля собирается народ для обстоятельного разговора.

— Тогда пойдемте?

Он взглянул на потолок, подумал, что-то подсчитал, шевеля губами.

— Трое из старших сейчас заняты внизу, — сообщил он. — Крепят стену, готовят неприятные сюрпризы тем, кто сумеет прорваться... Это займет их еще на полчаса.

— А Сигизмунд?

— Юный паладин сейчас в молельне, — сообщил он. — Просит Господа очистить от великих грехов... откуда у него великие грехи, брат паладин?

— Думаете, — огрызнулся я, — от меня набрался? Грехи не блохи, так быстро не перепрыгивают.

Он огляделся, по-хозяйски сел на табуретку, очень ровный и спокойный, в полном равнодушии пожал плечами.

— Сейчас он просит дать силы для новых сражений... Могу сказать еще, брат паладин, отец настоящий готов с вами наконец-то поговорить серьезно.

Я встрепенулся.

— Надеюсь, мои слова наконец-то дошли... или кого-то задели? Как насчет вина на дорожку?

Он подумал, махнул рукой.

— Ладно, но только вашего. После него такой огонь по жилам!

Я наполнил кружки, себе снова темно-красного виноградного сока, отец Мантриус взял свою обеими руками, поднес к лицу и с удовольствием принялся.

— Божественный запах, — проговорил он с чувством. — Ной не все на ковчег взял, но виноградную лозу выбрал лучшую.

— Надеюсь, — согласился я и невольно подумал, что во времена перед потопом вообще не осталось непьющих, если даже лучший из лучших оказался почти алкоголиком. — Помимо постройки ковчега это второе великое решение Ноя.

Он хитро улыбнулся, сделал большой глоток.

— Заметьте, брат паладин, ковчег велел построить Господь, а виноградную лозу Ной взял сам!

— У нас всегда так, — согласился я. — Полезное делаем только по приказу, а пакость какую — так сами с песнями!.. Отец Мантриус, когда вы в прошлый раз спорили с отцом Аширвудом, вы очень хорошо не-

сколько раз его поймали на скользком льду... Или, говоря по нашему, по-паладиньи, врезали с правой...

Он усмехнулся, отпил снова и некоторое время смаковал, полузакрыв глаза.

— У нас такое случается часто. Что именно вы имели в виду?

— Вы красиво сказали, — напомнил я, — ваша деятельность в стенах этого монастыря служит спасению всего человечества... это была фигура речи? Должен сказать, очень эффектная!

Он перевел дыхание, повторил с неудовольствием:

— Что вы имеете в виду?

— Правильно ли вас поправил отец Аширвуд, — разъяснил я, — что вы имели в виду спасение только душ человеческих?

Он взглянул на меня из-под нависших бровей, помолчал, но я ждал с великим терпением, и он произнес сумрачно:

— Брат паладин, это и есть наша первостепенная задача!

— А какие второстепенные? — спросил я настойчиво.

Он фыркнул, вперил взгляд в кружку, где уже явно показалось дно, затем поднял голову и взглянул на меня в упор.

— Вы ведь были воином, брат паладин?

— Я им и остался, — объяснил я. — Как паладин, являюсь рыцарем-монахом. И сражаюсь с нечистью мечом и крестом, спасая не только души, но и тела, ибо Господу нужны живые люди, чтобы строили Царство Небесное на земле, как он и велел нам делать, выгнав на принудительные земляные работы Адама с его женой.

Он буркнул:

— Ну, Адама вообще-то зря... хотя, конечно, если жена согрешила, да еще со Змеем, то виноват все-таки муж. Однако не мое дело Господа осуждать, хотя, будь я тогда там, я бы деликатно подправил, учитывая его возраст... В общем, есть и второстепенные, как же без них? Хотя для кого-то из наших они стали уже перво-степенными.

— Отец Мантриус?

Он посмотрел на меня почти с неприязнью, как на человека, что пристаёт с какими-то мелкими не-существенным вопросам.

— Есть братья, которых больше заботит мирская жизнь. Нет, сами туда не уйдут, но о живущих в ней радеют, хотя если те погибнут летом, то попадут в рай, а проживи они жизнь до конца — сколько нагрешат?

Сердце мое забилося чаще, я спросил жадно:

— Это те, которых заботит Маркус?

— Багряная Звезда, — отрезал он сурово, — это знак, это приговор, это испытание!.. Это как гибель Содому и Гоморре... нет, это как Всемирный потоп, который наслал Всевышний на погрязшее в грехе че-ловечество!..

Я сдержался от резкости, проговорил почти сми-ренно:

— Отец Мантриус, я уже устал напоминать, хотя монахи лучше меня это должны знать, Господь о Все-мирном потопе предупредил за сто двадцать лет!.. Он велел Ною посадить кипарисовую рощу, а через сто двадцать лет срубить эти деревья и построить из них ковчег, на котором и спасется с женой и сыновьями. Люди смотрели, как сажает Ной черенки, спрашива-ли, зачем, он объяснял, а они смеялись, хотя могли бы постепенно одуматься, покаяться, начать вести более достойную жизнь, и потопа бы не было!.. Бо-лее того, наступил день потопа, но умер великий ге-

рой Мафусаил, и Господь отсрочил потоп еще на несколько дней, чтобы героя похоронили с почестями и выждали время траура... Это был последний шанс, но люди не воспользовались даже им.

Он сказал с неприязнью:

— Мы это знаем. Лучше вас знаем и помним. К чему эти слова?

— Господь и сейчас дает шанс, — сказал я с нажимом. — Если будем жить, как люди до потопа... ну, как и жили, то Багровая Звезда Зла сметет нас с лица Земли, а немногие уцелевшие дадут начало иному человечеству... если в самом деле уцелеют, ведь когда-то могут и не уцелеть! Однако если сумеем дать отпор этому проклятому Маркусу, то Господь скажет, что мы выдержали испытание, и... всемирный потоп будет отменен!

Он буркнул:

— Всемирный потоп уже был. Теперь человечество погибнет в огне. Имелся в виду, конечно, Маркус.

— Но может и не погибнуть, — возразил я. — Господь дал нам свободу выбора! Теперь не сможем, как дикие эллины, валить все на волю богов. Все зависит, увы, только от нас!

Он допил вино, со стуком опустил кружку на стол.

— Пойдемте, брат паладин. Там наверняка все уже почти собрались.

В залах монахи и священники попадаютсЯ нам чаще обычного, останавливаются и кланяются, я чувствую на спине их сверлящие взгляды. Похоже, уже все знают и обсуждают миссию, с которой прибыл этот брат паладин, не все одобряют, что странно, хуже того, чувствую, многие в прибытии Багровой Звезды

видят почему-то благо. Хотя вовсе не почему-то, теперь знаю, почему.

В приемной настоятеля двое монахов шуршат бумагами, оба вскочили и смиренно поклонились.

— Отец Бенедерий ждет вас, — произнес один, не поднимая взгляда.

— Проводить вас? — спросил второй.

Отец Мантриус не успел ответить, я сказал со все еще не улетучившимся раздражением:

— Ребята, займитесь делом! Отец Мантриус тут лучше вас знает, где что лежит.

Отец Мантриус зыркнул на меня, но смолчал, а я сам отворил дверь и перешагнул порог.

В кабинете настоятеля с краю стола сидит еще и отец Кроссбрин, у него на коленях стопка из книг, а сам аббат по ту сторону гигантского стола кажется совсем маленьким и высохшим, как старый кузнецик, что уже и не поет, а только скрипит всеми суставами, но при нашем появлении довольно бодро отодвинул толстый манускрипт, показывая, что все внимание нам, указал тонкой птичьей рукой на два кресла по эту сторону стола.

— Садитесь, братья. После вашего ухода, брат паладин, мы долго обсуждали взаимосвязанные проблемы.

— И не пришли, — сказал я смиренно, но едко, — ни к какому выводу.

Он слабо улыбнулся, наблюдая, как мы с отцом Мантриусом усаживаемся. Я просто сел, а отец Мантриус медленно и величаво опустил на сиденье, красиво расправив складки длинной рясы.

Отец Кроссбрин переложил одну книгу на стол, а вторую раскрыл на середине и сделал вид, что читает.

— Почему же не пришли? — произнес аббат мирно. — Хотя в какой-то мере вы правы, взгляды разделились.

— И большинство за то, — сказал я, — чтобы сидеть и не высовываться?

Приор скривился так, что заскрипели морщины, но все так же упорно не отрывал взгляда от страниц.

Аббат кивнул отечески:

— Вы правы. Но большинством всегда правит меньшинство. Хорошо это или плохо, но так было, есть и будет.

— Да, — согласился я. — Прекрасный принцип демократии!.. И что решило меньшинство, что рулит большинством? Ведь Маркус не так уж и похож на Божью кару. Во-первых, это не звезда, раз опускается на Землю, набирает пленных, а затем улетает, предварительно уничтожив все или почти все на поверхности Земли.

Аббат проговорил так же мирно:

— Есть мнение, что так называемые пленные — не совсем пленные, а скорее насильно спасаемые на небесном ковчеге... гм... так вот, если это так, то Багровая Звезда не совсем то, чем ее считают...

Я покачал головой.

— Ной был избран, потому что был лучшим в том дерьме, в которое превратилось человечество. А по какому принципу Маркус отбирает спасаемых?.. Нет, отец Бенедерий, я не хочу вдаваться в дебри споров о природе Маркуса. Для меня это зло, которое уничтожит род людской, потому надо с ним бороться... Храм и монастырь смогут ли чем-то помочь?

Отец Кроссбрин то и дело поднимал голову и поглядывал в нашу с отцом Мантриусом сторону, наконец не выдержал, хлопнул книгой по колену и сказал почти злобно:

— Брат паладин, вы бы сперва, прежде чем упрекать нас в лени и трусости, посмотрели на себя. Герой, да?.. Призываете на борьбу с Маркусом, ну да.

Но сами-то что-то стоите? В смысле что-то можете предложить дельное?..

— Но я же...

Он остановил тем же брезгливо снисходительным жестом.

— Уже слышали. Вы об этом кричали во всех коридорах. Еще бы: с длинным мечом в недрогнувшей, отважно и смело, а главное — красиво!.. И, конечно, сами даже не пытаетесь уразуметь, что ничего еще не представляете? Да-да, я помню, что вы сделали там, внизу, но сейчас говорим о Маркусе. Вы прибежали к нам с криком: он всех убьет, давайте его сами убьем. Но... как?

Я запнулся с ответом:

— Пока... не знаю.

— И мы не знаем, — ответил он жестко. — Потому и уходим в пещеры. Но если знаете, скажите!

Настоятель проговорил тускло:

— И тогда мы сами пойдем и убьем.

Я открыл и закрыл рот. Священники смотрели с жалостью, а отец Бенедерий с таким сочувствием, что я сразу ощутил себя убогим и весьма калекистым.

Отец Мантриус сказал мирно:

— Брат паладин уверен, что мы, занятые мелочными делами, даже не пытаемся чем-то воспротивиться. Но у меня только один вопрос к нему, самый простой...

Аббат остановил его жестом.

— Не надо. Как-нибудь потом. Брат паладин, я вижу тяжкую скорбь на вашем челе...

Дверь распахнулась, в комнату вошли отцы Леклерк, Ромуальд, Фростер, Муассак, Латард, Стоунвуд и еще с десяток старших монахов. Мы выждали, когда они тихо усядутся вдоль стен, я ответил с тоской:

— Отец Бенедерий, время течет быстрее, чем песок между пальцев. Не знаю, как далеко судьба меня

забросит, но что, если я, отыскав нужное, вдруг не успею вернуться в Храм до рокового дня?

Он подумал, взглянул на меня осторожно. Я затаил дыхание, вдруг показалось, что вот сейчас выдвинет ящик стола, вытащит браслет, а то и вовсе колечко, дескать, вот надень на палец, сразу перенесет тебя куда хочешь... или хотя бы только к нам, и то что-то.

— Брат паладин, — произнес он негромко и с такой доверительностью, что я невольно чуть придвинулся к нему ближе, — некоторые братья предполагают, что вы в состоянии передвигаться даже быстрее, чем на удивительном арбогастре, о котором в наших книгах остались только упоминания.

Я ответил скромно:

— По милости Всевышнего.

— Потому не стоит умножать сущности, — ответил он, — сверх необходимого.

— Понял, — ответил я послушно. — Брат Оккам не в вашем монастыре трудится?

Он приподнял брови.

— Брат Оккам? Нет, о таком не слышал. Думаю, брат паладин, вы достаточно оснащены для любого угодного Творцу действия. Только используйте эти возможности, раз уж они у вас есть.

Прибывшие позже дотоле помалкивали, но сейчас отец Ромуальд поднялся во весь рост, оглядел монахов с высоты своего громадного роста.

— Думаю, — прогрохотал он, — не ошибусь, когда выражу общее мнение. Брат паладин Ричард прибыл к нам, чтобы с нашей помощью дать бой этому исчадию ада Маркусу. Но мы даже не представляем... Брат паладин, мы полны понимания, а я в числе тех, кто очень хотел бы тебе помочь. Но у меня к тебе очень простой вопрос. Допустим, у нас появилась возможность прихлопнуть Маркус одним ударом...

— Неплохо бы, — ответил я настороженно.

— Тогда скажи мне, — проговорил он почти ласково, — где он опустится?

Я открыл и закрыл рот. Почему-то даже не рассматривал тот вопрос, словно Маркус должен приземлиться у меня во дворе или, на крайний случай, в полумиле отсюда.

— Разве не может случиться так, — продолжил он, — что Маркус сядет всего лишь за пару королевств от нас?

Приор сказал с ехидцей:

— Это же близко, верно?

— Всего месяц, — подтвердил отец Ромуальд, — для кавалерии. Да только Маркус наберет рабов и поднимется в воздух до того, как мы пройдем даже треть пути!

Один из священников, которого я вообще даже не видел, добавил деловитым тоном:

— И вообще... на северном континенте или южном опустится? Брат паладин, не делайте большие глаза, мы знаем про южный континент, про архипелаги в океане и даже о подводных городах. Так вот, мы не знаем, где он сядет на землю, чтобы наполнить свои трюмы людьми. А вы?

Отец Мальбрах повозился на месте, не утерпел, быстро встал и снял с полки книгу огромного формата, хотя и довольно тощую.

— Вообще о Маркусе, — сказал он, — всего одно сообщение. Да-да, что он опустился, набрал людей, затем поднялся в небо, ушел высоко-высоко, его можно было разглядеть только как яркую звездочку, а затем земля пошла волнами, как море при сильной буре...

— Но говорят же, — сказал я осторожно, — что он раз в пять тысяч лет возвращается...

— Это уже на выводах, — пояснил он. — Никто не видел, где он опустился, но все видели его приближение, а потом земля затряслась, все на ней рухнуло и рассыпалось в пыль, а затем пошли новые провалы, трещины, горы... И когда в очередной раз в небе Багровая Звезда начала разгораться все ярче, люди уже понимали, чего ждать, и полезли в пещеры...

Отец Форанберг, это который сторонник традиций в одежде, вздохнул, сказал с натужным оптимизмом:

— С каждым прилетом Маркуса народу спасается все больше. Глубокие пещеры разведаны заранее, туда опускается зерно, воды хватает в подземных реках. Церковь сохраняет книги, особо оберегает ученых богословов...

— И когда-то люди дадут бой, — подытожил один из молодых священников с блеском в глазах.

Я сказал коротко:

— Это «когда-то» пришло.

Глава 5

Аббат пошевелился, послышался хруст суставов, мы замолкли и повернули к нему головы.

— Наш первый искус для брата Ричарда, — произнес он шелестящим голосом, — предлагаю...

Он огляделся значительно, все ли поняли, а отец Мантриус, как самый сообразительный, сказал быстро:

— Пусть брат паладин отыщет место, куда опустится Маркус...

— Испытание, — уточнил Кроссбрин с некоторым злорадством. — Искус ему еще предстоит.

На меня взглянул с явной неприязнью, во взгляде я прочел нечто зловещее и даже гадкое, будто удар в спину.

— Испытание, — согласился отец Ромуальд тем же могучим голосом. — До прибытия Маркуса меньше чем полгода! Да какие полгода? От силы месяца три-четыре. Так что времени у тебя, брат паладин, в обрез.

Я поднялся.

— Хорошо. Сегодня же выезжаю.

Мантриус сказал милостиво:

— Можешь завтра с утра.

Я сказал озадаченно:

— Вы это все серьезно? Хар-р-рошее поручение!.. Как я могу узнать, где приземлится Маркус?

Он отвел взгляд.

— Брат паладин, у нас не простой монастырь... и не простой Храм..

Отец Леклерк, что все помалкивал, буркнул с неудовольствием:

— Все равно мне кажется, брату Ричарду даем невыполнимое задание.

— Зачем?

— А чтобы не мучил воду, — сказал он раздраженно. — Приор... и другие из высшего круга сразу ощутили, что прибыл человек, обладающий большими возможностями. Некоторые полагают, что он все-таки визитатор, только пока не раскрывается...

Я пробормотал:

— Меньше всего на свете я хотел бы стать проверяющим по монастырям. Меня ничего не интересует сейчас, кроме Маркуса. Его само существование — оскорбление для меня как человека!.. А в ваших библиотеках что-то есть по Маркусу?

— Слишком мало, — ответил отец Леклерк, — да и вы это уже знаете, брат паладин. Честно говоря, я тоже не представляю, где искать...

Я видел, как сидящие у стены начинают переглядываться, некоторые шушукаются, наконец отец Латард произнес нерешительно:

— А может быть... гм... ангелы что-то подскажут?

Приор зло поджал губы.

— Шутите?

— Они обязаны помогать, — возразил Латард. — Разве нет?

Приор напомнил еще злее:

— Божественные ангелы даже сейчас иногда бунтуют и отказываются подчиняться Всевышнему! С чего они станут помогать в том, что может помешать каре Господней?

Я спросил в изумлении:

— Что, до сих пор бунтуют? Значит, войско противников Господа растет? И они в конце концов победят?

Отец Мальбрах весь пошел иглами, сказал резко:

— Ни за что! Воинов Господа меньше, но они сильны верой!

Настоятель сказал мирно:

— Ангелов Господа становится все меньше, все верно. И ошибаются те, кто полагает в своей незамутненной вере, что сила Божьих ангелов растет. Нет, они остаются такими же, какими были созданы.

Я спросил тревожно:

— Тогда темные победят ввиду простого большинства?

Аббат посмотрел на меня ласково, как древний мудрый дед на сопливого внука:

— Еще не понял, сын мой? Господь изначально делал ставку на человека. Сила ангелов, как светлых, так и темных, остается той же, ангелы неизменны по сути своей, но человеку дано развиваться, его сила растет.

Отец Муассак перекрестился и сказал поспешно:

— Мудрость Господа велика!.. Он не зря назвал человека венцом творения и велел ангелам поклониться ему! А мог бы сами знаете, как назвать... Я бы точно назвал!

— Господь милосерден, — вступился за Господа отец Ромуальд, — и смотрит далеко вперед, чего мы не видим из-за своего малого роста.

Аббат изрек пророчески:

— Придет время, человек сравняется с ангелами по мощи и превзойдет их. Тогда ему покорятся все. Но уже сейчас, сын мой...

Я вздрогнул, посмотрел на него в испуге и даже отступил на шаг.

— Нет! У меня руки кривые, чтобы тягаться с ангелами!

Отец Кроссбрин взглянул на меня, перевел взгляд на настоятеля.

— Отец Бенедрий... а может быть, брату паладину в самом деле... в качестве испытания?

Настоятель посмотрел на меня с сомнением.

— В нем нет веры, как в брате Сигизмунде.

— Да, — протянул отец Кроссбрин разочарованно, — без веры там, увы... Брат паладин, а если это в самом деле было бы твоим испытанием?

— Отец Кроссбрин, — спросил я сварливо, — а вы уже прошли все испытания?.. Может, покажете свою подлинную мощь?

Настоятель раскинул примиряюще руки.

— Тихо-тихо, братья! У отца Кроссбрина были свои испытания, у брата Ричарда — свои. Пока ему рано тягаться с ангелами. Хотя он вообще-то готов, но на самом деле не готов. Потому всего лишь должен узнать, где приземлится Маркус.

— Только и всего, — сказал Кроссбрин ехидно.

Все молчали, а настоятель оглядел всех из-под кустистых седых бровей, словно припорошенных снегом, все не сводят с него взглядов, и сказал со вздохом:

— Брат паладин сейчас отправится в часовню принести молитву о защите в дальнем странствии, а мы подумаем... что можно сделать еще. Вы можете идти, брат Ричард.

Я поднялся, поклонился и вышел. Дверь часовни посмотрела на меня, проходящего мимо, в недоумении, но паладинам часовни и даже церкви не нужны, говорим с Творцом напрямую, потому прошел через залы, не глядя по сторонам, неприлично, монах у выхода во двор не успел за моими стремительными движениями, совсем не монашескими, а я пинком распахнул дверь в свежий морозный день с искрящимся на солнце снегом и чистым воздухом.

Во дворе почищено, словно снегопады обходят Храм и монастырь, а может, и в самом деле обходят, небо синее, солнце сияет уже ярко, щека ощутила его горячие лучи...

Народу нет, у колодца старая наледь, словно никто вообще не берет из него воду, зачем тогда эта декорация, разве что для проверяющих визитариев...

Я быстро прошел к расположенному под защитой стены зданию конюшни, но только успел протянуть руку, как сзади послышалось стремительно приближающееся жаркое дыхание.

Бобик налетел, как тур на новые ворота, мощно прижал к стене и требовательно спрашивал: не вздумал ли тайком убежать, а его здесь бросить?

— Сам знаешь, — огрызнулся я, — что не брошу! Бессовестно вот так выпрашивать, даже вытребовывать чесание и потрепывание...

Он помахал хвостом и сказал, что ничуть, с хитрыми людьми приходится быть хитрым, а просить

почесать — святое дело, так как ни одна собака не в состоянии почесать сама себе спину, потому вот и вынуждена прибегать к хитростям.

— Ладно, — сказал я и пару раз скребнул когтями по его спине. — Это аванс, почесу в другой раз.

Арбогастр, что стоит, как статуя из черной блестящей стали, ощутил наше присутствие, мертвые глаза засветились багровым, хвост дернулся, а ноздри расширились, улавливая наши запахи.

— Мы по тебе соскучились, — сказал я. — Еще пришли сообщить, что сегодня же отправляемся в дальний путь.

Он довольно фыркнул, потянулся ко мне мордой. Бобик попытался ревниво втиснуться между нами, но мы воспротивились, а я, оглянувшись по сторонам, украдкой вытащил из седельной сумки клетку с пленником, она не крупнее рубина в навершии моего меча, а сам заключенный вообще размером с муху.

Я взгляделся, вроде бы жив, лежит на боку в позе эмбриона, да и что с ним сделается, если бессмертный и неубиваемый.

— Эй, ты как?

Он разогнулся, я видел, как крохотное личико перекосила злая гримаса:

— Пришел просить прощения?

Я проговорил в недоумении:

— Я? Это тебе пора бы передумать...

Донесся тончайший голос, похожий на комариный писк:

— Ни за что!..

— Я не спешу, — сказал я благожелательно. — Думай еще. Жаль, я занят, а то бы придумал, куда поместить эту милую клеточку. Скажем, на лед, в огонь или под воду... А то и по очереди?

Он успел пискнуть:

— Но я же сказал, что принесу тебе присягу верности!

— А как я проверю? — спросил я резонно. — Если даже люди врут... Мне нужны не только клятвы, но и гарантии.

Он что-то пищал, но я молча запихнул клетку в седельный кармашек, дал арбогастру огромный кусок кристаллического сахара, он сразу же начал хрустеть им, словно дробил гранитные валуны, я чмокнул в мягкие бархатные ноздри и в сопровождении Бобика покинул конюшню.

Пока аббат решает, как можно использовать меня в общем, так сказать, деле, я вернулся в келью, пытаюсь выстроить в мозгу схему и планы завтрашних дней.

За Сакрантом, как рассказывала Аскланделла, на севере огромная и довольно пустынная Эстия, а за нею веером Аганд, Сизия и Меция, дальше Олдвуд и Гинтершелленберг, об этих странах вообще ничего не известно, и даже послов к моему двору не направили ввиду удаленности...

Я прошел с армией из Варт Генца через Бриттию, а затем Ирам в Пекланд с небольшим заходом в королевство Эбберт, а оттуда, из Пекланда, внезапным ударом захватил Сакрант, где и оставил армию на зимовку. Сейчас от нее слева овеваянное зловещей славой королевство Мордант, справа — королевство Алемандрия со столицей Тантра-Ней, где правит неистовый воитель Конрад, которому не дает покоя слава добродетельного и кроткого короля Арнольда, чье королевство Галли, расположенное рядом, процветает под его правлением.

За спиной, то есть с южной стороны, откуда мы притопали, если по прямой, то Пекланд, Скарлянды, Шателлен и Турнедо. И моя дорогая Армландия, о

которой почти забыл, но тамошние лорды гордятся мною, их гроссграфом, что завоевывает мир.

Армландия упирается в Большой Барьер, за ним Сен-Мари, королевство на берегу безбрежного океана, хотя все еще не понимаю, как можно стоять на берегу и говорить о безбрежности.

Итак, с чего же начать? Кстати, можно вспомнить, что в Мезине на троне моя взбунтовавшаяся жена, решившая пинком выбросить из дворца отсутствующего консорта, а вместе с ним и остатки его власти, а в Ламбертинии я оставил править эльфийку в полной уверенности, что никто не попытается захватить земли герцогства, посмевшего объявить себя королевством.

Самый могучий сосед там король Барбаросса, что давно строил планы по захвату Ламбертинии, даже женился для того, чтобы зажать ее земли с двух сторон: своего Фоссано и королевства Фарландия, которым правил его тесть, но тот передал ему трон и ушел на покой. Так что Ламбертиния слева и справа, то есть с запада и востока, зажата в клещах Барбароссы, с юга подперта Большим Хребтом, и только на севере граничит с Вендовером, король которого прислал в мое войско своего единственного сына заложником, и королевство Лихтен, о котором слышал краем уха, что правит там король Таннерс.

Начинать придется наверняка с Сакранта. Уже просто потому, что это королевство самое северное и лежит прямо на дороге. Но из него тоже нужно будет уйти так, чтобы остаться...

Когда я вернулся в здание, в холле меня перехватил отец Муассак.

— Брат паладин, перед дорогой получите благословение аббата.

— Иду, — ответил я бодро. — Получать я люблю! Он сказал кротко:

— Наши братья приучены больше давать, чем брать.

Мне почудился упрек, я ответил так же бодро:

— Я тоже раздаю направо и налево, как удары, так и титулы, не жалко! Я вообще-то щедрая душа, могу и вдарить, это же так весело и благочестиво...

Он нахмурился, дальше шли молча, монахи распахнули перед нами дверь в кабинет аббата. Он поднялся навстречу, обогнул стол, рядом с его массивностью совсем худой и высохший, отец Муассак низко поклонился.

— Отец Бенедерий... прошу благословения для брата паладина.

Аббат взял со стола крестик на тонкой цепочке, и, пока он ее расправлял, готовясь надеть на мою шею, я успел рассмотреть, что крестик несколько странный, ибо по апостольской традиции Иисус на крестах еще жив, на католических — мертв, это видно по тому, что тело всегда висит на руках, а голова опущена на грудь, но здесь он на четырех гвоздях, как в апостольской, а не трех, как в католической, зато подножка прямая, а не косая, к тому же многовато концов, что характерно для апостольской... и вообще на всех концах креста какие-то глубоко вдавленные монограммы с загадочными знаками.

— Спасибо, — сказал я с надлежащей ноткой уважения. — Спасибо... весьма спасибо!

Он надел через мою склоненную голову, отступил и посмотрел строго.

— Судя по голосу, брат паладин, ты не понял. Это в самом деле святой крест.

— Правда? — спросил я с живейшим интересом. — Что даст?

— Только защиту, — ответил он еще строже. — Церковь всегда дает только защиту.

— Это хорошо, — сказал я. — А вдарить и сам смогу! Из-под защиты это еще слаще... Спасибо, отец Бенедерий!

Судя по его лицу, он смягчился, слыша мой искренний голос и глядя в мое чистое честное лицо с бесстыжими глазами.

— Отбываешь, — спросил он, — прямо сейчас?

— Да, — ответил я. — Если не мы, то кто?

Он не понял, переспросил в недоумении:

— Мы что?

— Спасем мир, — пояснил я. — Мир нужно спасти, отец Бенедерий!

Он посмотрел на меня исподлобья.

— А мы, по-вашему, чем занимаемся?.. То-то. Если брать шире, брат паладин, то все мы, которые считаются хорошими людьми, спасаем мир. Или хотя бы не даем соскользнуть в бездну. А вы думали, только мечом?.. Если бы все держалось только на мечях, мир бы давно сгинул!

Он перекрестил меня, я все понял и, поклонившись, вышел в холл. За мной последовал отец Муассак. Я думал, там и останется, однако он пошел рядом. В конце анфилады залов монахи распахнули перед нами обе створки ворот, будто нас прет дюжина в ряд.

Пахнуло холодным воздухом, отец Муассак повел носом.

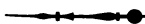
— Весна...

— Это весна? — усомнился я.

Монахи побежали в конюшню за моим арбогастром, отец Муассак проводил их задумчивым взглядом.

— Отправитесь на коне?

— А что, — спросил я сердито, — он поедет на мне? Отец Муассак, что-то я вас не совсем понимаю.

Он ответил туманно:

— Да тут у некоторых, особенно внимательных и чутких, возникли предположения... Знаете ли, есть люди вроде нас с вами, которым хоть кол на голове теши, а есть чуткие тонкие натуры...

— Меня чуйства не волнуют, — отрезал я. — Будучи прагматиком, я должен выполнять свой долг сюзерена. Что вы хотели сказать своим тонко-чутким заявлением?

Он пробормотал:

— Простолюдины всегда либо ходят, либо ездят на телегах, благородные люди — верхом, а всякие там маги... гм... даже непонятно как.

— Вот-вот, — сказал я. — Темно и непонятно, как история мидян.

— Конечно, — добавил он, не обращая внимания на мою реплику, — им потом держать ответ перед Иисусом на Страшном суде, но в этой жизни у них явные преимущества, не находите?

Я гордо вскинул голову и выпятил нижнюю челюсть.

— Не знаю, мне маги неинтересны. Мои задачи, отец Муассак, хоть и неловко такое говорить, будто весь обуян гордыней, но все же помасштабнее!

— Вот этого я и боюсь, — сказал он мягко. — Ох, какой у вас конь... Признаюсь, я пару раз заходил в конюшню только для того, чтобы полюбоваться на такого красавца!

Я молча подошел к арбогастру, попытался отпихнуть Бобика, но если тот упрется, проще сдвинуть с места вросшую в землю скалу, арбогастр фыркнул, сделал шаг вперед, и я вставил ногу в стремя.

На крыльцо вышли приор, деканы, елемонизарий, келарь, многочисленные бейлифы и прочие из руководящей верхушки, выказывая мне знаки внимания и

подчеркивая, что не просто отпускают меня из Храма, а возлагают серьезную миссию.

Я вскинул руку в прощании.

— Святые отцы...

Приор перекрестил меня, за ним задвигали руками и остальные, так что я ощутил себя укутанным паутиной, что сплелась в сплошной кокон.

Бобик в нетерпении подпрыгнул и ринулся к воротам, ему что замок, что монастырь, везде хорошо, все кормят и чешут, но еще лучше, когда навещаешь старых друзей, тем самым как бы расширяя нашу непобедимую стаю.

Глава 6

Отец Муассак прав, у меня была мысль промчаться с милю-другую, чтобы скрыться с глаз, потом остановиться и попытаться через Зеркало Горных Эльфов сократить время и расстояние, потом вспомнил, что у меня запланировано множество остановок по дороге, вздохнул и сказал Зайчику:

— Теперь можешь... всюю. Тут везде пусто...

Ветер взревел, перешел в ураган, я пригнулся, укрываясь под роскошным навесом гривы.

Мы долго неслись с такой скоростью, что даже Бобик не пытался ловить дичь, иначе безнадежно отстал бы, а я иногда выглядывал из-под защитного навеса, видел, как пошли пологие холмы Меции, промелькнула накатанная дорога до столицы.

Я покосился в ее сторону, сердце слегка защемило от сладостной неловкости. Стыдно и приятно.

Фараон, которому Авраам сказал, что Сара не жена ему, а сестра, взял ее к себе и сделал наложницей, а Авраам благодаря жене в постели фараона имел

«...мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки, и верблюды...»

У меня же еще хуже, я знал, что Елизавета Тернельдская не сестра королю Вольфгангу, а жена, но спал с нею при молчаливом согласии ее мужа. Хотя король и сам не промах, за такое мое свинское поведение получил намного больше, чем лошаки и верблюды. Так что это еще та парочка, можно сказать, сообщники, и нечего мне стыдом исходить, как мучкой сладкой. Все мы показали себя не самым лучшим образом, если исходить из высоких требований, но вполне по-земному: каждый поимел от такой сделки вполне конкретные блага и удовольствия, хотя о таком нельзя рассказывать даже друзьям, все-таки они до жути чистые души, хоть и не сигизмунды, конечно.

И на будущее надо держаться. Чем выше власть, тем чаще будут такие вот сладкие подводные камешки, о которые самому захочется запнуться. Не хорошо думать о людях плохо, но все равно найдутся честолюбивые и беспринципные, которые жену и дочь готовы уложить в постель лорда, только бы продвинуться, получить, иметь доступ, влиять...

Впереди появилась и стремительно приблизилась еще одна дорога в сторону столицы Меции, хорошо накатанная и прямая. Бобик даже остановился, видя, как я придержал арбогастра, оглянулся с вопросом в больших детских глазах.

— Нет, — сказал я сквозь зубы, — нет... вставай и топай, гад... мало ли, что хочется полежать в теплой постели... Тот, кто долго спит, чистит коня встающему рано.

Он посмотрел с недоумением, как это вставать, когда он и не ложился, но я уже тронул арбогастра, и мы снова понеслись, рассекая плотный холодный воздух, как стрелы из гастрарафетов великанов.

Меция, мелькнула мысль, кстати, единственное или чуть ли не единственное королевство, где никаких колдунов, во всяком случае во дворце, а какой король не берет к себе на службу самых сильных из доступных? Не заметил я и сурового и даже мрачного влияния Церкви. Все как-то светло и приятно во всем, будто некая северная Эллада.

Арбогастр все наращивает скорость, ураган ревет, затем начал стихать. Я выглянул из укрытия и увидел, как впереди появился и стремительно приближается сверкающий под солнцем город.

— Стоп-стоп! — вскрикнул я. — Чуть помедленнее... еще медленнее...

На холме я вообще остановил арбогастра, чтобы успеть окинуть взглядом Генгаузгуз, столицу королевства, а то сразу вслед за Бобиком внесет в лабиринт улиц, не успею сказать «мама», как передо мной вырастут ворота дворца, а мне нужно еще принять вид победителя, за которым идут верно и преданно и верят ему с выгодой для себя.

Когда спустился с холма и пустил арбогастра по дороге в сторону городских врат, обратил внимание, что крестьяне старательно роют в проседающем снегу канавы с обеих сторон.

Я восхитился, как умно, хорошо кто-то придумал. Снег, быстро или медленно истаявая, уйдет ручьями по этим канavam, не размочит и даже не подгрызет с краев дорогу.

На стук копыт повернулся старший над работающими, поспешно сорвал с головы шапку и поклонился.

— Ваше высочество!

— Мое, — согласился я. — Хорошее дело, молодцы!

Он сказал подобострастно:

— Ваше повеление исполняем!

— Ага, — ответил я, — ну да, я такой, от меня только хорошее, замечательное и очень даже замечательное!

Он робко улыбнулся, я же шучу с ним, таким простым человеком, а я пустил арбогастра дальше, стараясь припомнить, когда такое повеление дал, какой же я все-таки внимательный к простому человеку, даже до таких мелочей снисхожу...

Правда, видимо, слишком мелкое на фоне великих дел, потому даже с моей памятью не вспомнил, когда и как, но это неважно, народ видит мою неусыпную заботу.

За спиной раздался далекий звук трубы, звонкий и требовательный. Я оглянулся, по дороге мчится всадник в одежде цветов королевского двора, попона конская тоже с гербами, даже я признал золотые мечи, повернутые остриями вниз.

Все люди останавливаются, убираются с проезжей части, телеги и повозки поспешно сдвигаются все к левой стороне, чуть ли не заезжая колесами в канаву.

— Ого, — сказал я, — это что случилось?

На меня оглянулись, один из рабочих узнал, торопливо сорвал с головы шапку.

— Ваше высочество!.. Простите, не признал сразу... Это король Леопольд, кто же еще может так ехать. Сейчас промчатся.

Через минуту мимо пронесся отряд дворцовой стражи, все с мечами наголо, грозного вида усачи, в самом деле крупные и умелые, отобранные в гвардию по всему королевству. Еще полминуты напряженного ожидания, и показалась четверка великолепных лошадей, а за ними не катится, а буквально летит повозка на высоких полозьях. Мне даже показалось, что слегка пружинит. Во всяком случае, на санях передви-

гаться гораздо комфортнее, чем в телеге, там можно только шагом, а если с такой вот скоростью — костей не соберешь.

Двери закрыты плотно, окошки тоже, так что есть в повозке король или там кто-то еще, утверждать не буду, но убранство в самом деле королевское, эмблемы скрещенных мечей остриями вниз наклеены со всех сторон.

Успокоился король, мелькнула насмешливая мысль. Тогда и снегу было побольше, и мороз с ветром, а он прибыл верхом на боевом коне, зато сейчас передвигается с наибольшим комфортом.

Стражи у городских ворот сразу повернулись в сторону всадника могучего сложения да еще на огромном боевом коне, которого сопровождает такая же огромная собака ужасающего вида с клыками и красными глазами.

Из сторожки выбежал вельможный рыцарь, но стражи уже вытянулись, браво прокричали:

— Слава кронпринцу!

— Кронпринцу слава!

Я помахал рукой.

— Согласен-согласен, мне слава, а вам всего лишь деньги, но побольше-побольше, верно?

Они заулыбались во всю ширь, кронпринц шутит, а я подумал, что можно и не добавлять имени и титулов, других кронпринцев в королевстве не существует. Я прямой и единственный наследник здешнего короля Леопольда.

На одной из улиц несколько человек скалывают лед с тротуара, я с удивлением узнал в руководящем ими могучем мужике вильдграфа Вильдана Зальм-Грумбах, лорда земель Ирмии и Нирда, а также каких-то еще важных владений, о которых он никогда не забывает упомянуть.

Я придержал коня, он оглянулся на стук копыт, дернулся при виде Бобика, но тот сел на задницу и рассматривал его с вежливым любопытством.

— Ваше высочество, — проговорил он осевшим голосом. — Как вы... неожиданно!.. И собачка тут как тут.

— Здравствуйте, граф, — сказал я величественно, — как ваши города Зальм-Кирбург и Зальм-Даун? Они все еще справа от Генгаузгуза?

Он улыбнулся, показывая, как и те стражи у ворот, что шутку понял, спросил с удовольствием:

— Надеюсь, на этот раз надолго?

Я покачал головой.

— Рассчитываю на пару дней, а дальше как получится. А за что это вас понизили до чистильщика городских улиц?

Он засмеялся уже громче, во весь рот:

— А что, похоже? Здорово... Ко мне вечером гости придут, а тут всю улицу льдом схватило.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — этот дворец за вашей спиной ваш?.. Красота какая! Смотрите, чтобы король не отнял.

Он покачал головой.

— Думаю, теперь король все будет делать с оглядкой на своего наследника.

— Сплюньте, граф, — сказал я уже серьезно. — Мне только не хватает влезать в дела королевства! А по бабам когда?

— Да, — подтвердил он, — это куда серьезнее. Поди, в монастыре с ними было туговато?

— Не то слово, — ответил я с чувством. — Король у себя?

— Он же король, — ответил он.

— И что, — спросил я в удивлении, — у своего дворца лед не скалывает?

Он расхохотался.

— Нет. Но только потому, что дворец... великоват.

Я улыбнулся, вскинул руку в жесте прощания.

— Увидимся!

Вокруг дворца снег убран, а лед сколот, что неудивительно, слуг много, а дворец на солнечной стороне, с этой стороны снег и лед тают одинаково быстро.

Дорога от ворот ограды ведет длинная, широкая, ограниченная с обеих сторон цепью заснеженных кустов роз, дальше по обе стороны целые горы снега, дорога к главному зданию дворца широкая, убирать приходится много.

А дальше дорога, приведя к роскошным ступенькам, спускающимся, как каскад водопадов, от покрытых золотом ворот, раздваивается и, не огибая дворец, уходит в стороны, где расположены еще корпуса этого великолепного комплекса.

Здесь группы рабочих, пригнанных или приманенных из сел, тоже роют дренажные канавы в ожидании таяния, хорошо, пусть уж лучше вода уходит по узким канавкам, чем нам придется бродить по колено в грязи, ожидая, пока все подсохнет.

— Молодцы, — сказал я с высоты седла. — Хвалю! Бригадир низко поклонился.

— Это же ваше указание, ваше высочество!

— Ну да, — согласился я. — Мое высочество такое внимательное даже к мелочам жизни, хотя и не мелочное, как мне иногда кажется...

Они ждали, пока я проеду, затем опустили шапки на головы и снова принялись рыть сперва в снегу, а потом даже долбить мерзлую землю.

В левой части дворцового ансамбля мой штаб и апартаменты, арбогастр привычно понес по той дорожке, Бобик уже там прыгает у крыльца, пугая народ.

Я с ходу отметил некую неправильность, не сразу сообразил, что у главного здания на площадке для повозок расположились эти тяжеловесные и пышно украшенные, я бы сказал, экипажи, а перед левым только длинная коновязь, где не меньше трех десятков коней, все элитные, породистые, по большей части сухощавые и тонконогие, приспособленные для долгой скачки, и только с полдюжины настоящих гигантов, на этих явно прибыли не гонцы, а могучие рыцари.

Уже привыкли, мелькнуло у меня в мозгу. Мунтвиг использовал Сакрант как опорную базу для войска, в столице была его резиденция, но, когда я оставил королю Леопольду его дворец, он в жесте ответной любезности, тщательно обговоренной и запротоколированной ранее, предложил мне разместиться во дворце, который ранее занимал Мунтвиг.

И сейчас каждый видит разительный контраст: в главном здании — король, его двор, пышность и роскошь, а в левом — суровая мощь, люди в доспехах, при оружии, звучат отрывистые слова команд, все исполнено ощущением силы и власти... и каждый понимает, где власть декларативная, а где реальная.

Я ухмыльнулся, вспомнив роскошные троны в каждом зале: Мунтвиг соблюдал традиции и принимал всех строго в соответствии с их рангом. Это мне по фигу, на каком троне сидеть, а он на золотом принимал глав государств или полномочных послов, на серебряном — военачальников, на тронах попроще — глав гильдий и цехов, зато я могу принять хоть в коридоре, хоть на лестнице...

Поколебавшись чуть, в «свои» апартаменты или в королевский дворец, в правилах дворцового этикета такой случай не предусмотрен, я быстро взбежал по ступенькам в главный дворец, миновал холл, задрал

нос и старательно не замечая ахающих и торопливо кланяющихся придворных, толкнул дверь приемной кабинета Леопольда.

Двое суетящихся от великого усердия канцеляристов подают на подпись бумаги массивному вельможе в довольно скромном камзоле, однако с шеи свисает толстая золотая цепь, а на ней огромная золотая звезда с бриллиантами.

Он поднял голову, в замысленных работой глазах появилось непонимающее, а потом изумленное выражение.

— Ваше высочество! Сэр Ричард!.. Что ж вы так неожиданно...

— Я скачу быстрее любых гонцов, — ответил я. — Хотя вообще-то это мой конь скачет, но мы, правители, всегда приписываем себе заслуги подданных, не так ли?

Он развел руками.

— Это даже не сами короли придумали.

— Впервые их кто-то опередил?

— Да уж... Доложить его величеству?

— Может быть, — сказал я, — не пугать его так уж сразу?

— А как?

— Подготовить, — предложил я. — Сперва сообщить, что все его дворцы на севере страны сгорели, три провинции взбунтовались, Мунтвиг объявил награду за его голову, любимая собака издохла...

Он дернулся.

— Может быть, про собаку не надо? А то удар будет слишком уж сильным...

— А сразу после собаки, — сказал я, — сообщите, что я за дверью. Он и про собаку забудет!

Он вздохнул.

— Нет, про собаку чересчур. Нехорошо шутить такими серьезными вещами... Скажем лучше, армии Морданта и Алемандрии вторглись с востока и запада? И жгут города?

— Сойдет, — согласился я. — Сэр Гангер, вы прекрасный работник! С выдумкой, что так важно и даже необходимо в серьезных государственных делах.

Он кивнул и торопливо вошел без стука в кабинет короля. Канцеляристы, непонимающие и трепещущие перед моим величием и непонятными переговорами, застыли, как суслики возле своих норок, страшатся даже дышать в присутствии столь грозной особы, будто я не кронпринц, а Бобик.

Гангер вышел буквально через пару мгновений, поклонился и церемонно развел руки в стороны.

— Его величество король Сакранта Леопольд Кронекер... гм... готов принять вас, ваше высочество, со всем радушием!

Я отметил его запинку насчет «принять», король хоть и выше по титулу, но его королевство под моей железной пятой, армия заняла как все стратегически важные крепости, так и саму столицу, однако этикет есть этикет...

Леопольд, не ломая голову над проблемой, как приветствовать кронпринца, который одновременно еще и оккупант, просто поднялся мне навстречу и улыбнулся одними глазами, как он умеет мастерски.

— Ваше высочество, — произнес он протокольным голосом, ибо хозяин здесь он, да и король, а не какой-то принц, пусть и коронный.

— Ваше величество! — воскликнул я.

— Ваше испытание в Храме Истины закончилось? — спросил он. — Садитесь, принц. Вы мой наследник и потому должны интересоваться делами королевства.

Я помотал головой.

— Ваше величество еще молоды, а я, со своей стороны, всячески и зело поспособствую вашему здоровью, дабы ваше наследство не обрушилось на мои хилые плечи.

— Принц!

— Ну, — сказал я скромно, — пусть не совсем хилые, но у меня слишком много других дел. Не таких важных, понятно, зато неотложных, что еще хуже.

Он продолжал улыбаться, уже не только глазами, но и лицо потеплело.

— Если я могу чем-то помочь, — произнес он медленно.

Я выставил перед собой ладони.

— Ваше величество! Я просто заскочил первым к вам, как к королю и сюзерену. Со своими повидаяюсь в порядке живой очереди. Думаю, уже разнеслась весть, что мое высочество вернулось. Сейчас в мои покои народу набьется, как селедок в бочку. Селедка — эта такая рыба, хотя я никогда не мог понять, чего она лезет в бочки. Так что я, с вашего позволения...

Он сказал тепло:

— Да-да, конечно. Я ценю, что вы зашли сразу ко мне.

— Это был мой долг, — ответил и добавил со значением: — Надеюсь, сэр Гангер расскажет всем, куда я сперва, а куда потом.

— Он не сэр, — поправил он, — хотя иногда подумываю... но вдруг станет работать хуже?

— Да, — согласился я, — от добра добра не ищут! Еще увидимся, ваше величество!

Он проводил меня до двери, наверняка чувствуя облегчение, словно быстро выпроводил невесть откуда неожиданно забредшую грозу с громами, молниями и конским топотом.

Глава 7

Гвардейцы то и дело распахивают двери перед военачальниками, но когда я на скаку остановил коня и бодро спрыгнул, по ступенькам навстречу мне важно спустился грузный человек в дорогой шубе, привычно распахнутой на груди, чтобы каждый видел огромную звезду, подвешенную на толстой золотой цепи. Причем в центре звезды рубин темно-багрового цвета, а на лучиках россыпь мелких бриллиантов, указывающих на высокую степень положения при дворе.

Он остановился и уставился в изумлении, а я сказал весело:

— Лорд Раймонд Меммингем?.. Рад вас видеть.

Он торопливо поклонился, все еще гибкий, несмотря на возраст, на лице изумление и некое даже потрясение, словно я неожиданным появлением нарушаю основы мироздания.

— Ваше... высочество?

Он всматривался в меня, как в выходца с того света. Привычной чопорности нет и следа, со мной не почопорничаешь, даже благообразность улетучилась, смотрит, как дитя на скелет, едва рот не открыл, что вообще-то непозволительно главному казначею короля Леопольда.

— Он самый, — ответил я с подъемом. — А что это вы не из королевских покоев? Шпионить ходили?

Он всплеснул руками.

— Ваше высочество, как можно!

— А чего?

Он сказал с поклоном:

— Некоторые действия и... меры, которые хотел бы осуществить его величество король, требуют... как бы это сказать поделикатнее, согласования с вами, ваше высочество.

— А-а, — сказал я. — Весьма! Да-да, весьма. Одобрю. Весьма разумно и мудро. Вижу, уже вовсю готовитесь встречать весну?.. Молодцы. Ненавижу весеннюю грязь...

Он вздохнул, развел руками.

— Увы, это неизбежность. Но вы, ваше высочество, вовремя подсказали насчет этих канавок. Да, так вода будет уходить сразу, а не стоять огромной безобразной лужей, покрыв весь двор.

— Да, — согласился я. — Вовремя я подсказал. Я хорош подсказывать с расстояния в сотни, если не тысячи миль!

Он сказал кротко, но с некоторым удивлением:

— Но ее высочество принцесса Аскланделла...

Он запнулся, отвел взгляд в сторону, что-то прочел на моем разом изменившемся лице.

Я сказал резко:

— Что?

— Ее высочество, — проговорил он упавшим голосом, — велели...

— Ах да, — ответил я тем же тоном, хотя внутри все ошетинилось, — ее высочество велели, но как бы это я велел, хотя ротик открывала принцесса... Конечно-конечно! Вы сейчас тоже от нее?

Он поклонился, лицо чуточку изменилось, все-таки заметил, гад, что я не весьма ликую, царедворцы на это натасканы, другие вообще при королях не выживают, ответил осторожнее:

— Я же сказал, некоторые действия и... меры, которые хотел бы осуществить в королевстве его величество король, требуют, уж простите, согласования с оккупационными властями, ваше высочество.

— Ну?

Он развел руками.

— Я вот и хочу... согласовывать.

Я проговорил медленно:

— А так как я отсутствую...

— То некоторые инструкции, — договорил он, — я получил от нее... простите, от ее высочества принцессы Аскланделлы.

Я сказал почти зло, но все еще улыбаясь:

— А не приказы?

Он затряс головой.

— Нет-нет, только советы и...

— Что?

— Пожелания, — ответил он торопливо, уже все понял, мерзавец, когда же научусь держать морду ящиком, — некоторые пожелания в различных пустяковых вопросах.

— Каких? — спросил я с нажимом.

Он ответил осторожно:

— Сказала, что неплохо бы нам завезти зерно для корма лошадей вашей армии в запас, так как вскоре часть войск покинет Сакрант...

Я стиснул челюсти и проговорил с той же застывшей улыбкой:

— Ну, это не совсем то, что канавки прокопать... Спасибо, сэр Раймонд! Желаю здравствовать.

Он поклонился и быстро прошел мимо, а за ним его помощники, низко опуская головы и страшась встретиться со мной взглядом.

Меня постепенно окружает народ, все смотрят с боязливым любопытством. Зайчика уже увели, Бобика не видно, явно ринулся проверять кухню, как же там только и жили без него всю зиму, а из здания выскакивают мои военачальники, мои дорогие друзья, и в сердце сразу проснулась нежность, словно я вернулся домой в счастливое детство.

Первым появился герцог Клемент, самый огромный и массивный, но то ли в самом деле умеет уско-

ряться, то ли был у самых дверей, следом с большим отрывом вышли Мидль и Альбрехт, а затем по мере того, как весть о прибытии принца Ричарда разносилась, выскакивали Сулливан, Палант, принц Сандорин...

Меня перехватили на ступеньках, преклонив колёна и опустив головы.

Я сказал весело:

— Счастлив видеть вас, други!

Они подняли головы, я жестом велел всем встать, живо окружили меня, я обнимал, хлопал по плечам, всматривался в лица, в самом деле радостные, ликующие.

Клемент проводил взглядом спешащего в главный дворец Меммингема, кивком подозвал одного из гвардейцев.

— Гонца в лагерь, — велел он, — пусть сразу прокричит, что принц Ричард вернулся!.. Конечно же, с победой.

Я услышал, возразил:

— На этот раз побед нет...

Он прогудел мощно:

— У вас их столько, что уже не замечаете, ваше высочество!.. Ну-ка...

Он кивнул лордам, я не успел вспикнуть, как меня подхватили сильные руки и с веселыми воплями понесли к дверям. Там уже распахнули во всю ширь и держат, даже ветер не захлопнет, лица у всех восторженные и ликующие, еще бы, здесь моя армия, а в остальных зданиях и флигелях все же завоеванные и покоренные, хотя официально значатся нашими союзниками.

В залах и коридорах возбужденные голоса, мимо меня проплывают факелы на стенах, впереди крики «Дорогу, дорогу!», и наконец внесли в главный зал и

торжественно усадили на твердое сиденье золотого трона, где сравнительно недавно Мунтвиг принимал послов и покоренных королей.

Я весело и с любопытством оглядел всех, жадной толпой столпившихся у трона, как сказал или скажет поэт, моих верных соратников и сподвижников, боевых друзей, с которыми делили ночь у костров, трудные походы, победы и немногие, но горькие поражения.

Клемент наклонился к моему уху и сказал доверительно:

— За Максом и Норбертом уже послали.

— Они все еще в лагере? — изумился я

— Нет, — ответил он, — но там бывают чаще, чем здесь. Ваше высочество, если вы уже насиделись... может быть, сперва отдохнете в своих покоях? А вечером изволите провести большой прием.

Я внимательно посмотрел на его суровое лицо с резкими чертами, где почти нет морщин, а только резкие ущелья боевых шрамов.

— Герцог, — сказал я, — вы растете быстро.

— Ваше высочество, — возразил он, — всю зиму сидеть взаперти во дворце! Поневоле станешь галантерейным.

— А-а, — сказал я, — понял. Но вы правы, я посмотрел на ваши рожи, теперь все свободны, как и я.

— Вас проводить?

Я отмахнулся.

— Можете, хотя это неважно.

— Вечером прием будет здесь же?

— Да, — согласился я. — А пока войду в курс дел, какие дрова и сколько наломали без меня.

Он поклонился, как и другие, а я вскочил и бодрым шагом, сюзерен должен быть всегда бодр и алертен,

отправился через заднюю дверь по узкому коридору, где на каждом шагу наши гвардейцы, в свои покои.

Вообще-то, зная я заранее, что король Леопольд вернется на трон, я не стал бы разорять его дворец, хотя на самом деле экспроприировал не так уж много, разве что казну выгреб до последней монетки да королевскую сокровищницу опустошил наполовину, но не зверствовал, а всю коллекционную золотую и серебряную посуду велел выставить на столы, драгоценные статуи из редких пород дерева и украшенные драгоценными камнями выставил у входа на лестницы, в залы, в длинных коридорах, особенно украсил большой холл, через который проходит больше всего народу.

Думаю, королю Леопольду пришлось скрепя сердце оставить все, как есть, иначе возникли бы разговоры о щедрости принца Ричарда и скупости короля.

Еще, уверен, ему пришлось оставить и даже скрепить своей королевской печатью и подписью ряд новых и весьма неординарных законов, которые я издал и ввел в употребление по королевству. На самом деле их составили городской старшина Генгаузгуза Рэджил Роденберри, Гангер Хельфенштейн, советник короля Леопольда, а также лорд Раймонд Меммингем, в прошлом казначей королевства и лорд-хранитель большой печати, а сейчас, похоже, вернувший себе все посты.

Составили после тщательнейшего обдумывания еще пять лет тому, якобы подавали королю Леопольду, но тот отверг, признав слишком радикальными, но сейчас вот они уже распространены по стране, и хотя прошло совсем немного времени, королю трудно будет отказаться.

Это как от кодекса Наполеона и его законов пытались отказаться пришедшие ему на смену короли,

однако и законы вошли в быт, и орден Почетного легиона, и даже «Марсельеза» стала государственным гимном, а все великие свершения королей ушли на свалку.

Гвардейцы у входа заулыбались, но с мест сдвинуться не решились, даже не шелохнулись, а слуга в одежде моих цветов услужливо распахнул обе створки.

Я перешагнул порог, остановился, осматриваясь. Обстановка разительно поменялась, куда-то исчезла дурная помпезность, золото стен прикрыто гобеленами и коврами, вместо роскошнейших и весьма неудобных кресел с прямыми спинками теперь легкие стулья с удобно загнутыми спинками, а под ногами только твердая поверхность дорогих пород дерева, никаких ковров с толстым ворсом, что собирают всю пыль и грязь.

— Ну ладно, — пробормотал я.

За спиной послышался мягкий и в то же время ироничный голос:

— Уверен, вам понравится.

Я буркнул, не оглядываясь:

— Граф, не дерзите. Мне это, конечно же, нравится, но именно потому и весьма не нравится!

Он вошел и встал рядом, а за нами с едва слышным стуком захлопнулись двери.

— Еще бы, — сказал он так мирно, что захотелось его вдарить, — такие перестановки... да еще в личном кабинете, какой мужчина позволит так над собой издеваться?

— Кто велел? — спросил я хмуро.

Он ответил с некоторым удивлением:

— Принцесса...

И хотя во дворце четыре принцессы, но по тому, как произнес, понятно, речь не просто о принцессах,

подумаешь, их как воробьев, а о Принцессе, что может быть только единственной, неповторимой, а такая у нас только Аскланделла.

Я уточнил, чувствуя, как внутри начинают подниматься злость и оскорбленное самолюбие:

— Она отдавала эти указы... и еще всякие разные, от моего имени?

Он запнулся, по лбу пошли морщины, углубились, а брови сдвинулись и стали как бы мохнатее.

— Да нет... такого не помню.

— Тогда почему исполняли?

Он посмотрел на меня с подчеркнутым испугом, словно я поджег церковь.

— Но ведь принцесса...

— Так это чужая принцесса! — сказал я с нажимом. — Чужая!

Он распахнул рот, огромный, как у пеликана, как он так умеет, даже не представляю, в цирк бы его, а не вице-канцлеры.

— Правда? А мы все думали, ваша...

— Нет у меня никакой принцессы, — отрезал я. — Нет! Я сам принцесса!.. Никто меня не перепринцессит!.. Ладно, граф, садитесь и признавайтесь во всем.

Он тяжело вздохнул, сел в то кресло, на какое я указал, и сказал робко:

— Может быть, сразу послать за стражей с цепями?

— Я вас сам закую, — пообещал я.

— Ваше высочество, такая честь... Я лучше сам себя, я же простой граф. Хотел бы проще, да некуда.

Я опустил в кресло и сказал властно:

— Итак, начинайте исповедь.

— Всю?

— Да! А я посмотрю, чтобы глазки не бегали.

— Ваше высочество, — ответил он с укором, — я уже почти научился, подобно вам, врать прямо в глаза

и не отводить взгляда. Нет уж, чтобы визнавать всю правду, есть такое зелье... Я заказал у местных знахарей. Два кувшина заготовил на будущее!

Я отмахнулся.

— Я вообще-то вас насквозь вижу, граф, вы же вьюн и угорь морской, а не человек. Но я понимаю, к чему вы это клоните. Лакайте, может быть, это зелье лучше развяжет язык.

На столешнице появились два одинаковых кубка, я же демократ, когда меня к этому не принуждают, хотя себе наполнил доверху темным виноградным соком, а графу коньяком.

Он сделал глоток, надолго задержал дыхание, потом спросил сипло:

— А попроще нельзя?

— Можно, — ответил я. — Как раз двигаюсь от простого к сложному, а вы как думали?

— Тогда, если вас не затруднит, переколдуйте... я хотел сказать, перепаладиньте это вот несомненное замечательное королевское вино во что-то послабее... ну, для графов.

— Увы, — сказал я, — не могу. Выплесните в камин, а я сделаю заново.

— Ага, — сказал он с удовлетворением, — хоть что-то не умеете делать. Сразу легче стало.

Он повернулся к камину, плеснул и, охнув, выронил в испуге кубок, когда огонь с готовностью взметнулся к своду.

— Это колдовство?

— Еще какое, — заверил я. — Вон уже кожа зеленеет, сейчас по спине пойдут шишки с орех размером, между пальцев начинают расти бородавки...

Он подобрал и поставил кубок на стол, вздохнул с облегчением:

— В жабу? Лишь бы не в лягушку, какие-то суетливые, не люблю. А жабы — сама солидность и достоинство.

Я наполнил его кубок шампанским так, что полилось на столешницу, и смотрел, как Альбрехт торопливо отпивает, стараясь не дать вылиться целиком.

— В каком состоянии армия? — спросил я.

— В боевом, — доложил он между глотками. — Герцог Клемент... и граф Максимиллиан... не дадут... совсем уж распуститься... Как только снег растает... и дороги подсохнут, тут же выступим...

— В сторону юга? — спросил я.

Он кивнул, в глазах некоторое удивление лишним вопросом.

— Ну да, мы же не знаем, где Мунтвиг...

Я сказал саркастически:

— А что армия выступит на юг, это вам принцесса сказала?..

— Ну да, — ответил он и посмотрел на меня с превеликим испугом. — А что, на север?

— На севере нам делать нечего, — ответил я сварливо. — И вовсе не потому, что где-то там империя Вильгельма Блистательного! Просто на юге нас ждут великие дела.

Он кивнул, спросил с разочарованием:

— Всего лишь великие?

— А что вам еще?

— Ну... а когда будут величайшие?

— Будут, — ответил я мрачно, сердце сжалось, величайшим делом будет схватка с приближающимся Маркусом. — Ох, граф, все бы вам драться, подвиги совершать, по колено в крови бродить... Брали бы пример со своего сюзерена! В монахи чуть не подался...

Глава 8

Он отшатнулся, перекрестился в непритворном испуге.

— Сэр Ричард! Хватит с нас одного Карла!.. Два — это перебор, это ни в какие ворота не лезет. Народ не любит повторов, мы от них как бы скучать начинаем. Лучше уж послушать женщину...

— ...и поступить наоборот?

— Да, — подтвердил он. — Мало ли что она говорит, что надо идти на юг! Ничего подобного, мы вот считаем, что все наоборот: на юг идти надо! И в этом будет ваша государственная мудрость: поступить вопреки женщине, но — правильно!

Я посмотрел на него с подозрением.

— Что-то как-то странно звучит, и вообще я ничего не понял. Но это не важно, для политика важнее инстинкт и близость демократических ценностей, а они у демократа всегда ниже пояса, чтобы чесать можно было через карманы. Так что да, дождемся схода снегов, а потом... потом... потом будем ждать, пока все подсохнет.

Он отхлебывал с явным удовольствием, а на меня посматривал с двусмысленной улыбочкой.

— Сэр Ричард, не ревнуйте. Ее приказы выполняют только потому, что связывают ее с вами.

Я сказал резко:

— Да что за хрень? Я ни с кем не связан!

— Да-да, — согласился он, — кто спорит? Вы не связаны с принцессой Джоанной, хотя спите в одной постели, не связаны с королевой Мезины, хотя весьма и крепко, хоть и сбоку, в ее мужьях... так кто посмеет пикнуть, что связаны с Аскланделлой?

Я сказал сварливо:

— Вы и говорите, граф!

— Это другое, — пояснил он. — Им так хочется, ну что поделаешь?.. Честно говоря, нашим лордам ни одна из принцесс, что попадались по дороге, не пришлась так по душе, как Аскланделла.

— Да? — спросил я. — А Лиутгарда?

— Это огонь, — согласился он. — Это необыкновенная женщина!

— А ваша Аскланделла?

Он взглянул на мое лицо, чуть смутился.

— Ну, конечно, ваше высочество, мы восхищались всякими женщинами, что естественно... как умными, красивыми, так и особенными, как принцесса Лиутгарда, но когда появилась Аскланделла, все ощутили разницу.

Я сказал язвительно:

— Еще бы, дочь императора!

— Нет, — возразил он, — в ней есть, как бы сказать мягче, чтобы не задеть ваше и без того поляганное самолюбие, подлинное величие.

— Ого!

— Это важнее, — сказал он, — даже императорского титула. Остальные принцессы перед нею, что воробьи перед гусем. Даже лебедем. Наши все чувствуют, вот и Норберт к ней прислушивается весьма почтительно.

— Норберт? — переспросил я в тревоге. — Вы все с ума посходили. Где она сейчас? Я хочу прямо сейчас задушить ее собственными руками!

Он, отставив кубок, правда уже пустой, с готовностью поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше высочество, она с утра ведет прием.

Я спросил с тяжелым сарказмом:

— Послов?

— И послов тоже, — ответил он, — но по большей части местной мелочи... Все-таки у нас армия, равно-

весие в королевстве нарушено, то и дело происходят некоторые... я бы не назвал их бесчинствами, а так, пустяковые эксцессы...

— Например?

— То таверну разнесут, — объяснил он, — то городишко какой сожгут, то чью-то дочь от знатных родителей умыкнут...

Я рыкнул:

— А почему не, скажем, Клемент разбирается?.. Ладно, сам знаю, он всех поубивает для торжества справедливости. А вы, граф?

Он ответил с достоинством:

— Я же вице-канцлер вашей милостью, как я могу?.. У меня другие дела. Хотя пока еще и не понял, какие... Так вы идете, ваше высочество? Или же в благородной задумчивости...

Я наконец отставил кубок и поднялся.

— Идемте, граф. И не вздумайте меня хватать за руки! Это будет государственная измена, предупреждаю по своей непонятной доброте.

По роскошным и празднично освещенным залам барон Герберт Оберштайн, явно исполняющий роль секретаря, хотя и непонятно почему и с какого перепугу, ведет за собой богато и со вкусом одетых лордов, полных еще не спеси, но осознания своей значимости и могущества.

Я остановился и придержал Альбрехта, наблюдая, как у входа в малый кабинет их встретил слуга в одеждах королевских цветов, поклонился и сказал негромко:

— Она вас примет.

Сэр Герберт обернулся к лордам.

— Минутку, я представлю вас.

Я подумал с одобрением: хорошо, обходимся без церемониймейстера. Правда, теперь поневоле...

Сэр Герберт исчез на несколько мгновений за дверью, затем вышел с сияющим лицом и гордо объявил:

— Ее светлость принцесса Аскланделла Франкхаузер, дочь императора Вильгельма Великолепного!

Через широко распахнутые двери я видел Аскланделлу, стоит ровно и величественно, за нею три скромно, но с богатством одетые фрейлины, я узнал мордочки Джоанны, Хайдиллы и Рианеллы.

Аскланделла хороша, на этот раз ее голова, как дивный цветок, поднимается на тонкой шее из высокого кружевного веера воротника, лицо смотрится еще изящнее, хотя куда уж больше, над чернящими бровями нависает копна блестящих, как воронье крыло, волос.

Вообще она показалась мне дивным цветком, ярким и непривычным для тех, кто привык к ромашкам да лютикам, а еще к клеверу, который так обожают кони.

Сэр Герберт поклонился ей и сказал торжественно:

— Ваше высочество, послы из королевства Тер-Овенс!

Он еще раз поклонился, уже в сторону двери, одновременно протянутой рукой плавно показывая послам, что да, могут войти, бить не будут.

Оба лорда прошли под высокой аркой, разом снимая шляпы с перьями, грациозно и с явным удовольствием поклонились, молодым красивым женщинам всегда поклониться приятно, преклонили колена и опустили головы.

— Сегодня вернулся принц Ричард, — произнесла она доброжелательно-нейтрально, — потому все ваши вопросы отныне к нему. Я же принимаю вас лишь согласно договоренности... вместе с тем я рада, что ваше

королевство отстраивается после разрушительной войны с королевством Алемандрия. Надеюсь, наши страны заключат союз.

Союз, мелькнуло у меня в голове, это ладно, общие слова, но о каких странах она говорит? И вообще, кто ей дал право принимать послов...

Оба коленопреклоненных лорда смотрят на нее влюбленными глазами, по их ромам вижу, что готовы вот так простоять перед ней хоть целый день.

Однако счастье когда-то да кончается, по царственному мановению руки оба послушно встали, медленно и с достоинством поклонились, на таких приемах каждый жест выверен и просчитан, суетиться нельзя ни в коем случае, ибо сейчас блюдется не только их достоинство, но в первую очередь принимающей стороны и королевского двора.

Сэр Герберт покосился в мою сторону, почуял присутствие грозного зверя, я кивнул и прошел к тронному креслу. Аскланделла перевела царственный взгляд в мою сторону, мягко улыбнулась, мне даже показалось, что искренне, хотя кто женщин поймет, а императорских дочерей и подавно.

Я шел через зал к пустому трону, но смотрел на Аскланделлу и тоже держал на лице застывшую улыбку радости и чуть ли не ликования. При закрытых дверях и наедине могу хоть морду бить, но на людях только предельная учтивость, вежливые слова и вообще галантерейность во всем, мы же интеллигентные... эти самые, нет, пока еще рыцари, а это повыше, чем эти самые, у интеллигенции только манеры, а у рыцарей еще и внутреннее достоинство, гордость, честь и верность слову, привычные пока что понятия, что станут дикими и пинаемыми в просвещенное время разгула демократии и всеобщих свобод. Всяких. Разных.

Аскланделла чуть повернула голову и просто смотрела на меня, но мне почудилось, что во взгляде, пусть и самым краешком, проступила радость или хотя бы слабое удовольствие, что это я, а не кто-то из назойливых обожателей.

Я ощутил, что моя улыбка превращается в довольно глупую, шел широкими шагами, сам чувствовал, что убыстряю движение, но остановиться не мог, а когда оказался перед нею, мою морду растягивала улыбка от стены до стены, а челюсть отвисла до пояса.

— Ваше высочество, — проговорил я. — Ваше высочество!

Все повернулись к нам, я чувствовал, что смотрят во все глаза, но сам смотрел только в ее чистое безукоризненное лицо.

Она поинтересовалась хрустальным голосом:

— Ваше высочество?

Я опустил на сиденье трона, возложил загибающиеся на широкие подлокотники, как раз по мне, хотя этот скотина Мунтвиг делал под себя.

— Аскланделла, — повторил я, бросил взгляд на ее фрейлин, сказал с восторгом: — Вы не представляете, какое это удовольствие видеть вас... после постных монастырских рож!..

— Ваше высочество? — произнесла она мягко.

— Ни одной женщины, — сказал я с чувством, — представляете? Ни даже какой-нибудь завалящей служанки!.. Так что уж простите мою радость при виде вас.

Она милостиво приспустила длиннющие ресницы, чуть укрыв глаза и бросив ими ажурную тень на высокие аристократические скулы.

— Рада за вас, ваше высочество, — ответила она мило. — Здесь много женщин, уж вы восполните.

Я вздохнул, развел руками.

— Увы, такое не восполнить.

— Почему?

— Не знаю, — ответил я, — те долгие дни так и останутся без женского тепла, а ночи — без их назойливого щебетанья. Да и, собственно, некогда, дел много...

Она красиво приподняла брови.

— Вы еще не вошли, а уже видите много несделанного?

— А кто их переделает, — спросил я, — как не их лорд и сюзерен?.. Есть такие дела, что за них даже мне страшно браться...

Я слышал, как лорд Велерд громко крикнул, а потом брякнул: «Какая красивая пара!» — на что лорд Изинакс ответил: «Друг для друга прям созданы». Думаю, Аскланделла тоже услышала, но ее лицо ничего не отразило, это я сразу весь изошел на экскременты, поклялся сегодня же устроить первому Варфоломеевскую ночь, а другому еще и Вальпургиеву. Знатоки человеческих отношений отыскиались, один четыре раза женился, второму ни разу не удалось, но каковы теоретики, сразу чувствуется зарождение интеллигенции и свободомыслия, когда всех и всё критикуют, но ни за что не отвечают.

Из-за спины зашел Альбрехт, напомнил тихонько:

— Ваше высочество... соизвольте позволить продолжить прием?

— Да, — ответил я с подъемом, — да, граф. Соизволяю позволить.

— Послов из Тер-Овенса, — уточнил он, — или новых?

— Из Тер-Овенса, — сказал я твердо. — Они могут чувствовать ущемление мужского достоинства... гм... ну да, ущемление достоинства, что их принимала женщина, когда уже появился самец, потому я должен...

— Перепринять? — подсказал он.

— Именно, — подтвердил я. — И это будет уже по-настоящему официально, потому что будет! Ну, вы поняли, граф...

Он поклонился, кивнул барону Оберштайну, тот с радостной улыбкой поспешил из зала. Мои лорды, появляясь в зале один за другим, поднимаются ко мне на помост и выстраиваются за спиной, по обе стороны трона и вдоль стены, а сама Аскланделла смотрит на все с милостивой улыбкой императрицы, что позволяет всем нам заниматься своими детскими играми.

Двери распахнулись, оба посла от Тер-Овенса прошли ко мне, на мордах все еще счастливые улыбки, но это не мне, да и быстро тают, здесь им не там, а я не совсем Аскланделла.

В сопровождении сэра Герберта они прошли две трети зала и преклонили колени и головы в трех шагах от моего трона.

— Лорды, — сказал я чеканным голосом, — добро пожаловать в королевство Сакрант! Надеюсь, вы уже переговорили с королем Леопольдом, моим личным и весьма как бы другом?..

Они подняли головы, после секундного замешательства один ответил:

— Пока нет...

Я сказал благожелательно:

— Вообще-то можно сразу идти к королю.

Старший посол спросил в недоумении:

— Ваше высочество?

— Мы здесь люди временные, — пояснил я, — особого влияния на события не оказываем. Я уверен, что вы заключите обоюдовыгодный союз с королем Леопольдом. Я же, со своей стороны, рад, что королевство отстраивается. Я видел ту великолепную четверку мраморных коней, когда король Конрад за-

хватил вашу столицу... Это просто чудо, что на свете существуют такие мастера! Вы счастливый народ удивительных инженеров и ремесленников.

Он сказал почтительно:

— Мы надеемся, нам удастся заключить с королем Леопольдом достойный для наших королевств союз. Однако еще больше мечтаем установить с вами узы доверия и доверительности, принц Ричард.

Второй добавил учтиво:

— Ваша слава гремит по королевствам и разносится по всем землям со скоростью ветра!

Я изрек важно:

— Я тоже... эта... мечтаю. Со скоростью ветра. Зефира! А сейчас прием продолжит наш дорогой друг и весьма доверенное лицо, вице-канцлер граф Альбрехт Гуммельсберг, барон Цоллерна и Ротвайля! Только не спрашивайте меня, что это, граф уже и сам наверняка забыл. А мы с принцессой наедине возликуем друг другу после долгой и тягостной разлуки...

Аскланделла не повела бровью, разлука так разлука, тягостная так тягостная, государственные люди ничего не принимают всерьез, выждала, когда я встану и подам ей руку, величественно опустила на мою кисть кончики пальцев, и мы, как заводные фарфоровые куклы, сошли с тронов и синхронно двинулись к внутренней двери, а оттуда тесным коридором к моему кабинету.

Фрейлины за нею последовали испуганно, женщины — чуткие существа, как хомяки весной, хоть как я ни держусь красиво и нарядно, но ощутили быстрое приближение грозы, даже приотстали чуть, чтобы их не ударило громом, дуры, не знают, что надо бояться не грома, а молнии, а те я уже отметал взглядом, сейчас в самом деле почти добр, как-то все-таки Аскланделла на меня действует.

Глава 9

Моя свита, уже хорошо зная привычки их непредсказуемого лорда, сделала вид перед гостями, что сопровождает, но сразу же за дверью рассосалась прямо в коридоре.

Я подвел Аскланделлу к кабинету, слуга распахнул дверь, стараясь не улыбаться довольно, что они, все с ума посходили, я же в кабинет веду, а не в спальню.

Аскланделла послушно позволила усадить себя в кресло, выпрямилась и смотрела на меня спокойными глазами, крупными, ясными и безмятежными.

Я обошел стол и опустился в кресло напротив, некоторое время смотрел на нее инквизиторским взглядом, на что она отвечала полнейшим равнодушием.

— Ваше высочество?

— Да, — ответил я. — Оно самое.

Она не повела глазом, когда я сделал приглашающее движение, и на столешнице появился хрустальный фужер, загадочно мерцающий сотнями цветных искорок, настолько тонкий, что боязно взять. Вино, красное, цвета закатного солнца, возникло на донышке и быстро поднялось почти до края, но не слишком, чтобы не расплескать по дороге к губам.

Она спокойно смотрела, как рядом с первым появились еще два фужера, в одном вино оранжевое, как солнце, в другом багровое настолько, что почти черное.

— Из сухого пайка, — объяснил я. — В дороге что-то же надо есть и пить.

Она царственно наклонила голову.

— Да, ваше высочество. Особенно пить.

— А что, — ответил я с достоинством, — бездельник, как сказал граф Беранже, кто с нами не пьет!..

Она взяла фужер спокойно и с достоинством, отпила до половины и с осторожностью опустила на столешницу, явно стараясь не сломать тончайшую ножку. Золотистое шампанское тут же стремительно поднялось под моим строгим взглядом к золотому ободку у самого края, а серебряные пузырьки, появляясь на донышке и стенках, бесконтрольно увеличиваясь в размерах, отклеиваются и мчатся наверх, выпрыгивая и разбрасывая тончайшую влажную пыль.

Я поинтересовался с необходимой подозрительностью в голосе:

— Ваше высочество, что за союзы заключаете за моей широкой и, надеюсь, надежной спиной? Ну, как я сам полагаю, а как вы ее оцениваете, не знаю...

Она медленно повернула голову, обратив ко мне ясное лицо.

— Вообще-то да...

— Ага, признаетесь?

— Что у вас широкая спина? — переспросила она с таким выражением, словно имела в виду место пониже спины. — Но это вы и сами, я уверена, замечаете, да еще как замечаете. Это же видно, как горделиво раздвигаете плечи, когда входите в зал.

— А что, — спросил я, — так не стоит?

— Нужно, — объяснила она, — но только чуть раньше. До того, как перед вами распахнут двери.

— Эх, — сказал я с огорчением, — каких же высот достигла мысль человеческая в империи!

— Зря язвите, — сообщила она. — Мелочи соблюдать легче, чем крупности, но польза от них бывает даже выше, ибо зримее и замечаемы даже людьми недалекого ума... А на ваш вопрос, который вы уже забыли, отвечу, что договоры и союзы я не заключала, а отправила к вам.

— А если бы меня не было? — полюбопытствовал я.

— Заключила бы предварительное соглашение, — ответила она обстоятельно. — Некоторые вопросы можно откладывать до бесконечности, но есть такие, что требуют решения быстрого. Даже немедленного.

— Ладно-ладно, — сказал я примирительно, — я скоро уеду снова, нам только подраться не доставало. Я уже остыл и бить, наверное, не буду.

— Вернетесь в Храм?

Я смерил ее взглядом. Смотрит спокойно и ровно, цвет лица безукоризненный, здоровая девочка, ничем не болеет, глаза ясные и чересчур для женщины умные.

— Вы же догадываетесь, — сказал я обвиняюще, — что не в Храм.

— Ваше высочество?

— Похоже, — сказал я, — принцесса, вы оказались больше правы, чем сами рассчитывали.

— Ваше высочество?

— Сначала выпейте это вино, — сказал я. — Это как бы за вашу победу. Я сраженный дракон, а вы попинывающая меня задней конечностью героиня.

Она остановила взгляд на возникающем перед нею фужере из радужного стекла, украшенном по бокам медальонами из чистого золота. Даже я, зная про их прочность, взял бы с некоторой инстинктивной робостью, а вдруг в моих скифских пальцах хрустнут и рассыплются в тончайшую пыль, и вообще, как такие фужеры удерживают тяжесть вина, сам не понимаю.

— Сосуд очень изящен, — признала она. — Что и понятно, развращенный юг направляет все усилия ума и души на мирские удовольствия.

— Увы, — согласился я, — вы правы. Хотя нам, высокодуховным, тоже можно иногда пропустить по фужерчику марочного винца, а потом покаяться. А можно и не каяться.

Она чуть приподняла брови.

— Почему?

— Создатель не мелочен, — сообщил я.

— Уверены? — спросила она с сомнением.

— Знаю, — сообщил я гордо.

— Откуда?

— Как паладин, — напомнил я, — что значит воин его... э-э... воинства, вы же слышали, что нас легион? Так и в Писании сказано!.. Небесный Легион. Правда, мы его земной аналог. Так вот, как легионер Господа, я примерно знаю его желания, вкусы, наклонности, пристрастия и даже высшие цели... Нет, высшие не знаю, зато строю предположения.

Она произнесла с подозрением:

— Даже не хочу представлять, какие...

— У меня фантазия богатая, — согласился я вино-
вато. — Отведайте и вот сего винца.

Она осторожно пригубила, уже понимает, что рисуюсь перед нею, распускаю хвост уже не как простой деревенский петух, а как заморский павлин, ну да ладно, все равно мне есть чем хвастаться, а от осознания своей силы ощущаешь себя почти благодушным.

— Спасибо, — произнесла она чуть потеплевшим голосом. — В самом деле восхитительно.

Я откинулся на мягкую спинку, чувствуя, как блаженная усталость наполняет тяжелеющее с каждым мгновением тело, словно горячая вода мешок с ватой.

Аскланделла пьет мелкими глотками, делая большие паузы, ее большие серьезные глаза рассматривают меня изучающе, но мне сейчас все приятно, даже ее присутствие делает мой мир завершеннее и счастливее.

Через окно видно, как вечернее солнце медленно и торжественно опускается на сверкающую поло-

су заснеженной земли у горизонта, растекается там, как жидкое яйцо, превращая голубовато-зеленоватый снег в красно-оранжевый.

Вспыхнули напоследок далекие деревья и погасли, а яркий пурпур неспешно начал подниматься по склонам заснеженных гор, и чем ближе к вершинам, тем медленнее взбирается, а там долго горит красным пламенем.

Она отняла край фужера от покрасневших губ, те стали еще полнее и красиво выгнулись, посмотрела на меня и опустила фужер на столешницу.

— Так что, — напомнила она, — у меня за победа? Я должна подумать, пинать или не пинать.

— Пинать, — сказал я решительно. — Когда у вас будет еще такая возможность?

— Ваше высочество?

— Вам сообщаю первой, — сказал я.

Она наклонила голову.

— Польщена...

— Еще бы, — сказал я сердито. — Когда бы я еще признался, что прав не я, а кто-то другой? Да еще, какой позор, женщина! Хоть и дочь императора.

Она напомнила надменно:

— У императоров нет дочерей.

— Простите?

— Только наследницы, — произнесла она со странной интонацией, мне даже почудилась тщательно скрытая горечь. — Так что же?

— Я приму корону, — сообщил я. — Но не потому, что мне ее тычут в руки и даже пытаются тайком, подкравшись сзади, как к Карлу Великому, надеть на голову... а потому, что сам так изволю!

Она чуть наклонила голову, но не сводила с меня взгляда.

— Вы не похожи на человека, — произнесла она спокойно, — на которого может повлиять... попавшая под хвост вожжа.

— Ага, догадались!

— Прижало?

— Да!

Она спросила тихо:

— А можно поинтересоваться...

Я поколебался чуть, махнул рукой.

— К счастью, вы не женщина, вам можно. В общем, меня бесит обреченность, с которой все народы воспринимают грядущую гибель от Маркуса. И я намерен дать бой! Но для начала надо, увы, собрать ту мощь, которой у меня нет даже сейчас.

Я оборвал себя на полуслове, что-то распускаю хвост, сам же только что сказал, что она не женщина, хотя, с другой стороны — в каких-то случаях можно пооткровенничать даже перед собакой, конем или отражением в зеркале.

Она смотрела на меня внимательно, затем на щеках, к моему изумлению, проступил нежнейший румянец.

— Вам понадобится не просто корона...

— Еще бы, — сказал я зло, — корона — это просто символ власти. К короне нужна еще власть, настоящая власть! Абсолютная. Зверская, если, по мнению демократов... не обращайте внимания, это сленг простолюдинов.

— Вам понадобится не просто корона короля, — повторила она медленно. — Вам придется добыть корону императора.

Я отшатнулся.

— Чур вам... на то, что у вас вместо языка! Он у вас раздвоенный или я плохо рассмотрел?

— В рот людям заглядывать неприлично, — напомнила она с достоинством.

— Это во время еды, — огрызнулся я. — В общем, вы со стула не упали, что хорошо. Правда, я сам чуть не упал! Вы уж не так сразу по голове, я чувствительный.

— У вас голова чувствительная? — спросила она с сомнением и тут же деловито посоветовала: — Избавляйтесь. Король не может быть чувствительным. Тем более император.

Я вскрикнул:

— Да идите вы в жопу со своим... простите, ваше высочество, что это я с вами, как со своими ближайшими лордами! Это непростительно, простите...

— Я просто не расслышала, — сказала она невозмутимо, — вы так орали и брызгали тем, что утром ели, что просто...

— У меня был рев?

— Визг, — уточнила она. — Корону намерены взять в Варт Генце? Или в Ламбертини?

Я спросил с настороженностью:

— Почему так решили? Я подумываю насчет Эбберта... Там уничтожил всю прогнившую и развращенную королевскую династию, что угнетала народ. Трон пуст...

— Прогнившую?

— Да, — ответил я. — Все, кого уничтожаю, даже если нечаянно, прогнившие, порочные, оторвавшиеся от народных масс, потерявшие доверие простых герцогов, графов и всяких там баронов, а главное — раздразившие соседние королевства, у которых мечи длиннее!

— Верное уточнение, — произнесла она милостиво.

— А я, — сообщил я, — по воле Господа расчищаю площадку для строительства Царства Небесного!..

Кстати, еще можно в Турнедо... После гибели короля Гиллеберда трон тоже пуст.

Она напомнила так кротко, что ядовитое жало не заметит разве что младенец:

— Королевства Турнедо официально не существует. То, что называется «Турнедо», это земли, поделенные между победителями: вами, Барбароссой и Найтингейлом.

— У вас и память! — сказал я с уважением.

— Эбберт тоже, — продолжила она, — не лучшая кандидатура. У вас там слишком кровавая слава. Найдутся честные и отважные люди, что сумеют пробраться к вам и всадить в спину нож. Или подстеречь где-то, вы же постоянно выезжаете в одиночку. Да и подстерегать не нужно, у вас настолько много там врагов, что, где бы ни появились, жди удар в спину или свист арбалетной стрелы.

— Ну, — пробормотал я, — от этих еще как-то отмахнусь... хотя да, некрасивая картина, если на государя покушение за покушением. Не так страшна гибель, как падение престижа... А Ламбертиния? Хотя вы не знаете, что это... Еще вина? Простите, я себе сделаю чашечку кофе. Что-то я совсем одурел, с вами вот сижу и разговариваю... Представляете?

— Что такое Ламбертиния, — сообщила она, — уже знаю. Общение с вашими лордами дает многое, они непростительно честны и откровенны. Огромное герцогство, что по каким-то древним законам или традициям не могло именоваться королевством, хотя по размерам... Вы его возвели в ранг королевства, там сейчас на троне ваша служанка.

— Она не служанка, — возразил я.

Она спросила с недоверием:

— А что, в самом деле эльфийка? Удивительно... Ламбертиния тоже не очень. Во-первых, только что

стало королевством, а это не совсем серьезно. К тому же прижато к Большому Хребту... да-да, мы знаем о нем!.. а вам хорошо бы поближе к центру вашего влияния.

— Это Турнедо, — напомнил я.

— Турнедо, — возразила она, — часть Армландии, из-за чего ваши армландцы готовы за вас вниз головами с любого утеса. На мой неженский взгляд больше всего подходит Варт Генц.

— Что-о?

— Варт Генц, — повторила она. — Во-первых, король в присутствии высших лордов жалел, что не вы его сын, он бы вам оставил королевство...

— Это были только слова, — возразил я. — Но спасибо, что вспомнили. Ласковое слово и такой собаке, как я, приятно.

— Да, — согласилась она, — слова, но сейчас, когда погибли все его три сына и даже внук, это уже не просто слова. Высшим лордам либо продолжать кровавую распрю за трон... да-да, я слышала, либо передать корону вам уже не как временному правителю, а законному королю. К тому же их можно объединить со Скарляндией, что навсегда устранил распри...

— Устранил ли?

— При одном условии, — сказала она практически. — Земли королевства Эбберт можно присоединить к вашему новому королевству, куда войдут Варт Генц и Скарляндия. Повод очень серьезный: в связи с тем, что пресеклась существующая там династия королей. Земли ныне без сюзерена. А в Варт Генце и Скарляндии будет всеобщее ликование.

Я откинулся на спинку кресла и смотрел на нее молча и пристально. Она, похоже, увлеклась, на щеках нежнейший румянец разгорелся жарче, глаза бле-

стят, холодный голос обрел новые краски и звучит мило и страстно.

— Вы в самом деле дочь императора, — проговорил я. — Вот только по этому вас узнали бы даже в платье нищенки. Так хорошо и тщательно все продумать... Придется мне сделать какую-то глупость, не могу же я последовать советам женщины!

— Вы же сами сказали, — напомнила она чуточку ядовито, — что я не женщина.

— То было в виде комплимента, — сказал я, защищаясь. — Я вас и в жопу послал... ох, простите!.. потому что иногда принимаю то за Альбрехта, то за Норберта, те тоже хитрые и все про всех знают.

Она молчала и смотрела с ожиданием. Я сопел, крутился, разводил руками, морщил лоб.

— Не мучайтесь, — произнесла она мирно. — Признать чью-то мысль интереснее своей — это признак силы, а не слабости.

Я на несколько секунд перестал слышать ее голос, сосредотачиваясь и представляя лучшее вино в хрустальных фужерах, в свое время я перепробовал самое разное, но не потому, что люблю, а «стыдно не знать», знание хотя бы названий вин как бы приобщало нас к высшему обществу, которое видели только в кино, и мы заучивали, а на праздники обязательно покупали дорогое вино и ставили в центр стола, а потом бережно хранили пустые бутылки, определив их на видное место, чтобы гости видели, что мы богатые и щедрые.

Я все же уловил, когда она перестала шевелить губами, сказал любезно:

— Ваше высочество?

Она произнесла ровно:

— Не пытайтесь быть внимательным. Вы меня не слушали.

— Гнусное обвинение, — сказал я, защищаясь. — Я всегда вас, ваше высочество! И никогда не. Это был бы не я вовсе.

Какие же у нее внимательные глаза, стараюсь не смотреть даже, взгляд, как у Сигизмунда, но у того беспорочная душа, а женщин беспорочных не может быть по дефолту, стоит только вспомнить Еву.

Значит, у Аскланделлы что-то иное, чем ум, ум может быть только у нас, мужчин, это понятно, даже Церковь подтверждает, а в Библии не просто записано, но пять раз повторено, чтоб не потерялось.

Глава 10

В дверь тихонько поскреблись, я едва-едва слышал, но Аскланделла тут же приподняла брови, взглянула на меня с немым вопросом и повернула в ту сторону голову.

Я рывкнул:

— Открыто!

Дверь приоткрылась, заглянул Альбрехт, торжественно смущенный, изо всех сил, низко-низко, поклонился, стыдливо отвел взгляд и спросил в сторону:

— Там внизу готовят зал к пиру, сдвигают столы...

— И что? — прошипел я.

Он проговорил торопливой скороговоркой:

— Простите, ваше высочество, что прерываю вас в такой момент...

— Ка-кой мо-мент? — спросил я с расстановкой.

Он сказал еще испуганнее:

— Мы просто интересуемся, будете ли вы на пиру...

Я ответил с той злостью, что могла бы обрушить крышу, не будь здесь стен и поддерживающих свод колонн:

— А что дает основание думать, что я не буду, если пообещал? Граф, вы на что намекаете?

Он в диком испуге выставил перед собой ладони и попятился в коридор, но ударился задом о косяк, охнул то ли от боли, то ли от ужаса, поспешно сдвинулся, но не в ту сторону, похлопал ладонью по стене, не отыскал, спросил с жалкой улыбкой:

— Ваше высочество... позвольте оглянуться?

Я смотрел уже в лютом бешенстве, он понял, выскользнул в коридор и сам захлопнул дверь.

Аскланделла произнесла с милой улыбкой:

— Как же любят вас, сэра Ричарда!

— Это называется любовью? — спросил я, все еще в раздражении.

— Да, — ответила она.

— Тогда вы предельно наблюдательны, — сказал я. — Хотя это, похоже, так и есть. В смысле вы наблюдательны, а не эта... такая странная любовь, похожая на сон. Я вот заметил только гнусное хи-хи над сюзереном, а вы... вы даже увидели, что хорошо бы канавы для стока воды прокопать заранее, а не потом.

Она произнесла почти равнодушно:

— Как я уже говорила, наша империя крайне стабильна. В ней так давно не происходило никаких катаклизмов и мятежей, что малейшее нарушение будет бросаться в глаза. А здесь их столько, что я просто не могла не заметить.

— И приказывали, — сказал я саркастически, — немедленно исправить! Выказывали свою императорскую волю!

Она в удивлении вскинула брови.

— Приказывала? Похоже, вы переутомились, ваше высочество. Я только иногда подавала совет...

— ...который мои лорды тут же бросались исполнять, — сказал я сердито. — Еще бы!

Она продолжала рассматривать меня очень внимательно.

— Что значит это «еще бы»?

— Это значит, — ответил я уже почти зло, — что эти свиньи охотно слушаются вас! Ненавижу этих предателей!.. Не понимаю, что... ладно, я до них доберусь!

Она произнесла негромко:

— Ваше высочество, а какой мой совет показался вам неверным?

Я порылся в памяти.

— Ну... вообще-то... вообще-то не обо всех мне еще доложили. Наверняка есть и серьезно подрывающие нашу обороноспособность, наносящие ущерб нашей экономике, репутации и платежной способности. Подождем.

— Звучит зловеще, — сказала она ровно, — но в самом деле подождем. А своих лордов винить не стоит. Вы сумели подобрать рассудительное окружение, глупые советы не примут.

Я сказал раздраженно:

— Им просто нравится выполнять приказы красивой женщины. Будь вы поуродливее, вряд ли и разумные советы достучались бы до их медных лбов.

Она сделала вид, что не услышала комплимент, задумчиво смотрела в сторону окна, там небо из голубого постепенно становится синим, но до фиолетового еще далеко, хотя первая звездочка уже зажглась, серп луны тоже прорисовывается все ярче.

Я подумал, что солнце уже не только светит, но и мощно греет, весна наступает, дни все длиннее, ночи короче, а таяние, по прогнозам стариков, будет ранним и дружным, что вообще-то не знаю, хорошо или плохо.

В дверь снова постучали. Я моментально ощутил прилив темной крови, сказал громко:

— Открыто!

Дверь приоткрылась, в полглаза показалась голова Альбрехта.

— Ваше высочество! — сказал он торопливо молящим голосом. — Если вы не будете на пиру, то я им так и скажу, пусть порадуются...

Я прорычал:

— Порадуются?

Он сказал умоляюще:

— За вас, ваше высочество, за вас!

— Брысь, — рявкнул я. — Что за шуточки, граф? Мне за вас стыдно!

Он исчез, Аскланделла сказала с улыбкой:

— В самом деле любят. Даже готовы идти на личные неприятности.

— Какая это любовь, — сказал я горько, — если будут рады моему отсутствию?

Она опустила ресницы, что снова бросили ажурную тень на высокие, красиво очерченные скулы.

— Возможно, — проговорила она негромко, — полагают...

— Что?

Она подняла на меня взгляд и договорила с той же загадочной улыбкой:

— Что вы здесь упьетесь быстрее и лучше, чем на пиру.

— А-а-а, — сказал я с облегчением, — а то совсем уж подумал. Гады они все полосатые!.. Это я должен о них заботиться, а не они обо мне!

Она покачала головой.

— Принимая присягу верности, вы обязуетесь заботиться о них, как о себе, а они, в свою очередь, давая эту клятву, обещают заботиться о ваших инте-

ресах... Что делать, если их и ваши представления не всегда совпадают?

— Воевать, — ответил я. — Когда интересы не совпадают, нужно воевать, пока не совпадут!

Она кивнула.

— Ну да, конечно. Типичный мужской взгляд. Прямой и, как это называется, честный. Но все равно вы не очень умело увильнули от дальнейшей откровенности насчет своих планов. Спихнулись, что рассказали женщине, а не соратникам?

— Есть такое, — признался я. — Даже не знаю, что на меня нашло. Вы меня околдовали, ваше высочество. Что-то в вас есть эдакое... Хотя вроде бы все, как у человека: прекрасные здоровые волосы, чистое лицо, умные глаза, упрямый подбородок, лебединая шея...

— Остановитесь, — прервала она, — остановитесь, ваше высочество. Я сама знаю, что у меня ниже шеи. Вы, конечно же, имели в виду это кольцо, изготовленное великим мастером Ринеусом, лучшим во всей империи?.. Да, в самом деле оно уникально по изяществу и красоте...

Я тупо удивился.

— Да? Ага, это и есть кольцо? А я думал, по ошибке надели еще пару ожерелий, забыв, что на вас это уже висит.

— Ваше высочество, — сказала она и грациозно поднялась, — не пора ли на пир?

Я поспешно вскочил, нельзя сидеть в присутствии женщины, подал ей руку. Хотя не сказала «нам», но это само собой разумеется, женщина идет за человеком, как нитка за иголкой, что пробивает себе путь острием, как рыцарским копьем, а красивая и цветная нитка закрепляет победу быстрыми умелыми стежками своего обаяния, прилежности и этой, как ее, скромности.

Еще в дальнем от зала коридоре радостная суета, оживление, возбуждающе пахнет жареным мясом, печеной рыбой, острыми специями, слуги носят, как пчелы в растревоженном улье.

Нас заметили, двое побежали вперед, там звонко и ликующе протрубили фанфары.

Герольд прокричал во весь голос:

— Его высочество принцесса Аскланделла Франкхаузнер... в сопровождении принца Ричарда Завоевателя!

В середине фразы он малость дал петуха, сообразив, что теперь надо объявлять меня, а не Аскланделлу, но умело вывернулся, добавив грозное прозвище.

Перед нами распахнули двери в мир гама, веселья и сутолоки с такой готовностью, что еще чуть, и отодвинули бы даже стены. Мы вошли рука об руку, то есть Аскланделла движется всего в шаге от меня и касается кончиками пальцев моей оттопыренной в ее сторону руки.

За столами уже пируют, Аскланделла не повела и бровью: как это начали без меня, северные варвары, что с них возьмешь, дикари. Однако эти дикари в дорогих одеждах разом поднялись, внушительное зрелище, люблю множество сильных и решительных мужчин.

За столом не преклоняют колено, даже головы, все смотрят радостными глазами, а мы идем красиво и церемонно, Аскланделла прямо плывет, аки утица, хотя вообще-то лебедь, а я, естественно, орел сизо-клювый.

Слуги уже замерли у наших кресел с высокими спинками, готовы отодвинуть в нужный момент и задвинуть под самые задницы, а мы, двигаясь величаво и расточая улыбки, прошествовали к своим местам и церемонно уселись, оглядывая всех благосклонно и милостиво.

Только теперь зал содрогнулся от мощного вопля из сотен мужских глоток:

— Слава Ричарду!

Я встал, помахал рукой, что вызвало новый взрыв энтузиазма, и снова сел. Именно так, слава Ричарду, и никаких там принцев, гросспринцев и прочих титулов и даже прозвищ.

Длинный стол заставлен широкими тарелками из чистого золота, кубками и чашами, мисками и супницами, широкими чашами для бульона, даже кружками, но не простыми, а из редкого в этих землях малахита, а запахи от стола валят одуряющие.

Я сглотнул слюну, когда взгляд упал на лоснящуюся капельками выступившего жира коричневую кожицу роскошного откормленного гуся. Поджарили настолько умело, что кожица кое-где полопалась, обнажая нежнейшее сочное мясо, и теперь пальцы хищно сжимаются, готовые сорвать эту коричневую кожицу и отправить в пасть, а потом торопливо рвать само мясо.

Аскланделла повела на меня дивными очами, и я понял, что не рвать мне жадно обжигающее пальцы мясо, а кушать и даже вкушать чинно и благолепно.

Она сказала негромко:

— Улыбайтесь, ваше высочество. А то все видят, как я вам аппетит порчу.

— У меня уже и так рот болит, — буркнул я.

— Все равно улыбайтесь, — сказала она наставительно. — Это одна из обязанностей... сюзерена.

Я зыркнул с подозрением, но она, похоже, точно не проговорится насчет моих замашистых планов на королевскую корону.

— Вам положить овощей? — спросил я. — А то все мясо и мясо...

— Намекаете, — поинтересовалась она, — что я хищница?.. Вовсе нет. В смысле хищник он только хищник, а человек и хищник, и намного более...

— Какие намеки? — спросил я. — Просто я пытаюсь поуухаживать за вами, но за вами разве поуухаживаешь? Еще и руку откусите!

Она подумала очень серьезно, подняла на меня взгляд:

— А вдруг все-таки не откушу?

— Нет уж, — сказал я нервно, — я человек боязливый и не рисковый.

— Это заметно, — обронила она и, не дав мне слова сказать, живо добавила: — Вон там лорды из Бриттии и еще четверо из Гиксии. Помашите им сейчас же!

Я послушно помахал им, дружески улыбаясь, что вызвало там взрыв восторга, а я запоздало подумал, что она как-то уж слишком, это я сюзерен, а не она, женщина есть женщина, даже если она Жанна д'Арк или Алиенора Аквитанская.

Лорды то и дело поднимают кубки за здоровье великого Ричарда и прекрасной Аскланделлы, как это ухитрилась очаровать их всех, хотя, конечно, время у нее было, меня черти носили по Храму в самом деле долго.

Слуги бегом заносят на широких блюдах жареных гусей и лебедей, кабанов и оленей прут на носилках по двое, а со стороны двора вкатили два бочонка вина.

Изящная золотая чаша с россыпью бриллиантов по ободу перед Аскланделлой наполнена вином, но принцесса с рассеянным видом пощипывает корочку пирога.

Я сосредоточился и вообразил самые нежные и тающие во рту пирожные, что и не пирожные, а вообще разврат какой-то. Они появились у нее на блю-

де как раз в момент, когда она опускала руку к пирогу. Моментально сориентировавшись, она чуть-чуть улыбнулась и взяла нечто воздушно-шоколадное, что мельче макового зерна, но умело раздуто до размеров грецкого ореха.

Я, к примеру, всегда чувствую себя обманутым, чтобы не сказать жестче, однако у женщин иная логика, визжат от восторга.

Аскланделла не визжала, ее вообще невозможно представить визжащей, но я видел по ее невозмутимому лицу, что такая забава ей нравится.

Заметив, как я поглядываю на пирующих военачальников, сказала негромко:

— Зигмунда Лихтенштейна.

— Что? — не понял я.

— Рекомендую его.

Я переспросил тупо:

— Куда?

— Оставить здесь, — ответила она. — Простите, что подсказываю такие очевидные вещи, уверена, что вы и сами бы так решили, хоть и чуть позже. Вы же сами сказали, что чудовищно могучи задним умом, а на лестнице так вообще король остроумия и находчивости!

— Гм, — проговорил я, — оставить... А зачем? Ах да, с ограниченным контингентом дружественных войск для постоянного принуждения к миру!.. Ну да, конечно. А почему их?

— Они прибыли уже после захвата Генгаузгуза, — напомнила она. — Простите, что напоминаю... Не успели отличиться в боях именно здесь, хотя все сильные и свирепые воины, обожающие кровь и сражения. О вас говорят с таким восторгом, что я усомнилась, не спутали ли с кем-то еще... Вы и могучий, и сильный, и лютый, во что поверю легко, но вы якобы

еще и благородный, великодушный, рыцарственный до кончиков ногтей...

— Гм, — сказал я с недоверием, — и это все? Или что-то утаили? Нет, вы точно утаили, принцесса! Я бы сказал о себе намного больше. А что я умница и красавец, разве умолчать можно? А о моей необыкновенной, просто легендарной скромности ничего не сказали? Не поверю. Это вы точно зажали из ревности... Но насчет Лихтенштейнов вы правы, что удивительно. Если отправить обратно вместе с Легендарной и Победоносной, у них остается неприятное послевкусие.

— Легендарная и Победоносная, — напомнила она, — осталась где-то на границе Бриттии и Варт Генца.

— Точно? — переспросил я с недоверием.

— Если не путаю, — сообщила она. — Но, скорее, это вы путаете и перепутываете, ваше высочество. То у вас Легендарная и Победоносная — разные, то одна, то появляется еще и третья — Познавшая радость побед... В любом случае Зигмунд с братьями будут счастливы, если почтите высоким доверием представлять ваши интересы в крайней точке своего в самом деле, надо признать, удивительно победоносного в силу исключительного везения похода.

— Ах, — сказал я, — вы меня смущаете. Я хоть и принц, но скромный. И застенчивый...

— Некоторым везет, — заметила она. — Вы знаете, кому.

— Только не понимаете, — уточнил я ехидно, — почему.

Альбрехт зашел сзади и приподнял меня почти силой. Я заулыбался, возделся и, подняв кубок выше головы, провозгласил тост за новые победы и новые свершения.

Ничего необычного, такие тосты слышу с колыбели, но зал ответил радостным ревом, будто отыскал какие особые и необыкновенные слова, обожаю простодушных людей.

Отовсюду раздался звон металлических кубков и чаш, на столешницы плещет вино, со всех сторон орут веселое, бодрое и воинственное, даже мне нравится это веселье.

Глава 11

Аскланделла повела взглядом по всему залу от стены до стены, получается величественно и милостиво.

— Вам повезло, — произнесла она.

— Правда?

— У вас такие соратники...

— Нравятся?

— Как и вам, принц.

— У меня талант, — ответил я скромно, — подбирать кадры. Даже талантище. И взваливать на соратников всю работу.

— Это я заметила сразу.

— Зато, — сказал я наставительно, — мне остается самое трудное...

— Ваше высочество?

— Придумывать тосты, — ответил я, не подобрав из своих запасов банальностей ничего умнее.

Она слегка поморщилась, но спросила деловито:

— Отсюда сразу в Варт Генц?

— Сперва в Бриттию, — ответил я. — Рождает у меня прямо шас некий хитрый план. Хотя я не хитрый, но план хитрый. Это потому что с вами вот сижу рядом. А если бы еще и... гм...

— Заскочите в Пекланд, — посоветовала она. — Или в Ирам. А лучше в оба.

— Зачем?

— Как я поняла, — ответила она, — вам нужна поддержка. Желательно всесторонняя.

— А Пекланд...

— В вашей армии есть лорды из Пекланда, — напомнила она, — а также из Ирама. Их немного, дружины у них слабые, я смотрела, но все равно это прозвучит весомо.

— Что именно?

— Если заявите, — объяснила она обстоятельно, как придурку, — что с вами армии Пекланда, Ирама, Бриттии...

— Я не настолько хитрый, — ответил я сердито. — Это уже не хитрость, а обман. А обманывать я не стану даже противника. У нас, доминантов, есть собственная гордость, на буржуев смотрим свысока.

— В самом деле не станете?

— Только в исключительных случаях, — ответил я с достоинством. — Если это принесет пользу!

— Ах так, — ответила она, — тогда точно обманывать не станете. Хотя это называется обманом внизу, а в верхних кругах это уже политика...

— Правда? — спросил я наивно. — Ну, мне проще, я человек меча и топора, а также копья и прочих необходимых для жизни инструментов.

— Пока их придется оставить, — произнесла она все так же серьезно, даже не знаю, уловила по моему тону, что это я так острою, или же решила, что я такой и есть, каким прикидываюсь. — Завтра у вас большой прием...

— А это что?

— Пир, — объяснила она, — по случаю вашего возвращения. А на приеме будут ваши любимцы граф

Максимиллиан и барон Норберт, а также те, кто сейчас далеко за городом. Не вся же армия смогла поместиться в его стенах!

— Хорошо, — пробормотал я. — Хорошо, ваше высочество, все исполню.

Она в изумлении вскинула длиннющие ресницы.

— Я что-то не так сказала?

— Все так, — заверил я. — Настолько все безукоризненно, что вот прям руки чешутся...

— Так почешите, — посоветовала она. — Но чуть-чуть, а то государь с расчесанными как-то смотрится не совсем... государственно.

— Понимаю, — сказал я тоскливо. — Сразу скажут, руки по локоть в крови невинных младенцев. У нас все, что можно истолковать в худшую сторону, истолкуют обязательно... в самую худшую. А потом еще что-то и домыслят. Вам хорошо, про вас так не скажут!.. Даже если лично взрежете животы всем девственницам королевства.

Она поморщилась.

— Какие гадости говорите... Зачем мне это понадобилось бы?

— А кто вас знает, — ответил я грустно, — женщины непредсказуемы. Я вообще-то и сам планировал заскочить в Ирам, а теперь вот...

— И что, — поинтересовалась она с интересом, — в самом деле передумали?

— Вы меня переубедили, — заявил я.

Она изумилась.

— Переубедила? В чем?

— Во всем, — сказал я решительно. — Все мои базовые ценности отменили разом и так бесповоротно, что как дальше жить... не подскажете?

— Прятаться за иронией, — сказала она, — привычка слабых. У них это защитная реакция. Но вы разве слабый?

— Еще какой, — заверил я. — Вы даже не представляете! Просто другие еще слабее, так что я на их фоне как бы орел и лев, но вы же видите, что я пушистый зайчик?

Она не дала столкнуть себя на обсуждение личных достоинств, спросила деловито:

— А что в Ираме?

— Любезный и неглупый король Иоганн-Георг Гехинген, — ответил я послушно, — при нем злая и властолюбивая королева Бразельда. Но дура, раз уж поставила на Мунтвига. Еще двое сыновей, меня совершенно не интересуют, и сказочно прекрасная дочь Леонора.

Она перебила:

— А вот здесь подробнее.

— Зачем? — спросил я невинно.

— Это может быть подводным камнем, — объяснила она, — но может быть и якорем спасения. Женившись на Леоноре, вы упрочите...

— Спасибо, — прервал я. — И не надейтесь!.. В первых, она не в моем вкусе, во-вторых, несовершеннолетняя, хотя уже такая... что нет, лучше проеду мимо.

— Бойтесь?

— Начнут предлагать в жены, — объяснил я, — на вырост! Не люблю отказывать.

— Почему? Король должен этому научиться с колыбели.

— Я что, рожден в королевской семье? Я прост, как голая обезьяна Дезмонда Моррисона, был такой великий лорд, не то отыскавший, не то создавший

эту обезьяну. И вообще не решил, на женщине какого типа готов жениться. А вы решили?

— Я вообще не готова жениться на женщине, — отпарировала она.

Я продолжал подкладывать ей пирожные, сейчас, когда жрет, почти женщина, но есть в ней нечто таинственное, даже опасное, но замечаешь не сразу, остановленный холодным высокомерием на ее лице, ледяным спокойствием взгляда, расчетливостью каждого жеста и неторопливостью движений.

Ее взгляд слишком уж глубоко заглядывает в тайники моей необъятной души, и хотя она у меня вся сверкающая и чистая, но зато мозг лучше не показывать, там кора — лишь пенка на кипящем молоке инстинктов, стыдных желаний, страстей, злобы, похоти и почти всех семи смертных грехов, что уже известны этому миру, и двенадцати, известных только мне.

В ее глаза тоже лучше не смотреть слишком долго, зрачки становятся все шире, и вот уже падаешь в этот бездонный космос, где звезд не видно даже на краю вселенной.

— Ваше высочество? — спросила она несколько измененным голосом.

— Да так, — сказал я стесненно и отвел взгляд. — Показалось, что у вас ресница выпала. Или загнулась...

— Которая? — спросила она и посмотрела на меня прямо и бесхитростно.

Я стиснул челюсти, заставляя себя выстоять против ее странного влияния, указал взглядом на левый глаз.

— Вот там... в верхнем веке.

— Сумеете поправить? — спросила она деловито. — Или потом поручу фрейлинам?

Я пробормотал:

— Тогда не дергайтесь. У меня руки особенные, деликатные, привык коням ломать крестцы и сми-рять... ну, баядерок... Смотрите прямо, нет, только не на меня, умоляю!.. На кого-нибудь, кого не жал-ко. Вот та-а-а-ак... Все, поправил!.. Это вот толстое и загнутое просто зацепилось за соседнее коромысло. У вас они слишком длинные и пушистые.

Она кивнула.

— Я понимаю, это не комплимент.

— Конечно, — заверил я. — Чтоб я да говорил вам комплименты? Да ни за что в жизни!.. Вы настолько совершенны, ваше высочество, что любые компли-менты для вас будут лишь оскорблением.

Она задумалась, пытаясь осмыслить мои умности, я в них настолько хорош, что часто сам не понимаю, что сморозил, но главное, чтобы звучало красиво, для демократа обертка всегда важнее смысла, а мы все идем к победе демократии, только никто о грядущем ужасе еще не знает.

Поздно ночью, вытолкав лордов в коридор, я лег в холодную и пустую постель, где вспомнил со злой иронией, как в Храме мечтал, что, когда доберусь до Генгаузгуза, перетаскаю в постель всех баб, что попа-дутся в поле зрения.

Сейчас же, увы, даже теплая и мягкая Джоанна хоть и в соседнем крыле, но недосягаема, как и все остальные.

Нужно дожидаться утра, провести большой при-ем по случаю моего возвращения, съедутся лорды не только Генгаузгуза, но и ближайших владений, Аль-брехт не зря весьма настойчиво напомнил, что все должны увидеть меня в блеске грозной славы, а то пошли всякие разные слухи...

После нашего ухода Леопольд вздохнет свободнее, гостевой дворец снова станет его, и только его. Я отнял у Мунтвига, но теперь все вернется к Леопольду, так что король только выиграл от нашего вторжения.

Рано утром я проснулся от ворчания Бобика, он приподнялся и грозно смотрел на дверь. Я привстал на локте, крикнул:

— Кого там ангелы принесли в такую рань?

Из-за двери раздался полный достоинства голос:

— Вот как вы разговариваете с самим вице-канцлером!

— А-а-а, — сказал я, — входите, Альбрехт. Вас уж точно принесли не ангелы.

Он вошел подтянутый, как всегда, безукоризненный в одежде и манерах, шляпа с пером, но не снял, ему дарована привилегия не снимать в моем присутствии, как, впрочем, и всем моим лордам, мне повелеть такое ничего не стоит, но другие за такую привилегию убить готовы.

— Архангелы? — поинтересовался он.

— Разве что с рогами, — сказал я кисло. — Граф, вы такая ранняя птичка, только не чирикаете.

Он смотрел на меня с таким изумлением, что вот-вот выронит кипу бумаг под левой рукой.

— Ваше высочество! — проговорил он полным ужаса голосом. — Как можно?

— Чего? — спросил я с подозрением.

— Вы были в монастыре всю зиму, — напомнил он с потрясенным видом, — а сейчас в вашей постели ни одной женщины? Я ожидал хотя бы дюжину... У вас как со здоровьем?

— Граф, — сказал я, — заткнитесь.

— Это не вредно, — напомнил он. — Или, простите, ваше высочество, это не мое дело, конечно...

Я вылез из-под одеяла, потянулся, зевнул. Он смотрит все с той же жалостью и сочувствием, я поморщился:

— Граф, со мной все в порядке.

— Точно?

— Я аскет временами, — сказал я. — Медитант и даже в некотором роде сублимант! В смысле медитирую и сублимирую одновременно, чтобы не думать о. Ну, вы поняли.

— Понял, — ответил он, — ваше высочество, когда о своих планах вы намерены сообщить лордам? Думаю, в Храме Истины вы многое продумали...

— Ага, — ответил я, — только об этом и думал, щас. После приема местных и понаехавших лордов нам стоит собраться в небольшом, но уютном зале. Чтобы все крупные влезли, а мелким военачальникам перескажут те, что покрупнее.

— Правильно, — одобрил он, — неча снисходить ко всяким. Вы давно уже не, так что еще бы зачем!

Я поморщился.

— Просто нет материала для обсуждения. Сообщу только самым-самым, а остальное в штатном порядке... Подайте вот те штаны! Да не эти, слишком много золота, а я сегодня буду играть демократа и отца солдатам.

— А правителя?

— Правителя тоже, — ответил я, — но как бы своего, народного, родного. А король — это король, не совсем как бы. Народу же ближе диктатор с какой-нибудь Корсики или других островов... И сапоги тоже. Да не эти... кто приволок сюда столько? Я что, сороконожка?

Он сказал со знанием дела:

— Явно женщины постарались. Только они не могут понять, как можно обходиться одной парой обуви.

— Гнать, — распорядился я безапелляционно. — Никаких женщин!.. Не раньше, чем сам изволю.

— А когда изволите?

— Когда возжелаю, — ответил я надменно. — Но и тогда смирю, ибо это не мои желания, а Змея, что во мне живет и довольно хрюкает, нравится ему, видите ли!.. Что за сапоги, кто так шьет, кто так шьет...

Он подал мне перевязь с мечом, на крупный рубин в рукояти поглядывает часто, но не спрашивает, а то вдруг отвечу правду, а в некоторых случаях ее лучше не знать, чтобы оставаться чистеньким, а на Страшном суде невинно хлопать глазками: как, правда? Я ничего об этом не знал, не слышал и не догадывался, не был, не участвовал, не обвинялся, не привлекался...

— Готовы? — спросил он.

— Нет, — отрезал я. — Сперва пожру. Это то же самое, что и поем. А во дворце это звучит как «покушаем». Будьте ближе к народу, граф!.. И тогда ваше имение спалют последним.

Он послушно сел на указанное место, смотрит подчеркнуто смиренно, но какую-то пакость уже замыслил, по лицу вижу, а уж по глазам так и вовсе. Макиавелли всю жизнь ломал голову над вопросом: что лучше, чтобы государя любили или чтобы боялись, но так и не пришел к решению. Ну, раз такой светлый ум ни до чего не додумался, то я даже и пытаться не буду.

— Граф, — сказал я, — откушайте.

— А вы будете жрать?

— Мне можно, — отрубил я. — Мне с народом через часок общаться! А вы должны быть примером галантерейности и вообще лицом оккупантов в глазах недружественной и не совсем определившейся во взглядах местной общественности. Дружественным лицом!

На столе перед ним появились ломти холодного мяса, но самая изысканная нарезка, что, конечно же, знак особого доверия. И фужеры с дорогим вином. Альбрехт, как я давно заметил, к вину особой любви не питает, у него острый ум, чем он гордится, а вино притупляет мышление, потому пьет мало и только когда нужно, а не когда хочется.

На этот раз он пил потому, что хочется, вино в самом деле изысканное, но не пьянел, знает меру, поглядывает на меня испытующе.

— Сэр Ричард, — обронил он так небрежно и словно бы невзначай, что я сразу насторожился, — а каково генеральное направление?

— Победное, — ответил я, не задумываясь, — а как же иначе?

— То есть, — произнес он тише, — пришло время взять королевскую корону?

Я поморщился.

— Граф... Корону да, придется, даже надо. Но не потому, что у нас какая-то мелочная война престолов, я не хотел бы стать королем, только чтобы им стать. Это предел мечтаний для тупенького человека, он сядет на трон, перебив всех врагов, и успокоится. Жизнь удалась!..

— Догадываюсь, — произнес он совсем тихо, — что королевская корона для вас значит совсем не то, что все привыкли в ней видеть. Неужели все-таки...

— Да, — отрезал я. — Мы будем строить Царство Небесное на земле! Для всех людей... А сейчас допивайте, мы выходим. Почему мясо даже не попробовали?

— Половину съел, — ответил он обидчиво, — очень вкусно, но я плотно позавтракал перед тем, как идти к вам. Вы же можете на весь день оставаться голодным.

В коридоре мы слышали, как снизу то и дело доносятся властные окрики: «Дорогу его светлости герцогу Клементу!», «Дорогу графу Лиденецкому!», «Прочь с дороги!», следом частый стук копыт, многие считают шиком по королевскому двору идти галопом.

Альбрехт прислушался, сказал довольнo:

— Слетаются, орлы... Прием обещает быть большим.

— Вторая половина, — предупредил я, — на вас.

Он воскликнул испуганно:

— Я столько не вынесу!

— Первая половина самая трудная, — напомнил я. — А вам останется мелочь, там промахи не так важны.

Он поинтересовался обидчиво:

— Какие промахи? У меня не бывает промахов!

Перед моим кабинетом усилена стража, слуги то-ропливо распахнули перед нами обе створки.

Я шагнул в полумрак, когда же привыкну, что это в порядке вещей, а все свечи зажигают только в исключительных случаях. Не из-за жадности, просто на замену такого количества сгоревших свечей уходит уйма времени, и в кабинете будут постоянно толкаться сопящие слуги, что меня весьма раздражает, хотя я вроде бы и не капризная цаца.

В массивных подсвечниках на столе и на полке камина почти в ярд высотой горят свечи толстые, как деревья, собирая наплывы воска в медные чаши.

Сэр Норберт и мой любимец Макс выпрямились по обе стороны длинного стола в почтительно смиренных позах. Я пошел к ним быстро, подчеркивая каждым движением, что броня крепка, а копыта наши быстры, мы побеждали и продолжаем побеждать, хотя и сидим пока что, окруженные не вражескими вой-

сками, а зимой, но и она, зараза, трусливо отступает перед нашим с солнцем яростным натиском.

Они поклонились, я сказал быстро:

— Сэр Норберт... Макс...

Они повернулись ко мне, я прошел к креслу, расположенному с торца, сел, но не успел открыть рот, как Норберт сказал учтиво:

— Надеюсь, ваше высочество ничего себе не обморозило в долгом и тягостном пути?

Я проигнорировал вопрос, повернул голову к Максу:

— В каком состоянии пехота?

— Ждет весны, — ответил он с готовностью. — Как только схлынут вешние воды, все готовы идти обратным маршем. Но кое-кто готов и остаться. По доброй воле.

Я покачал головой.

— Доктрина меняется.

Они переглянулись, Норберт поинтересовался:

— В каком месте?

— Целиком, — ответил я. — Целиком, дорогой сэр Норберт. В Храме Истины меня посетило озарение. А потом видение... Или видение сперва, а озарение потом, но это неважно, вы же знаете, со мной это часто. И озарение рекло, что нужно для спасения мира нам кое-что сделать. А для этого «кое-что» придется изменить предполагаемую модель...

— Ваше высочество? — спросил он.

Глава 12

Я нетерпеливо выдернул у него карту из рук, растелил на столе. Альбрехт и Макс тут же прижали уголки пальцами, а я всмотрелся в очертания Сакранта.

— Та-а-ак... положение не самое лучшее, заметили?... На западе Мордант, на востоке Алемандрия, с королем которой, Конрадом, я сталкивался, когда он вторгся в соседнее королевство Галли, где правил благочестивый Арнольд... Редкостная сволочь, хотя по нынешним меркам просто отважный и нетерпеливый король, что постоянно пытается мечом расширить пределы своего королевства... Если мы уйдем, а Мунтвиг не объявится, то Конрад нападет на Сакрант...

Норберт сказал осторожно:

— Ваше величество, вы предлагаете...

— Пока ничего не предлагаю, — ответил я, — но оставить часть войск для защиты Сакранта придется. Здесь зона наших интересов! И как-никак я здесь принц короны, единственный и уже провозглашенный королем Леопольдом наследник. На юге Сакрант граничит с Ирамом и Пекландом, те тоже не подарки...

Норберт вздохнул, Макс сказал с боевой готовностью:

— Понятно, оставим корпус наших войск...

— Еще один направим в Бриттию, — продолжил я и повел пальцем по карте, отыскивая эту самую Бриттию.

Норберт вздохнул, спросил безнадежным голосом:

— Что, и там зона наших интересов?

— Еще какая, — ответил я. — Ах да, вы не знаете еще, но будете смеяться, однако я еще и принц-регент королевства Бриттия!.. Вот так-то. И правлю ею до тех пор, пока не подрастет младший сын умершего короля.

Норберт пробормотал:

— Смеяться или рыдать?

Альбрехт спросил живо:

— А сколько мальчишке лет?

— Семь, — ответил я.

Он радостно охнул.

— Это же всех там обобрать можно!

— Можно, — согласился я, — но зачем обирать своих?

— Ваше высочество? — спросил он.

— Мы останемся и в Бриттии, — сообщил я. — Для выполнения наших гуманных и гуманистичных планов потребуется обширное жизненное пространство. С едиными законами, свободной торговлей, обменом трудовыми ресурсами и накопленными навыками.

Он оглянулся на двери, покосился на обомлевших соратников и спросил таинственным шепотом:

— И единой властью?

— Неофициально, — ответил я. — Нельзя наступать на гордость всяким королям и вождям племен. Потому да, Бриттия...

Норберт и Макс снова промолчали, Альбрехт спросил осторожно:

— Тогда Варт Генц... тем более?

— Там сложнее, — признался я. — Сейчас в Варт Генце лютует гражданская война за трон. Многие поверили, что Мунтвиг нас всех уничтожил, и сочли клятвы, данные нам, потерявшими силу. Конечно, за это поплатятся. Не за нарушение клятв, основание вроде бы есть, а за недоверие!

— Это да, — сказал Норберт сурово, — это оскорбление! А любое оскорбление лучше всего смывается кровью.

Я остановил его жестом.

— Мы должны больше думать не о мести. Создатель против того, чтобы мстили лично. Он сам достаточно мстительный, если заявил, чтобы мщение оставили ему, и только ему.

— А о чем мы должны думать? — спросил Альбрехт при одобряющем молчании Норберта и Макса.

— Должны мыслить глобально, — изрек я веско. — Ладно, поговорим потом. В главном зале уже все собрались, слышу, как вздрагивают стены, о которые чешутся спинами. Идите, присмотрите за порядком. Я приду чуть позже. Окончательный инструктаж будет после приема.

— И после пира?

— Отбуду после приема, — сказал я. — На пиру присутствую мысленно. И сердцем, что всегда с вами.

Они отсалютовали и вышли, а я разложил на столе карту региона. Границы королевств проходят по рекам и болотам, из-за чего такие причудливые, что я бы точно провел демаркацию границ, если бы там не жили своенравные и гордые лорды в достаточно неприступных замках.

Ситуация с отношением к Маркусу гораздо хуже, чем я думал. По наивности полагал, что священники всюду проповедуют о Багровой Звезде как о карающем мече Господа, потому, дескать, нужно принять со всем смирением. Даже зарываться в глубокие пещеры — не спасение, земля сдвинется и всех засыплет, смерть их будет мучительной, в отличие от тех, кто примет ее покорно наверху и сразу войдет в рай.

На поверхность если и выберется из зарывшихся кто, то это будут единицы, жизнь их будет тяжела и поневоле полна греха.

Оказалось, судя по собранной Альбрехтом информации, все оказалось гораздо хуже. Священники даже не упоминают о Маркусе, народу это не нужно и совсем не интересно. Маркус для них — это как наступление зимы, только такой, когда все погибнут. Барахтаться начали бы, если бы Маркус давал шанс спастись проклятому соседу, тогда да, это невыноси-

мо, надо бороться, но когда погибнут все люди на свете... то чего противиться?

Даже из числа священников практически все останутся на поверхности, в пещеры поглубже будут уходить совсем уж еретики...

Я стоял над картой, задумавшись, мысли бродят хаотичные. Борьба моя абсолютно безнадежна. Я не очень-то верю в одиночек, спасающих мир, да еще вопреки этому тупому и неблагодарному миру, а в себя то верю, то не верю, я же творческая натура, идет на барабаны моя шкура, весь из себя амбивалентный, даже и сам не знаю, что вот сейчас выкину и что придумаю...

В камине весело потрескивают березовые поленья, смолистый запах приятно щекочет ноздри, свет по всей комнате, еще и от двух факелов в железных державках по обе стороны двери.

Зигфрид, чуть приоткрыв двери, просунул голову в кабинет.

— Ваше высочество, к вам епископ.

— Геллерий? — спросил я.

Он помотал головой.

— Нет, тот далеко в зимнем лагере.

— А кто?

— Местный...

Я сказал с удивлением:

— Пропусти.

Порог переступил человек в рясе золотистого цвета с пурпурной лентой внизу, такого цвета рясы только у кардиналов, правда целиком, а не одни ленты, достаточно полный, хоть ряса и скрывает фигуру, но выдает круглое и с пухлыми щеками лицо.

Чисто выбрит, сдержан, поклонился со второго шага и замер.

— Ваше преосвященство, — обратился я к нему, — чем могу быть полезен?

Он позволил себе улыбнуться.

— Я епископ Дециллианий. При Мунтвиге был в изгнании.

— Рад буду помочь, — ответил я с настороженностью.

Он покачал головой.

— Мне ничем, да и не нужно. Правители должны помогать всем людям, не делая между ними различий. Чем выше поднимается человек, тем люди внизу мельче.

Я спросил в упор:

— Значит, не обращать на них внимания вообще?

— Мир состоит из людей, — ответил он мягко, — без них мир не нужен даже Господу. Я пришел напомнить, что отныне вашими людьми вы просто обязаны считать и тех, например, кто в Морданте...

Я вздохнул.

— Святой отец, присядьте. Вот в это кресло, оно удобнее... Скажу сразу, мне ход ваших угодных Господу мыслей понятен. Все люди на свете — наши братья, ибо все мы от Адама. И обо всех должны заботиться. Но это в идеале. А в реальности мы едва-едва успеваем позаботиться о себе, да еще иногда о ближних. Поэтому наши несчастные братья, стонущие под гнетом черной магии в Морданте, остаются на потом.

Он сказал с чувством:

— Да вы хоть знаете, что там творится?

— Знаю, — ответил я. Наткнувшись на его удивленный взгляд, пояснил: — Пришлось там побывать пару раз. Знаю, в городах заправляют оборотни, что прикидываются людьми.

— Вот видите!

Я выставил вперед ладонь.

— Оборотни прикидываются людьми. Сами люди об этом догадываются и в Час Оборотня не выходят

на проезжую часть улицы. Таким образом, там пока тихо. Зато оборотни искоренили всю преступность, ночами можно разгуливать там везде, не страшась быть ограбленным.

— Но Час Оборотня...

— Час Оборотня, — согласился я, — к сожалению, расширяется. Когда-то эта была минутная пробежка оборотней по центральной улице, теперь час... потом вся ночь окажется в их власти. Оборотни становятся сильнее. Однако, святой отец, я сожалею...

Он поник головой, но тут же вскинул ее и вперил в меня острый взгляд:

— Но обещаете... потом?

— Обещаю, — ответил я твердо. — Мне те оборотни, как заноза... Но только есть занозы и побольше и поострее. Сперва с ними.

Он чуть кивнул.

— Знаю. Маркус.

Я чуть опешил.

— Откуда знаете?

— Чувствую, — ответил он просто. — Вы, с вашим характером, не сможете смириться с поражением. И хотя это не поражение, а Божья кара, но вы расцениваете как поражение.

Я молча создал вино в кубках, один протянул епископу. Какой там Мордант, у самого и так голова трещит от усилий представить себе эту проклятую Багровую Звезду, что-то моя интуиция молчит, как и воображение пасует.

Единственное, в чем не сомневаюсь, в небе появится не лодочка с парусами, а нечто вроде летающего авианосца, тяжелого, массивного и вооруженного до зубов такими орудиями, что в состоянии пробивать земную кору.

И десант там будет дай боже. Не десант в том виде, каком представляю даже сам, хотя у меня воображение дай боже, а надо брать еще ширше, чтобы сам засомневался, не слишком ли хватил. И нужно ожидать, что прибудет целое войско. Да-да, приземлятся в самом густонаселенном месте, но даже там не нахватаешь пленников столько, сколько вместят трюмы, придется посылать мобильные отряды в соседние города и деревни.

Вот тут и появится шанс... А что, при определенных условиях дикари могут победить даже суперпуперных, если не страшатся и знают местность, а руководит ими тоже один из... скажем так, знающих. И не считающий их ни богами, ни Карой Небесной.

Углубившись в тяжелые мысли, я вздрогнул от ровного голоса епископа:

— Дивное вино. Нельзя, чтобы оно исчезло с лица земли. Ваше высочество, далеко не все священники готовы принять безропотно свою судьбу. Ваши идеи насчет того, что хоть это и Божья кара, но ее можно отвести и Господь не рассердится, распространяются по королевствам!

Я охнул:

— Правда? Как?

— У Церкви свои секреты, — ответил он уклончиво. — Вы так много и часто везде рассказывали о том, что Господь дал Ною сто двадцать лет на постройку ковчега, и объясняли, зачем он так поступил... что у многих появилась надежда на этот раз сделать то, чего от людей ждет Господь... но не говорит им об этом, потому что люди должны своим умом выживать и развиваться!

Я смотрел на него и чувствовал, как в груди разливается теплая волна счастья. Наконец-то, когда уже

сам не ожидал, начали прорастать зерна, которые так щедро разбрасывал во все стороны.

— Отец Дециллианий, — сказал я с чувством, — я счастлив. Знаю, Римская церковь в Сакранте фактически уничтожена, а разросшаяся Апостольская бороться не станет, однако все равно... спасибо!

— Священники есть, — ответил он. — Хотя, конечно, уцелевших осталось совсем мало, но мы все спешно восстанавливаем.

— Апостольскую не душите, — посоветовал я.

Он покачал головой.

— Ваше высочество, мы смиренно и с достоинством принимаем те несчастья, что посланы нам судьбой и Господом. Человек заснет, если его не будут преследовать беды, катаклизмы, если саранча не будет пожирать его урожай, а наводнение перестанет сносить его ветхую хатку...

Я посмотрел с уважением.

— Святой отец, вы смотрите в корень!

— У священнослужителей, — напомнил он, — больше времени, чтобы поразмышлять о сути бытия. Не будь несчастий, человек построит каменный дом, что устоит перед любым паводком, но прибегут соседи с намерением разрушить этот дом, изнасиловать его жену, а его превратить в раба. Потому он всю жизнь должен быть в борьбе!..

— Святые слова, — сказал я. — Горькие, но такая жизнь нам дадена. Это чтобы укрепились, выжили и сумели выполнить то, что держит для нас Господь пока что в тайне.

Он ответил смиренно, но в мягком голосе чувствовалась твердость закаленной стали:

— Как человек должен научиться защищаться от соседа, так должно научиться его племя защищаться от нападения других племен. Весь народ должен уметь

выживать среди других народов... вы понимаете, о чем речь?

Я кивнул.

— Так и человечество, если продлить вашу мысль, ваше преосвященство, должно уметь сплачиваться перед лицом особо важной угрозы, так?

Он ответил кротко:

— Которую может наслать сам Создатель, чтобы проверить его стойкость и выживаемость. Потому мы, священники Сакранта, после долгих споров решили, что хотя приближение Багровой Звезды — это карающая десница Господа, но мы должны попытаться бороться! Это не вызов Господу, не сопротивление, потому что Господь испытывает нас.

— Точно, — сказал я с чувством. — Если бы он захотел, что ему смахнуть нас всех разом, как мы смахиваем пыль с книги? Потому да, это испытание. Об этом и нужно проповедовать везде. А народ поднимать на борьбу. Спасибо, святой отец! Вы не представляете, как мне отлегло! А то один, как баран, бился лбом в запертые ворота.

— Когда отъезжаете?

— Завтра-послезавтра, — ответил я.

Он поднялся, поклонился.

— У вас много дел, ваше высочество. Мы сообщим всем нашим священникам в Пекланде, Ираме и Бриттии, что вы пользуетесь полной поддержкой нашей ветви Церкви.

— Спасибо, — ответил я настороженно.

Дверь за ним закрылась, а я все старался понять, что же он сказал и что это значит. Какая-то секта?.. Хотя для меня различия в конфессиях пока не весьма, сейчас у меня, как у жителя Оловянных Островов, главное — своя шкура...

Глава 13

Зигфрид заглянул в кабинет, кашлянул, привлекая внимание. Я поднял от карты голову.

— Ну?

— Лорды уже в зале.

— Что-то рано, — сказал я с неудовольствием. — Сбор объявлен вроде бы на вечер? Чтобы потом пир, а после пира спать без задних ног...

Он ухмыльнулся во всю ширь простецкого лица здорового деревенского дворянина.

— Не терпится!.. Ваше высочество, они же...

— Ричард, — поправил я, — или сэр Ричард. Мы же не на площади.

— Простите, Ричард, — сказал он и продолжил: — Все слышаны, что вы ушли в Храм Истины... Многие не верили, что вернетесь, о нем какие только ужасы не рассказывают! А раз сумели, то вам что-то да дали...

— Дали, — ответил я горько, — догнали да еще дали.

Он посмотрел с недоверием.

— Так уж ничего? Не думаю, что поверят. А если в самом деле не дали, то признаваться не стоит.

— Эх ты, — сказал я с упреком, — тоже становишься хитрым? Вот как портит людей власть и даже близкое присутствие власти... Ладно, мне неловко, что меня ждут, будто я цаца какая, хотя, конечно, я еще та цаца, всем цацам цаца, но не будешь же этим всем в глаза тыкать?

Он распахнул передо мной двери.

— Ваше высочество...

Я с досадой отмахнулся, в коридоре стражи вытянулись, морды радостно-веселые, у них же лорд, с которым не соскучишься, совсем недавно коровам

хвосты крутили, а сейчас в королевском дворце, где голова кругом от богатств и красот, службу несут...

Альбрехт выскочил из своего кабинета, пригладил на ходу волосы.

— Ваше высочество? Уже?

Я спросил ехидно:

— Хотите поучаствовать?

Он развел руками.

— Как вице-канцлер, я даже обязан... Или нет?

— Вы многое обязаны, — сказал я сурово, — как бы еще заставить вас все это делать...

Он загородил дорогу, на лице ужас.

— Ваше высочество!.. Как?.. Без принцессы?

Я поморщился.

— Что, никак без нее?.. Ну ладно-ладно, уговорили. Пойдемте за нею.

Он сказал с ехидной похвалой:

— Первый раз удалось вас уговорить так легко! С чего бы?

— Господин вице-канцлер, — сказал я с угрозой. — Давайте без порочащих мою безупречную репутацию нравственника намеков. Я просто гуманоид, потому проявляю гуманизм по отношению к принцессе и даже к вам. Хотя, конечно, когда я введу просвещенную автократию с элементами демократизма, вы на своей шкуре узнаете, какого гуманизма заслуживаете...

У покоев Аскланделлы слуги увидели нас издали, подобрались, одна из матрон, подобрав юбки, опрометью ринулась в ее апартаменты.

Альбрехт заметил уважительно:

— Принцесса держит их в руках!.. И нас не заставит ждать.

— Думаете? — спросил я, усомнившись.

Едва подошли к двери, та распахнулась навстречу, Джоанна выплыла первой, заулыбалась, как ясное солнышко.

— Ах, ваше высочество!.. Принцесса Аскланделла сейчас выйдет...

— Сейчас, — спросил я, — это через час?

Она не успела открыть хорошенький ротик, в дверном проеме показалась Аскланделла, высокая и стройная, едва не задевая высокой башней волос верха арки, в платье из золотой материи с красными вставками, эффектная настолько, что уже и не человек, а произведение непонятного искусства.

Я неуклюже поклонился.

— Ваше высочество... простите мое косноязычие, я просто одурел, глядя на вас.

Он ответила светлым ровным голосом:

— Тогда вам нужно поскорее спешить в Варт Генц. У кого заплетается язык, у того мысли...

— Могу себе представить, — сказал я, — что вы надумаете и напредполагаете. Хорошо, у вас мысли не заплетутся, они такие прямые и ровные, как колонны Пантокрабя...

— Это где такие колонны?

— Не знаю, — ответил я честно. — Но звучит весьма красиво и возвышенно. Не находите?

— Не нахожу, — ответила она любезно. — Или это опасно, не соглашаться с вами?

— Очень, — подтвердил я. — Разве не видите, я уверенно иду дорогой просвещенного деспотизма?

— А деспотизм бывает просвещенным?

— Увидим, — ответил я. — Все на своей дубленой шкуре... а что-то и на вашей. Правда, у вас, думаю, не такая мохнатая...

Она кивнула герольду, тот прокричал перед распахнутой в большой зал дверью:

— Их высочества Ричард Завоеватель и принцесса Аскланделла!

В зале многолюдно, но никого лишнего, Альбрехт и Норберт тщательно проинструктировали, кого пропускать, а кого вежливо послать как можно более изысканнее, чтобы звучало комплиментом.

Мы прошли через весь зал, справа и слева кланяются, задние приподнимаются на цыпочки, чтобы рассмотреть такую пару, блин, здесь все больше воспринимают нас именно как пару, им хоть кол на дурных головах теши, хоть орехи коли...

На помосте я замедленно опустил на сиденье трона, постарался выглядеть еще значительнее, чем до отбытия в Храм Истины. Сейчас все ожидают от меня чего-то особого, а так как я там ничего не получил, кроме смутных обещаний, то нужно просто держать морду ящиком, а во взгляд подпустить загадочности.

Лордов предстоит принимать как своих, так и чужих, но это они еще по незнанию считают себя чужими, в моих планах они тоже мои. Ведь те ударные части, что вломились в Сакрант и захватили Генгаузгуз, тоже недавно не были моими, а сейчас даже им такое не верится.

Король Леопольд ведет себя корректно. Отстояв свои права, он старается ни в чем не ущемить мои. Думаю, это он побудил своих лордов явиться ко мне и выразить свое уважение, почтение и благодарность.

Мои лорды, что находятся на службе при дворце, выстроились вдоль стен, весело переговариваются, наблюдают с любопытством, все хорошо, а после приема торжественный пир. А это почти так же весело и празднично, как кровавая рубка на поле битвы, когда мечи и топоры гремят по щитам и доспехам, а после особенно удачного удара противник валится с

залитой кровью головой на конскую гриву или сразу падает с седла...

Герольд провозгласил зычно:

— Его светлость герцог Клемент!

Коротко прозвучали и тут же умолкли фанфары. Клемент вошел в зал огромный и еще более массивный в парадной одежде герцога, где, куда ни глянь, золотые цепи, звезды, бляхи и украшения.

Со сдержанной улыбкой на суровом лице он прошел через зал к трону, я произнес доброжелательным голосом «Ваша светлость» и протянул руку.

Он преклонил колено, смиренно поцеловал перстни на моих пальцах и, подняв голову, сказал тем же почтительно-дружеским голосом:

— Надеюсь, ваше высочество примет дар своего покорного вассала в честь вашего благополучного возвращения?

Я перевел взгляд на его помощника, тот торопливо откинул крышку ларца. Я улыбнулся, Клемент себе верен: на красном бархате покоится в дорогих ножнах прекрасный кинжал с затейливо изготовленной рукоятью, украшенной множеством мелких рубинов.

— Мы весьма благодарны вашей светлости, — ответил я церемонно. — Ваш дар бесценен.

Аскланделла тоже улыбнулась, чуть-чуть, но зато всем лицом, даже в обычно холодном взгляде появилось тепло.

Клемент отступил, крайне почтительный, тоже усвоил правила поведения на публике, мало ли что, в своем узком кругу мы без церемоний. Под аркой распахнутой двери появился герцог Сулливан, почти такой же гигант, как и Клемент, а я тут же с неловкостью и некоторой злостью вспомнил, что поединок я ему проиграл позорно, он сильнее меня, как боец...

Сулливан, словно чувствуя мое двойственное отношение, держался еще почтительнее, чем его друг Клемент, поцеловал перстни неуклюже, но искренне, вижу, поднялся, и по его знаку мне поднесли великолепно украшенный драгоценными камнями гигантский рог, в такой трубили, наверное, при штурме Иерихона.

— Тронут, — сказал я, — весьма... Герцог, этому рогу нет цены!

Он ответил с почтительным поклоном:

— Ваше высочество, вы вдохнули в мое существование вторую жизнь, так что этот рог ничтожная цена в сравнении с тем, что я получил от вас!

Я милостиво улыбнулся, он отступил в сторону, а к трону уже идет мягкой походкой в мягких сапогах и с мягкой улыбкой герцог Мидль, хотя, как подданный королевства Шателлен, он не должен бы приносить мне присягу, но то ли просто потому, что это больше праздничная игра, то ли потому, что в походе мы все подданные полевого вождя, но тоже преклонил колено и произнес мягким голосом необходимые слова верности и покорности.

— Спасибо, герцог, — ответил я, — вашей присягой шателленца я особенно тронут. Придет время, и все человечество ощутит себя одной семьей и одним народом!

Мидль поклонился и отступил, а за моей спиной Альбрехт шепнул:

— Господи, спаси и сохрани... Он замахнулся уже на все человечество...

Я зашипел, но ответить не успел даже шепотом, от двери уже идет, счастливо улыбаясь, Палант, один из самых старых соратников, хотя едва ли не моложе здесь всех.

Он произнес подтверждающую клятву вассала, поцеловал перстень, символизирующий высшую власть, и вскочил, сияющий и радостный.

— Палант, — сказал я дружески, — рад тебя видеть и надеюсь не просмотреть и на пиру.

Аскланделла и ему улыбнулась по-матерински мягко, хотя сама еще моложе, но дочь императора, как известно, никогда не бывает ни слишком молодой, ни слишком старой.

Последними принесли клятву верности граф Андреас Райсборн, один из молодых и амбициозных героев, а также, что действительно важно, Зигмунд Лихтенштейн с братьями, что сумели пройти остаток пути уже по глубокому снегу и явились в Генгаузгуз, как снег на голову, вместе со своим отрядом в тысячу отборных воинов, закаленных в постоянных войнах с Гиллебердом за независимость своих земель.

Герольд, однако, не считал, что Андреас и Зигмунд последние, приосанился и провозгласил зычно:
— Граф Виллебуа-де-Марейль!

В распахнутые двери быстро вошел и проследовал к трону крепкий плотно сбитый рыцарь, немолодой, но полный силы и с дерзкими глазами человека, что таким и останется до конца жизни.

Он церемонно преклонил колено, я сказал громко:

— Граф, вы собрали всю свою дружину в сорок рыцарей и две тысячи хорошо вооруженных тяжелых всадников и добровольно выступили в поход, дабы остановить полчища Мунтвига. Вы прошли с боями три королевства и закончили поход в самом логове разгромленного врага!.. Честь вам и слава, как и всем тем, что пошли за вами из далекой Бриттии!.. Жалую вас титулом фрейграфа и землями в Эбберте, где вам будет принадлежать замок в Юканглярде с прилегающими к нему землями, селами, лесами и пастбищами!

Граф Виллебуа-де-Марейль в изумлении раскрыл рот, не ожидал, хотя и был приглашен заранее, но ему и другим бриттам лишь сказали таинственно, что принц Ричард их примет и что-то скажет.

Я сделал небрежное движение пальцами, он поднялся, произнес прочувственно:

— Ваше высочество!.. Государь!.. Мы не ради награды и добычи пошли за вами! А токмо ради справедливости...

— Потому и ценю вас так, — ответил я и взглянул на Альбрехта. Тот протянул графу, а теперь фрейграфу, свиток с королевским указом, где все пожалования запротоколированы и скреплены поверх моей подписи еще личной печатью, и тут же, развернувшись лицом к залу, сказал громко и торжественно:

— Барон Аскланд!..

Из рядов моих лордов выступил поджарый рыцарь, подошел к помосту и преклонил колено.

— Барон Аскланд, — сказал я, — вы привели с собой пятьдесят рыцарей, тысячу конников и двести лучников, взяв все расходы по их содержанию на себя. Ваше благородство было замечено как моими лордами, так и мною.

Альбрехт шагнул вперед и, развернув свиток, прочел громко:

— Барону Аскланду жалуются титул графа, а также обширные земли в бывшем королевстве Эбберт, включая замок Стоуншир, города Бедер и Удвуд, а также сорок сел и деревень, перечень которых в этой бумаге, скрепленной печатью принца Ричарда.

Я сказал милостиво:

— Встаньте, граф, и возрадуйтесь!.. Отечество не забывает своих героев.

Он подхватился, а вице-канцлер, ускоряя процедуру, провозгласил уже менее торжественно:

— Баронет Каундифепбирф! Вы привели с собой семьдесят рыцарей своего отца и полторы тысячи конников... За проявленные подвиги в бою и мужество его высочество принц Ричард жалует вас титулом барона, имением в землях Эбберта, обширным наделом, где есть лес, два озера и обширные заливные луга, с крупным городом и двумя десятками деревень...

Мои лорды расступались, выдавливая в первые ряды бриттцев, там есть еще бароны, виконты и даже графы, пусть у них дружины не такие многочисленные, но все пришли по своей воле, а это значит, что на их жест благородства нужно ответить благородством сюзерена, то есть щедростью...

Альбрехт зачитывал указы, я видел в глазах моих лордов понимание, что земли королевства Эбберт нельзя оставлять в прежних руках, раз уж местные лорды обвинены в столь тяжких грехах. А раз так, то те обширные земли по большей части должны перейти в руки активных участников похода, наиболее преданную мне часть из примкнувших лордов.

Альбрехт спросил тихонько:

— А почему именно бриттцы?

— А догадайтесь с трех раз.

— Отсюда поперете в Бриттию?

— Ну вот, и спрашивать было не нужно. Или становитесь неуверенным, граф?

Он буркнул:

— С вами станешь. Значит, чтоб с хорошими новостями?

— Именно, — подтвердил я. — Потом, граф, потом. Нужно еще принять и обласкать пекландцев. Их горстка, но этого достаточно, чтобы утверждать гордо насчет того, что с нами весь мир!

Я заулыбался, приветствуя очередного лорда, что с горсткой рыцарей присоединился к моей армии, ког-

да мы шли через Ирам. Не знаю, что его побудило, но выиграть выиграл так, как явно не ожидал: баронство и крупный надел земли в Эбберте, было однажды такое королевство, не к ночи будь помянуто, а сейчас лишь географическое понятие...

Альбрехт уловил момент, спросил:

— Как вижу, ирамцев тоже?

— А как же, — ответил я. — Мы создаем интернационал королей. К тому же география... К примеру, Бриттия — северный сосед Варт Генца. Она должна быть мне добрым соседом, потому что я, как вы знаете, еще и Варт Генц, вот такая у меня широкая... да не морда, натура! А еще лучше — нужно чем-то привязать всех к моему королевству. С юга у Бриттии Варт Генц, с севера — Зорр...

Глава 14

Альбрехт не успел спросить ничего больше, лорды пошли один за другим, всем я говорил ласковые слова, а также хоть малость отличившимся жаловал земельные угодья в Эбберте, мне везде нужны преданные лично мне люди, а Эбберт самое уязвимое место.

Все идет по накатанной, я уже принимал лордов десятки, если не сотни раз, сейчас говорю те же фразы, что говорил, меняется только аудитория. И все как бы свежо, а в черепе сталкиваются тяжелые, как валуны, мысли, высекают искры, от которых в глазах больно, а над всеми довлеет одна мрачная идея, от которой не избавиться, ибо выглядит единственно верной: узнаю или не узнаю, где приземлится Маркус, это не отменяет того, что нужна армия для жестокой и кровавой битвы. Чему бы я тут или в Храме ни научился, с Маркусом не справиться в одиночку.

В одиночку не всегда удастся совладать с вполне земными силачами, вон даже Сулливан меня побил, а уж про Маркуса и мечтать не стоит. Итак, нужна армия. А для этого потребуется в самом деле твердо сесть на трон, а не так, как в Гиксии, где я вроде бы правлю королевством, пока подрастает принц-наследник, а на самом деле там каждый сам по себе, полное самоуправление в городах, весях и отдельных землях.

С чего начать?.. Гиксия, где я принц-регент и высшая власть в королевстве, как раз отпадает в первую очередь. Меня избрали регентом потому, что грозное имя завоевателя будет отпугивать всех мятежников и переворотчиков, а сам я на трон не сяду, якобы пьян от крови и захватов новых земель.

Сейчас моя ударная армия в Сакранте, том самом королевстве, которое считалось опорой Мунтвига, но где сейчас Мунтвиг — никому не известно. Вообще с Мунтвигом неясного очень много... Король Леопольд Кронекер вернулся в Генгаузгуз и держится тише мыши. Кстати, когда мы еще тащили повозку с костями Тертуллиана, как я считал, в Сакранте вроде бы королем был некий Алексис, хотя какое мне дело, как Леопольд Кронекер занял трон?

Аскланделла права, но она всего лишь высказала то, что у меня самого созревает и вот-вот вылупится. Просто она уже родилась дочерью императора, ей такие вещи понятнее, а мне нужно доходить своим умом, в том числе и головным.

— Да, — ответил я лорду Винтерли, — вы привели триста человек в нашу армию и сражались доблестно, не посрамив честь Ирама, а подняв его знамя выше и еще выше...

Альбрехт по моему знаку развернул свиток и прочел перечень земель и угодий, которые пожалованы

принцем Ричардом Завоевателем лорду Винтерли с одновременным присвоением титула барона.

Я смотрел с застывшей улыбкой благосклонности на счастливое лицо новоиспеченного барона, этот тоже мой, пойдет теперь в огонь и воду за своего сюзерена... в смысле за меня, я теперь ближе и роднее, чем король Ирама добрейший Иоганн-Георг Гехинген, старательно поддерживающий в королевстве репутацию жестокого тирана.

Я сделал знак герольду, тот вышел вперед и прокричал:

— Прием продолжит доверенное лицо принца Ричарда герцог Мидль!

Я поднялся, протянул руку Аскланделле. Она встала медленно, царственно, легонько коснулась кончиками пальцев моей руки, между нами все еще дистанция... кстати, что-то я и сам не тороплюсь ее сокращать, хотя иногда так и подмывает, но это же инстинкт, привычка, как бы обязанность мужчины, иначе мы недостойны высокого звания самца.

Аскланделла, опираясь пальчиками на мою руку, сошла вниз, мы развернулись в сторону двери, я успел увидеть ее трех фрейлин и хитренькую мордочку Джоанны.

Джоанна смотрит весело и намекаяюще. Ну еще бы, у нее полное и абсолютное преимущество над дочерью императора, как она полагает: я общался за ужином с Аскланделлой, после чего шел в спальню Джоанны, а утром та наверняка рассказывала, где провел ночь принц Ричард и что он там проделывал.

Все верно, я это проделывал, чтобы Аскланделла видела, я на нее не претендую, ухаживать не пытаюсь и к ее отцу не пошлю делегацию с просьбой о руке его дочери.

Но Джоанна зря полагает, что я без ума от ее прелестей, хотя да, она просто великолепна как в постели, так и вне ее, когда весело щебечет, чешет тебе все места, которые велишь, рассказывает веселые истории и беззаботно подает в постель хоть пирожные, хоть карты или перо с чернильницей.

Альбрехт за нашими спинами развернулся и громко заявил собравшимся, что принцу нужно малость отдохнуть и перевести дух.

Аскланделла повела в мою сторону очами.

— Герцог Мидль?

— Альбрехт мне сейчас нужен, — объяснил я.

Остановившись, я церемонно поцеловал кончики ее пальцев, и она поплыла дальше по коридору, сопровождаемая фрейлинами. Джоанна оглянулась, улыбка хитренькая и многообещающая.

Я тоже улыбнулся, вежливый гад, когда-нибудь мне всыпят за эту вежливость, и повернулся к Альбрехту.

Он сказал вроде бы искренне:

— Ваше высочество, спасибо!

— А Мидля не жалко? — спросил я.

Он покачал головой.

— Ничуть. Он такой серьезный! Он все сделает хорошо и правильно.

Я перешагнул порог, Альбрехт вошел следом и плотно закрыл за собой дверь.

— Похоже, — сказал он тревожно, — начинается новый виток... чего-то великого и страшноватого. Не так ли, ваше высочество?

— Садитесь, граф, — пригласил я, — а то шас упадете.

— Да у меня уже ноги дрожат.

— Новость, — сказал я, — в самом деле великая и страшноватая... а заключается в том, что никак-

го нового витка. Новый бы можно и отменить, а вот старый продолжать просто необходимо, хоть и очень неприятно...

Он сел, основательно устроившись и подвигав задом, для его крепкого сухошавого тела кресло достаточно просторно, взглянул на меня очень внимательно.

— Ваше высочество?

— Граф, — сказал я. — Мне вот впервые... или скажем так, я впервые восхотел сосредоточить в своих руках власть. Большую. Огромную. Потому что беда близко. И не какой-то там Мунтвиг, а Багровая Звезда, что этим летом уничтожит все на поверхности Земли. Мне нужна огромная власть, чтобы попытаться дать бой!

Он кивнул, сказал без эмоций жутко трезвым голосом:

— В том бою мы все погибнем, но я все равно не стал бы искать спасения в пещерах. Это недостойно рыцаря... Итак, вы планируете Варт Генц сделать своей базой?.. Как Мунтвиг сделал Сакрант?

Я поморщился.

— Хотелось бы сделать лучше, чем у Мунтвига. К тому же у него была просто примитивная жажда власти и завоеваний, а я ставлю перед собой и другими, будете смеяться, действительно великую цель...

— Дать сдачи Маркусу?..— переспросил он. — Эта цель ко всему еще и благородная. Как только объявите о ней, рыцарство всех королевств будет вашим!

— Хотелось бы, — сказал я мрачно. — Даже не представляю, какие понадобятся ресурсы. Может быть, даже всего рыцарства не хватит.

— Тогда что?

— Все колдуны, — сказал я, — все волшебники, маги, чародеи и ведьмаки... а также тролли, огры, эльфы, гномы, краблики...

— Кто такие краблики?

Я отмахнулся.

— Откуда я знаю? Это так... обозначение неизвестной сущности. Но пока нужно быстро делать то, что известно и понятно, как делать. Сперва подавить гражданскую войну в Варт Генце... и в Скарляндии. Без крови.

— Ого, — сказал он, — хотя да, если на границе появятся армии Пекланда, Ирама и Бриттии... а во главе сам Ричард Завоеватель, вернувшийся из самого ада...

— А также армия Меганвэйла, — напомнил я. — Полчища Мунтвига перестали переть, так что он вполне может всей мощью двинуться на восстановление порядка.

Он остро взглянул на меня.

— Простите, сэр Ричард, но мне кажется, вы всячески избегаете тему Зорра. Разве у вас с этим королевством какие-то трения? Или просто ни дружеских, ни враждебных?

Я поморщился, ответил медленно и подбирая слова:

— Вы попали в точку... Все примерно так...

— И в то же время считаете Зорр дружественным?

Я кивнул.

— Да. Очень. С Зорром у меня особые отношения. Я туда попал еще... оруженосцем. Там стал рыцарем. Я общался с королем, королевой, их дочерью принцессой Азаминдой, ее дядей Беольдром... Удивляться нечему, королевство крохотное, но оказалось крепким орешком для победно наступающего императора Карла. На Зорре он и обломал зубы... А я, от-

правившись по заданию инквизиции по важному для них делу, неожиданно для себя оказался вовлечен в нескончаемую цепь приключений, когда меня били, я бил, обрастал титулами, землями, и в конце концов сейчас вот принц, под рукой которого несметная армия...

Он добавил понимающе:

— И вот-вот возложите на свое чело королевскую корону. И теперь вам неловко?

— Да, — ответил я с благодарностью. — Вы хорошо разбираетесь в людях, дорогой граф. Потому сразу и примкнули ко мне, такому замечательному, верно? Мне почему-то неловко явиться в блеске к тем людям, которых безмерно уважаю...

Я запнулся, он взглянул остро и спросил:

— А что насчет принцессы?

— Принцесса Азаминда, — ответил я, — первая принцесса, которую я увидел! И сразу же отдал ей сердце. Как и принято в рыцарстве, чисто, верно и платонически. Я безумно страшусь разрушить как-то по-глупому это божественное очарование, а я еще как могу...

— Когда явитесь, — продолжил он, — и увидите, что это скромное захолустье?

— Примерно так, — согласился я тяжело. — Все мы нуждаемся в чем-то высоком и светлом, что выше нас... для меня это Азаминда как идеал чистоты и невинности, король Шарлегайл — идеал благородства, его жена, безумно красивая и молодая Шартреза — идеал верности, Беольдр — идеал верного вассала, которого не раз подбивали занять трон престарелого брата... Потому я трусливо избегаю Зорра! Даже не потому что... а больше потому, что им тоже, наверное, неловко увидеть меня в облике принца, готовящегося стать королем.

Он слегка искривил губы.

— Вы слишком чувствительны, мой принц... что почти король.

— Смотря для кого, — огрызнулся я. — С вами, дорогой Альбрехт, я толстокожее ста тысяч бегемотов! С вами иначе нельзя. Азаминда — это другое!.. У меня душа сразу обесшкуривается и как бы вся в трепетную бабочку в лунном свете...

— Это толстые такие, — спросил он деловито, — мохнатые?

Я ошетинился.

— Почему мохнатые?

— Ночные, — объяснил он обстоятельно, — все толстые и мохнатые...

— Сами вы мохнатый, — сказал я угрюмо. — Вообще мы все обмахнатели в походе. Война всех мохнатит, рогатит и зубатит. А взад трудно, на войне понимаешь, что жить можно, оказывается, проще, чем когда жил трудом праведным. Давайте карту, нужно распределить, кому куда, как только сойдут снега и подсохнут дороги.

Он вытащил из чехла на стене самую большую карту, я помог расстелить и придержал края со своей стороны.

— Ее высочество Аскланделла, — сказал он медленно, — как-то обронила, что если сразу из Генгаузгуза подняться на Ракушечное Плато... не смейтесь, ваше высочество, но все говорят, что там несметное количество морских ракушек! Словно, в это поверить трудно, те места были морским дном.

Я процедил сквозь зубы:

— Почему нет? Багровая Звезда... Это случилось в предыдущий раз.

Он повел пальцем по карте.

— Если подняться вот здесь, дальше по верхогорью сотни миль каменистой дороги в сторону юга. Вполне утоптанной, там никогда не бывает половодий.

Я поморщился.

— Снова Аскланделла... Сведения надежные?

— Да, — ответил он. — По крайней мере, она пока что все говорила точно. Дорога не такая уж и высокая, но там в самом деле снег даже в самые снежные зимы не задерживается, сдувается вниз в долину. Если туда подняться, то по сравнительно сухой дороге, главное — твердой, можно двигаться почти месяц, а за это время и внизу в долинах все подсохнет.

Я сказал с надеждой:

— Если все так, часть армий можно сразу отправить на юг.

— По прямой?

— Часть прямо, — ответил я, — часть на юго-восток. На меня не смотрите, я снова помчусь вперед и буду вилюжить, я же такой, непредсказуемый, что так пагубно и потому так важно для политика. Нужно заскочить по дороге в Бриттию. А там и в Гиксию. Все-таки принц-регент...

Он посмотрел настороженно.

— Сэр Ричард?

— Ах да, — сказал я, — дорогой Альбрехт, вы будете смеяться, но третья ваша дочь... тьфу, что это я, будете смеяться, но я еще и принц-регент!

Он заулыбался, потер ладони.

— Это уже что-то! То просто принцы, хотя один другого выше по титулам, а принц-регент... это уже власть! Хотя... Гиксия?.. Разве там на троне не лорд Теоденль?

Я поморщился.

— У вас из-за удаленности Сакранта весьма устаревшие сведения. После того как король Фреадор,

чересчур обожавший охоту, погиб, власть захватил и объявил себя королем некий северный землевладелец, как говорят — не самый крупный, этот самый лорд Теоденль. Уцелевшие два принца, Дрогон и Винхельм, прибегали ко мне и просили помощи, но я, как вы знаете, отказал. Может быть, даже по вашему совету? Ладно, не опускайте глазки. В Гиксии тут же вспыхнула война между теми, кто поддерживал Теоденля, и теми, кто против. Оба принца погибли, как и Теоденль, а власть захватил лорд Стокбридж, объявил себя королем, но и он процарствовал недолго... В общем, гражданская война разгоралась все жарче, и тогда лорды, которым никак не удавалось сговориться, кого же на трон, решили, как часто делается, пойти на компромиссный вариант...

Он сказал живо:

— Понятно. А саму корону не предложили?

Я усмехнулся.

— Нет, всего лишь должность принца-регента. А королем будет малолетний сын Стокбриджа Теодорих, сейчас ему семь или восемь лет.

— Все равно это власть, — сказал он авторитетно. — Как воспользуетесь? Ухватите заagreбущими корону?

— Не знаю, — признался я. — Но корону у них хватать не буду точно. Это получается, что воспользуюсь их доверием. Я хоть и политик, но не настолько же демократ?

— А как тогда?

— Корону ухвачу этой же весной, — сказал я твердо. — Другую.

— Ваше высочество?

— У других, — пояснил я.

Он все еще смотрел непонимающе, но на лице проступала дикая радость, чистая и ничем не замутненная.

— Ричард, — выдохнул он, едва ли не впервые пользуясь правом называть меня по имени, — наконец-то... Сколько я ждал... Сколько все мы ждали!

— Надо, Альбрехт, — ответил я со вздохом, — надо. Ухвачу, надену на голову и топну. Ногой. А потом велю. У меня столько накопилось для повелевания!

— Боюсь и представить.

— То-то, — сказал я. — Ладно, идите, граф, вице-канцлерствуйте, а я пока проложу остальные маршруты. Войск у нас многовато для одного Сакранта...

Он поднялся.

— Я тоже так думаю, ваше высочество. Пора думать, как стать властелином мира.

— Идите вы туда, — вырвалось у меня, — со своими шуточками, куда я послал принцессу!

Он радостно охнул.

— Правда? Поздравляю, ваше высочество! Совет да любовь...

— Идите, — сказал я, — пока я вас не убил.

Он сказал от двери:

— Не засиживайтесь, ваше высочество.

— Как получится, — буркнул я.

Часть вторая

Глава 1

Выпроводив вице-канцлера, хотя какой он вице-канцлер, когда король Леопольд вернулся и сел на трон, я обошел стол, на стене над ним зажег еще пару свечей. Люблю, когда горят все свечи. На меня интимный полусвет, когда на столе жалко тлеет одна дохлая свечечка, навевает только сон, а когда свет яркий, кровь бежит быстрее по всему телу, иногда попадает даже в голову, и в этих случаях я мыслю весьма интенсивно и борзо.

В дверь легонько стукнули, я рыкнул, не поднимая головы, уверенный, что снова Альбрехт с каким-то вопросом, однако в комнате прошестели легкие шаги.

Я торопливо вскинул голову. Джоанна, поглядывая смущенно и вместе с тем хитренько, уже идет к столу, а рядом шагает Бобик, настойчиво подставляя под ее пальцы голову.

— Ваше высочество, — проговорила она сладеньким голоском, — вы что же, собираетесь работать всю ночь?

Я пробормотал ошалело:

— Ну... как бы...

— Вы должны, — сказала она уже тверже, но все еще шепечуще, — заботиться не только о

своих людях, но и о себе! Или дайте позаботиться о вас другим...

Бобик тоже посмотрел на меня требовательно, мол, да, пусть она о нас позаботится, она такая старательная и чуткая, сразу понимает, где чесать и с каким нажимом.

Я поспешно встал, мы принц и принцесса, но я доминант, а она женщина, это накладает, сказал то-ропливо:

— Джоанна, вас отец не отшлепает... за такие... ну?

Она улыбнулась еще хитрее:

— Что чешу собачку?

— Да, — подтвердил я, — мы еще те собачки. Родители обычно запрещают общаться с такими собачками.

Она прошептала счастливым голоском:

— А мы все трое спим в отдельной комнате в покоях принцессы Аскланделлы!.. Чтобы всегда быть готовыми к ее услугам.

— А-а-а, — сказал я, — так мы почти соседи?

Она сказала зовущим голоском:

— Вот именно. Вы могли бы вспомнить еще в прошлую ночь.

— Ну, — возразил я резонно, — узнал о таком милom соседстве только сейчас. То-то мне всю ночь такое снилось... ух!

Она спросила живо:

— Ой, как интересно! Расскажите! С подробностями...

— Нет, — ответил я, — вам такое еще рано. Джоанна, меня дико тянет ухватить вас сейчас и потащить в постель, чтобы там проделать все, что снилось, но мне в самом деле срочно нужно разметить диспозиции и написать еще два десятка приказов и указаний. Потому я горжусь своей стальной волей, отказываясь

вот сейчас от такой сладкой возможности демократа схватить и поиметь, ибо рыцарь — это не только самец, но и мужчина!

Она растерянно хлопала глазками, милое личико выразило непонимание, наконец пролепетала:

— Сэр Ричард?...

— Вам нужно вернуться к себе, — сказал я твердо. — Сейчас я только верховный главнокомандующий объединенными войсками. Пробуду им до завтра, увы!.. Труба зовет, я должен ответить на этот чистый небесный зов.

Бобик посмотрел на меня с негодованием, а ее хорошенькая мордочка искривилась, выражение стало такое, что вот-вот заревет, но вовремя вспомнила, что мужчины не переносят женских слез, считая за прещенным приемом вроде удара в спину или ниже пояса, через силу улыбнулась и прошебетала:

— Хорошо, ваше высочество! Как скажете, ваше высочество!.. До свидания, ваше высочество...

Я галантно проводил ее до двери.

— До свидания, принцесса. Приятных снов!

Кто там ждет в коридоре, трусливо интересоваться не стал, чувствую себя хуже некуда, я же не целомудренник и не аскет, какого же хрена, что за указы-приказы, когда сейчас уходит по коридору тепленькая и мягкая, пальцы сами по себе дернулись, уже хватают и мнут сладкую плоть, да что это со мной...

Мое тело даже вернулось к двери, ладонь упала за ручку, но так и застыла, я же в самом деле не только самец, хотя тот во мне сейчас визжит, падает на спину и орет в истерике, подай ему прям сейчас и немедленно.

— А вот шиш тебе, — прошипел я. — Трудно быть человеком, но надо, хоть и непонятно, зачем.

Бобик посопел и с грохотом бухнулся на пол, выбрав место на середине кабинета. Вот именно, говорил его взгляд, зачем. Надо жить, как вот он, легко и радостно.

Что это я совсем, мелькнуло в голове рассерженное. Не лучше ли быть демократом, тем все можно, свобода и самовыражение, а я тут весь скован цепями морали, да еще и сам себе прицепляю пояс верности, идиот высокоморальный.

Шаги в коридоре затихли быстро, моя стальная воля хоть и малость расплавилась, но вернула меня к столу, но теперь никакие идеи не кажутся важными. Самую главную заповедь Творец дал еще Адаму: плодитесь и размножайтесь, а я сейчас уклоняюсь от ее выполнения. Как же так, неужели разнузданные демократы ближе к пониманию целей Создателя, чем я, паладин Господа?

Оторвав себя от двери и снова усадив за стол, я прошипел зло:

— Да пусть хоть весь мир одемократеет! Всем назло останусь мужчиной и рыцарем... И даже сам над собой не стану смеяться. Ну, по крайней мере, не сейчас вот так сразу. Потом... не знаю.

Наконец распределил, кому куда идти, а кому оставаться в Сакранте, проложил маршруты, определил время, а если с погодой будут нелады — ранняя весна или слишком поздняя, Аскланделла внесет коррективы.

Петухов здесь не слышно, однако чувствую, что лег под утро, снова не выплусь. В висках бьется пульс, слышу отчетливо шум крови, это же какие великие мысли должны бы сейчас рождаться, но почему-то думаю про всякую хрень, даже какие-то жопы поплы-

ли перед глазами... не заснуть бы в дороге, в мороз многие вот так, а просыпаются кто в раю, кто в аду.

Итак, я кронпринц Сакранта, наследник трона. Но здесь мне ловить нечего, король Леопольд еще не стар, а удавливать его не стану, это вроде бы нехорошо. Но главное то, что в Гиксии у меня еще больше власти, там я вообще принц-регент, как бы правлю королевством... хоть и не правлю, однако же могу править!

Нет, не стану туда влезать и выказывать свои права. Даже не запущу лапу в королевскую казну, ее пока еще не стали называть государственной, потому это не преступление, а как бы добыча... нет, мне ее доверили на добровольной основе, а за доверие нужно платить доверием, иначе сам себя уважать не буду, а это вообще, говорят, плохо, хотя демократы бы не поняли моих терзаний. Да я и сам себя иногда плохо понимаю, амбивалентника хренова.

Что еще... ах да, мне принадлежат еще две трети Турнедо, я же граф Армландии, а в той я вообще после моих громких побед почти герой из древних легенд.

Ламбертиния тоже моя, хотя сперва придется об этом кому-то напомнить быстро и жестко, только надо подумать, как это сделать. К Барбароссе настолько теплое чувство, что даже не знаю, как реагировать на его действия.

Ну не утерпел, не утерпел, сколько лет готовился прыгнуть на это маячащее перед глазами герцогство, но явился я и опередил!.. Какое разочарование... И уже совсем было смирился, но тут нашествие неслетной армии Мунтвига, я ринулся защищать свои северные земли, но что может сделать мальчишка против опытного полководца, что уже двадцать лет водит армии?

И когда от меня никаких вестей, то Барбаросса не выдержал... То ли сам, то ли поддался уговорам своих

лордов, но важно ли это? Они вторглись в земли, что под моей защитой, вытеснили с боями мои войска, тем пришлось отступить в Вендовер, увозя и эльфийку, и теперь я просто обязан реагировать на оскорбление...

Не отомщу, как они это понимают, — потеряю всякий авторитет и уважение. А здесь с уважением теряют и власть.

Я только-только смежил веки, как Бобик, исполняя обязанности петуха, громко и сладко зевнув, подошел к кровати и встал на меня передними лапами, придавив, как бревнами.

— Чего? — спросил я спросонья.

Он повернул голову к двери. Я вслушался, в самом деле кто-то переступает с ноги на ногу. У Бобика такой слух всегда, а у меня, когда сильно сосредоточусь.

— Вот сам и принимай, — буркнул я.

Он опустился на все четыре, подумал и пошел к двери. Я сбросил одеяло, сел, зевая и потягиваясь, а в дверь деликатно стукнули.

— Зигфрид, — крикнул я. — Почему ты его не зарубил на месте?

Дверь приоткрылась, Зигфрид просунул голову, ехидно заулыбался, видя меня сонного и всклокоченного.

— Колебался, — объяснил он. — Вдруг не совсем одобрите...

Я махнул рукой.

— Впусти. Это Альбрехт, он с утра безобидный.

Он сказал удивленно:

— Верно. Мне бы так видеть сквозь двери!

— Бесстыдник, — сказал я.

Альбрехт вошел свеженький, одет с иголочки, щеголеват, но это у него всегда, на лице жадное нетерпение.

— Ну как маршруты?.. Доброе утро, ваше высочество.

— Не трусьте, граф, — сказал я. — Вы отправитесь с первым же отрядом. На то Плато Лягушек...

— Ракушек, ваше высочество.

— Сюзерену нельзя указывать такое, — сказал я, — пусть Ракушек, какая разница? Может быть, лягушки той эпохи носили на спине ракушки?.. Или на животе, чтобы не царапать пузо? Лягушки, как и люди, тоже разные бывают.

— Простите, ваше высочество, — сказал он смиренно, — я так-то не подумал, что раньше могли жить другие лягушки.

— Потом, — сказал я, — попрете без остановок дальше на юг. Там я вас встречу. А карту забирайте прям сейчас. У кого головы дырявые, пусть сделают себе по копии, а то заблудятся.

В комнате для завтрака свечи по моему приказу зажжены все, здесь уже помнят мои странные вкусы, слуги и управитель по завтраку неподвижно застыли у стен.

Слуга распахнул двери и провозгласил в пространство:

— Ее Высочество принцесса Аскланделла!

На пороге появилась императорская дочь, полная спеси и высокомерия, все та же мощная башня волос, умело перевитая лентами, бледное и нежное лицо, на котором особенно грозно смотрятся не по-женски густые черные брови, пусть и красиво изогнутые, как древки натянутых луков, а приковывающие внимание глаза стали как будто еще светлее, в них нет голубизны, во всяком случае, не больше, чем в льдинах на вершинах самых высоких гор.

Однако, как мне почудилось, в ее обычно бесстрастном и холодном взгляде промелькнуло нечто

теплое, во всяком случае, я ощутил, как оно вошло в меня и разлилось по груди.

За нею вошли все три фрейлины, Джоанна тайком улыбнулась мне, однако Аскланделла отослала их небрежно-властным движением пальцев.

Я вскочил и, опережая слугу, отодвинул ее кресло и выждал, когда ее высочество принцесса и дочь императора Вильгельма изволят подойти к столу.

Поблагодарив меня таким же кивком, как поблагодарила бы и слугу, она села и выжидающе посмотрела большими внимательными глазами.

Я быстро пробормотал молитву, ограничившись только первым куплетом, и она с видом удовлетворенной добродетели взялась за нож и ложку.

По ее лицу не прочесть, рассказала ли Джоанна, как провела ночь, но, уверен, рассказала. А если и попыталась приврать, то Аскланделле не соврешь, я вообще-то не уверен, смогу ли успешно соврать я сам, а это уже уровень просто зашкаливающий.

Возможно, она и привела с собой фрейлин лишь для того, чтобы показать лишний раз, что фрейлины — это ее служанки, у них нет от нее тайн.

У меня мелькнула мысль, что сама Аскланделла могла и послать Джоанну ко мне в постель, только с какой целью, вариантов настолько много, что, если все буду перебирать, останусь голодным.

На этот раз не создавал в ее тарелке никаких лакомств, эта ночь и разозлила, сейчас кажется почему-то, что моя воздержанность именно от того, что это Аскланделла и послала Джоанну в мою постель. Это как-то обидно даже, снова она на облаке, а я копаюсь в навозе, да еще и вот так на виду, это вообще ни в какие ворота.

Она несколько раз поднимала на меня взгляд, я держу морду, как тот утес среди волн, что диким мо-

хом оброс, но, чувствую, все же понимает что-то или улавливает, а кому это понравится.

— Ваше высочество, — произнесла она тихо, — чувствую по вашему задумчивому сопению, что вы уже седлаете коня.

— Ваше высочество, — ответил я, — вы потрясающе правы, что меня, честно говоря, убивает.

— Правда?

— Нет, — уточнил я, — больше пугает! Сперва пугает, потом убивает. Наповал. Как это у вас получается?

— Женская интуиция, — ответила она. — Хотя нужна ли какая-то интуиция, чтобы понять по вашему лицу и сопению, о чем думаете?

— То есть, — сказал я, — ваша интуиция всего лишь наше мужское простодушие?

— И не только простодушие, — ответила она и посоветовала: — Кушайте, ваше высочество. А то нас очень уж внимательно рассматривают, а вы этого не любите.

Глава 2

Я быстро зыркнул по сторонам. Кроме слуг в комнате уже выстроились вдоль стены Альбрехт, Клемент, Мидль, Сулливан и еще около десятка лордов, ибо присутствие при завтраке сюзерена считается великой честью.

Мерзавцы, сразу отвели взгляды. По розам вижу, все еще надеются, что у их лорда что-то наладится с дочерью императора.

Да я лучше с айсбергом...

— А вы пейте, — посоветовал я. — А то, знаете ли... Тоже смотрят!

— Вот видите, — сказала она наставительно. — А что вы такое пьете?

— Тоже вино, — ответил я. — Хотите?

— Хочу, — ответила она просто.

Я создал пару фужеров с гранатовым соком и виноградным, у обоих настолько насыщенные цвета, словно и вправду вино.

Аскланделла отпила из одного, из второго, взглянула на меня с вопросом в прекрасных глазах на абсолютно безмятежном лице.

— Да, прекрасное вино, — произнесла она. — Не туманит голову, верно?

— Мне нужна ясная голова, — ответил я. — С вами же общаюсь!

— Спасибо за комплимент, ваше высочество.

— Это не комплимент, — пояснил я.

— А что?

— Трусливое признание, — ответил я чистую правду, но заулыбался во весь рот, дескать, пошутил, ну как умею, солдатский юмор. — Если после завтрака вы не отправитесь сразу же рассматривать свои бриллианты...

Она посмотрела с недоумением.

— Бриллианты? Зачем?

— А вдруг стали мелкими? — спросил я. — Это же беда... Как жить с мелкими бриллиантами?

Она прервала:

— Нет, я не отправлюсь после завтрака смотреть бриллианты. Что дальше?

— Ваше высочество, — сказал я, — только не бейте. Я хотел пригласить вас к себе. Нет-нет, именно в кабинет, честное слово!.. Карты я уже роздал военачальникам, а с вами хотел осторожненько так это пообщаться на тему вашего видения мира... и, конечно, развеять, сильно ли будете вставлять мне палки в колеса.

Она посмотрела холодно.

— С чего вы решили, что буду вставлять вам эти палки?

— Все вставляют, — признался я. — Почему вы должны быть исключением? С другой стороны... а почему нет? Вдруг да? Почему вот я и. Под каким углом вы смотрите?

— Под прямым, — ответила она. — Если есть такой угол. Итак?

Я поднялся, церемонно предложил ей руку, не забыв поклониться и пришаркнуть с пристуком ногой.

— Ваше высочество?

— Принц, — ответила она безукоризненно ровно, словно скользит на льду идеально гладкого горного озера, а я, как дурак, тащусь туда за нею, хотя лед уже начинает трещать под ногами. — Да, принц.

Я провел ее церемонно по коридорам и пропустил впереди себя в кабинет, сам открыв перед нею двери. Внезапно ощутил странное удовольствие, что мы вот так, все у нас церемонно и отстраненно, когда приходится прислушиваться к каждому своему слову.

Это не Джоанна, Аскланделла сразу заметит любую глупость. И хоть не начнет тут же тыкать ею в глаза, но почему-то свои промахи задевают так еще сильнее, может подумать не то, что хотел брякнуть я.

— Не пугайтесь, — произнес я стандартную фразу, — у меня здесь не убрано...

Она вскинула брови.

— Что-то случилось?

Я ответил смущенно:

— Да нет, это я так... Обычно говорят такое, когда...

— Когда слуги разленились? — переспросила она. — Тогда просто смените на более работающих.

Я провел ее к столу и усадил в кресло, сперва отодвинув, а потом придвинул ей под зад и остался до-

волен, что получилось, как у старого вышколенного лакея.

Она опустила в кресло все такая же прямая, с расправленными плечами и тонкая в поясе, и не думает расслабиться, откинуться на спинку, не говоря уже о том, чтобы закинуть ногу на подлокотник, как я вдруг представил.

— Завтрак был хорош, — сказал я, — но десерт нам не помешает...

Она промолчала, вино и десерт подают в таких случаях не потому, что гости вот-вот умрут от голода, есть определенные правила придворного этикета и проведения переговоров, как с враждебно настроенными лордами, нейтрально или дружески, а также множество нюансов и нюансиков, позволяющих заранее определить линию поведения.

Фужеры в пламени свеч заблестали дивными радужными огнями, а вино начало подниматься со дна торжественно и празднично. Горка нежнейших пирожных росла до тех пор, пока Аскланделла не перевела на меня чуточку удивленный взгляд.

— Простите, — сказал я, спохватившись. — Так хотелось сделать вам приятное, что увлекся...

— Спасибо, ваше высочество, — ответила она. — Могу я поинтересоваться вашими планами?

Я придвинул фужер на ее край стола, а то вдруг не дотянется, ответил со всем радушием:

— Можете, ваше высочество.

Она взяла фужер, пальцы чуточку просвечивают, вижу нежную розовую плоть по краям, помолчала, вскинула брови выше.

— Ваше высочество?

— Принцесса? — ответил я так же любезно.

— Я спросила, — напомнила она, — могу ли поинтересоваться вашими планами?

— Можно, — повторил я и добавил с предельной любезностью: — Интересуйтесь.

Она чуть-чуть поморщилась, словно легкая тень промелькнула по ее безукоризненному лицу и тут же исчезла.

— Вы стали таким скрупулезным...

— С вами станешь, — пожаловался я и пояснил: — Простите, ваше высочество, но вы действуете, как богомол... нет, я имею в виду не паломников, а есть такое насекомое, жрет кузнечиков и всякую живность. Он всегда предельно точен и никогда не промахивается, хватая добычу! Я когда смотрю на вас, так его и вижу... Богомол очень красив, ваше высочество! Я когда-то в детстве держал одного в банке, приносил ему сперва дрозophil, а когда он подрос, уже начал жрать мух...

Она за время моих экскурсий в мир насекомых сделала два глотка, но отставила фужер и поморщилась.

— Хорошенькие подбираете сравнения.

— Простите, ваше высочество, — сказал я виновато, — я имел в виду только одну вашу особенность: безошибочность и точный расчет. Все настолько идеально, что я в вашем присутствии теряюсь и чувствую себя, как на экзамене! А это отвратительное ощущение для доминанта, мы же цари природы, как сказал Господь. Он даже ангелам велел поклониться Адаму, в том числе всем животным и женщине! А тут я теряюсь перед вашим богомольем... простите, высоким интеллектом!

Она снова поднесла край фужера к губам, показывая, что простила мою бестактность, но не отпила, произнесла ровным голосом, поглядывая на меня поверх искрящегося края:

— Итак, каковы ваши планы?

— Здесь или там?

Она ответила после паузы:

— Вообще-то больше должно интересоваться, что будет здесь... но я хотела бы узнать, что имеется в виду под загадочным «там».

Я подождал, пока сделает глоток, в таких с виду простых и незатейливых беседах важно не наломать дров, потому и нужны эти фужеры с вином и лакомства. Никто не собирается напиваться или нажираться, но это дает возможность делать паузы в нужных местах, обдумывать, делая вид, что старательно выбираешь пирожное или просто прожевываешь, прежде чем ответить.

— Тогда прежде, — ответил я, — решим, что и как здесь. Полагаю, что пока оставим все, как есть. В смысле я поеду спасать мир, а вы останетесь руководить всем этим... непонятным образованием...

Она сказала с негодованием:

— Принц!

— Простите, — сказал я с покаянием, — это типа шутка. У нас, людей, есть такое чувство, называется юмором. Иногда удается, иногда нет. Если удастся — я умница, если нет... все дураки, ничего не понимают.

Она произнесла ледяным голосом:

— Я не посягаю...

— Я имею в виду, — уточнил я поспешно, — вот так же советовать, что для них, мерзавцев, равносильно приказу. Теперь понимаю, почему королева Елизавета правила так долго и почему ее правление было названо золотым веком!..

Она отрезала хмуро:

— Я не знаю, кто такая эта королева, но руководить королевством — это то же самое, что большим хозяйством, что и так обычно лежит на женских плечах. Мужчины стремятся вдаль, открывают новые

земли, острова в океанах, новые материки, создают империи... но часто их же и ломают из желания создать что-то вообще необыкновенное!

— Согласен, — произнес я поспешно. — Вас это удивит, но я абсолютно согласен. К счастью, у Карла и Мунтвига не было рядом мудрой женщины, иначе мне пришлось бы несладко. Умница остановила бы их вовремя и развивала бы империю, вместо того чтобы пытаться расширить до немыслимых пределов... В общем, ваше высочество... Аскланделла!.. Мне нужно самым срочным образом на юг. Мы об этом уже говорили.

Она чуть наклонила голову.

— Да. Говорили.

— Так вот, — сказал я, — долго пришлось думать, но что-то у меня голова занята одной мыслью... простите, не вами, ваше высочество. Понимаю, как это оскорбительно, но в данный момент Маркус меня тревожит сильнее, хоть я его и не чешу. Потому, ничего не придумав, я решил поступить так, как вы мне велели...

— Я ничего не велела!

— А если не получится, — продолжил я уже строже, — то вернусь и удавлю ваше высочество за эти злокозненные указания, лицемерно поданные как советы.

Она посмотрела, слегка насупившись, стараясь понять мое чувство юмора, у женщин с этим не очень, но некоторые попадаютя весьма, жаль только, что ум с остроумием не имеет ничего общего, кроме похожих звуков.

— Если там решили, — произнесла она задумчиво, — что вы погибли в сражениях с Мунтвигом, это дает вам очень многое.

— Пока дало одни неприятности, — признался я. — Вzbунтовались чуть ли не все области, куда

я было встал железной пятой! Это обидно. Я же для них, гадов, старался. Не так уж много и вешал... Разве что на кострах жег на городских площадях? Так это же празднично, все так радовались, детей смотреть приводили...

— Какую часть армии заберете?

— Вы уже сами решили, — сказал я обвиняющим тоном. — Что взять, что оставить, кого куды...

Она чуть улыбнулась.

— Я просто уточняю, ничего ли не изменилось.

— Я не дурак, — сказал я. — Если сам что-то не соображу, все-таки могу оценить, когда кто-то другой по случайности или еще как-то вдруг скажет дельное. Кроме того, ваше высочество, я далеко не все свои силы увел навстречу Мунтвигу. Турнедо и Армландия мне преданы, в Мезине часть моих войск... а герцог Меганвэйл с огромной и боеспособной армией вынес все тяготы войны с армиями Мунтвига, что шли на покорение юга!

Она с задумчивым видом смотрела мне в глаза.

— Я чувствовала, что в этой войне что-то не так. Ваш дикий и авантюрный поход на Сакрант ничего бы не дал, если бы этот ваш герцог Меганвэйл не выдержал основные удары армий Мунтвига.

— С Меганвэйлом, — сказал я самолюбиво, — были и все боеспособные силы Варт Генца и Скарландии!

— Которые сейчас взбунтовались?

— Не совсем то слово, — сказал я, морщась. — Они не против меня взбунтовались. Они ринулись делить наследство... ну как после внезапной смерти Александра Македонского, был такой в наших землях, все перессорились и передрались... Разница только в том, что я не погиб, а вернулся и снова верну себе власть! Как хитроумный Одиссей, был такой в наших краях...

Она обронила невинно:

— Но только уже на других условиях.

— Ваше высочество, — сказал я, — а разве не? К тому же мне власть, вы не поверите, была абсолютно не нужна. Я человек сравнительно честный и ленивый, понимаю, что любой на вершине власти обязан заботиться обо всех подвластных, а пока что я забочусь только о себе, любимом и таком замечательном! А остальные пусть идут лесом или горными тропами Древних Лягушек. Но когда над миром нависло такое...

Она помрачнела, взглянула на меня испытующе.

— Сэр Ричард... вы единственный, кто попытается оказать хоть какое-то сопротивление.

— Дурак, — согласился я, — но не могу видеть, что все принимают прибытие Маркуса как неизбежность. Вроде зимы, лета или весеннего половодья. От холода спасаются, кто как может, этому уже обучились, а вот Маркус...

— От Маркуса только в пещеры, — произнесла она мертвым голосом. — Кто-то да уцелеет.

— Аскланделла, — сказал я и прямо посмотрел ей в глаза, — я не хочу, чтобы вы зарывались в глубокую пещеру! Один шанс из тысячи, что земная кора наверху в том месте не сдвинется. Нет, сдвинется обязательно, потому шанс выбраться наверх через новые щели исчезающе мал.

Она прошептала:

— Кто-то да выберется...

— Кто-то, — согласился я. — Этот «кто-то» обязательно будет лучшим из людей. Это потом через десятки поколений возникнет легенда о некоем праведнике, которого Господь спас, когда истребил все остальное нечестивое человечество...

Она вздохнула.

— Но как... как хотите?

— Не знаю, — ответил я честно. — Вы знаете, какое задание мне дали в Храме Истины?.. Узнать, где опустится Маркус! А как это сделать, если на Маркусе, скорее всего, и сами еще не знают, в каком месте сядут?

Она сказала слабо:

— Да, им нужно сперва увидеть, где самые богатые города...

— Самые многолюдные, — уточнил я, — хотя да, вы правы, они же и самые богатые. Хотя Маркусу их богатства, что нам цветные камешки, которыми так дорожат дети.

— Может быть, — произнесла она с надеждой, — это и есть подсказка? Самим найти самые многолюдные города?

Я подумал, покачал головой.

— Я знаю несколько, однако выглядят равноценными. Где опустится Маркус... гм...

Она вздохнула и произнесла уже более деловым голосом:

— Я помогу вашим людям удерживать данное равновесие... Думаю, вас все еще тревожит, куда отступил Мунтвиг?

— Немного, — признался я. — Не люблю неопределенности.

— У вас крепкие позиции, — сказала она одобрительно. — Умелой политикой вы завоевали больше, чем армией. Вашим лордам будет вовсе нетрудно поддерживать статус-кво.

— Разве что с вашей помощью, — галантно сказал я. — Не знаю почему, но с вами считаются как на этой стороне, так и на той. Про нейтральную ориентацию вообще молчу.

Она сказала просто:

— Я всего лишь стараюсь быть со всеми честной.

— Тогда скажите, — предложил я, — вы какой считаете меня свиньей: простой или редкостной?

Она взглянула несколько странно, на губах появилось нечто вроде улыбки.

— Вам виднее, ваше высочество.

— А на ваш взгляд? Женский?

Она посмотрела с тем же выражением.

— Дочь императора не может смотреть по-женски.

— Сочувствую, — сказал я искренне.

— Не стоит, — ответила она. — Я насмотрелась на женщин при дворе... Что-то я от них не в восторге. Уже пыталась понять, что я потеряла, но так и не поняла.

— Хорошо ушли от ответа, — одобрил я. — Аскланделла, мы вроде бы уговорились перейти на более низкий уровень отношений? Не сердитесь, я не знаю, о чем вы подумали, это значит, имена у нас не самые отвратительные. Я вот то и дело называю вас Аскланделлой, не могу удержаться...

Она кивнула.

— Хорошо, ваше высочество. Иногда буду возвращаться на прежний уровень, если вы вдруг, сами понимаете, но вообще-то да, постараюсь. Дистанция обычно нужна, иногда просто необходима, но в некоторых случаях больше подходит доверительный стиль....

— Настоящая дочь императора, — сказал я. — Чеканные правильные фразы из лексикона Высшей Императорской Канцелярии... Вас не продует на свежем ветру нашего варварства?

— Варваром можно быть на любом уровне власти, — ответила она. — Но помните, при первой же возможности... при первой!.. берите корону короля. Принц, даже грандпринц, не может поднимать людей на титаническую борьбу с Багровой Звездой!

— А принц-регент?

— У принца-регента в руках вся власть, — согласилась она. — Но у него мало влияния потому, что все понимают ее временность. Наследник подрастает, регент постоянно теряет власть... Сэр Ричард, вы же понимаете, предложив вам высокий титул принца-регента, высшие лорды Гиксии решали свои проблемы, а не ваши!

— Да вот как-то понимаю...

— Принц, — сказала она серьезно, — все-таки... мелко.

Я горько ухмыльнулся.

— Когда-то я считал это недостижимой вершиной.

— Это и есть вершина, — согласилась она, — но не для таких масштабов. Король — это все!.. У него не только власть. За ним ее признают, в то время как принц — это...

— Недокороль?

— Мельче, — ответила она серьезно. — Далеко не всякий принц, как мы знаем, становится королем. И вообще... летописи пестрят именами великих королей, но имен принцев там два-три, да и то исключения...

Я пробормотал в тягостном удивлении:

— Мир меняется или я?.. Я же всегда упирался, когда ташили к очередному титулу. А здесь не только не упираюсь, но впервые сам готов протянуть загибающие к короне, от которой раньше, как священник от распутной девки. Или это потому, что меня к этому подтолкнули не лорды, а вы?

Она кротно улыбнулась.

— Сэр Ричард, раньше вы не чувствовали в короне острой необходимости. А ради тщеславия вы не очень-то...

— Я не тщеславный, — подтвердил я с достоинством.

— Еще какой, — возразила она. — Но в вас нет мелочности. Тщеславный правитель старается окружить себя льстецами, выделиться богатой одеждой, обязательно перестраивает дворец или хотя бы внутренние залы, придумывает новые должности, приподнимает трон еще выше... а ваши лорды по-прежнему зовут вас сэром Ричардом и заходят к вам в любое время!

Я спросил с интересом:

— Вас это коробит? Вы тоже можете заходить... даже в спальню.

Она прямо посмотрела мне в глаза, добросовестно подумала и сказала просто:

— Сэр Ричард, а давайте не будете упоминать о спальнях, застезках на женских платьях... и подобном?

Горячая кровь неловкости начала подниматься к щекам. Я чувствовал, как начинает пощипывать кожу, Аскланделла смотрит ясными глазами, ничуть не выказывая, что видит мое смущение, не добивает по-женски, молодец.

— Обещаю, — выдавил я наконец. — Аскланделла, вы меня убили... Да, я дурак, соскальзываю на эту наезженную колею, как будто и вы тоже женщина, что я за дурак...

— Все соскальзывают, — ответила она с сочувствием, — но вы в отличие от них выскользнули.

Я торопливо поднялся, заметив, что она делает движение встать. Ее рука пошла вверх, я умело подставил руку, и так вышли из кабинета, все еще церемонно, но на этот раз мне почудилось, что между нами то ли чуть больше тепла, то ли расстояние между нами уменьшилось.

Глава 3

Фрейлины, не решаясь войти в ее покои без повелительницы, ждут у двери. Джоанна, как мне показалось, с облегчением перевела дух, увидев, как церемонно мы держимся, как две фарфоровые куклы, которых ведут незримые руки.

Остановившись перед дверью, я поклонился Аскланделле.

— Ваше высочество...

— Принц, — ответила она.

Я отступил, красиво повел рукой перед собой, жест привезен из Сен-Мари, развернулся и пошел быстрыми шагами к кабинету.

В коридоре сказал Зигфриду отрывисто и уже не аскландельным голосом:

— Альбрехта ко мне. Живо!

Перед отъездом в Варт Генц мелькнула серая мысль в рабочей спецовке, нужно еще раз проверить, достаточно ли укрепился здесь на севере. А то уже есть горький опыт... Конечно, можно бы увести армию обратно, дескать, успешно разбили Мунтвига и теперь возвращаемся с победой, но по своей родовой памяти знаю, с уходом захватчиков королевства быстро оживают, восстанавливают укрепления, армию, и вот уже сами начинают совершать набеги на границы соседа, а то и недавнего победителя.

Потому должна и здесь остаться твердая власть. Моя. Любые проявления сепаратизма карать мгновенно, не давая разрастись пожару. Пусть лучше недобрая память, но под властью деспотов любая страна обычно процветает, потому что жестокие репрессии всегда направлены против знатных семей, у которых завышенные претензии, амбиции и свои претенденты на трон, а развитие городов и сел тираны всяче-

ски поощряют, каждому приятнее править богатым и счастливым королевством.

Нужно только решить, где все-таки воткнуть свой флаг: в Сакранте, Пекланде, Ираме, Скарляндах или Варт Генце? Отпадает только Зорр, граничащий с Ирамом и Бриттией, там на троне все еще благороднейший король Шарлегайл, его брат Беольдр, принцесса Азаминда и верная жена престарелого короля Шартреза, и я ни в коей мере не желаю ущемить их славу и власть.

Как ни крути, а все дороги ведут, как и сказала Аскланделла сразу, в Варт Генц... Нет, в Скарляндии бы проще на ее просторах... Хотя есть мысль и лучше. Аскланделла и предложила воссоединить эти две постоянно враждующие половинки некогда великого целого, там и провозгласить свою резиденцию. А если еще и присоединить, как она и посоветовала, земли Эбберта... Эх, почему женщина оказалась более решительной, чем я?.. Может, потому, что она сидит в Сакранте и двигает фигурки на карте, а все выполнять мне, потому и страшусь?

Но, во-первых, ни в Скарляндах, ни в Варт Генце нет короля. В обоих верховным правителем считаюсь я. Пусть сейчас там мятеж... нет, даже не мятеж, я же вроде бы погиб, так что это не мятеж в чистом виде, а борьба за трон, ну да, это я и говорил Аскланделле.

Остается только войти туда с армией и объявить себя королем. Это придаст значимости не только мне, но и новому королевству.

Я поморщился, среди плохих решений это все-таки самое пристойное, но все равно чего-то не хватает, и не хватает сильно. Или это моя интуиция начинает себя странно вести, иногда изменять даже... хорошо бы еще с кем-то достойным, а то свяжется с каким-нибудь убожеством вроде интеллекта, и тогда великие идеи будут просто причудливыми, а это не совсем то.

Зигфрид заглянул, сказал почтительно:

— Граф Альбрехт, ваше высочество. Пустить или вы передумали?

— Я никогда не передумываю, — буркнул я. — За исключением случаев, когда приходится.

Альбрехт вошел, поклонился едва заметным наклонением головы, так обычно сюзерен приветствует вассалов, но здесь посторонних нет, я мотнул головой в сторону стола.

— Садитесь, граф. Там горка пирожных, принцесса сумела слопать всего четыре, одно осталось.

Он сказал послушно:

— Как скажете, ваше высочество! А и три такие сумею!

— Обойдетесь, — сказал я. — У сытых голова хуже работает.

— Напротив, лучше!

— Зато вина могу, — добавил я, — не жадный.

Он присел к столу, а я снова развернул карту и впился взглядом в очертания Скарляндии и Варт Генца. Что-то крутится в голове, дразнится, мысль то мелькнет, то спрячется, но, похоже, это та самая идея, которой недостает...

Если память мне изменяет не слишком сильно, то древнейшее королевство, овеянное прекрасными легендами, называлось Улагорния и располагалось на тех землях, где сейчас Скарлянды и Варт Генц. Об этом я слышал, когда еще был жив король Фальстронг. И хотя в реальности ничего не известно, но зато какие легенды, баллады, образы, примеры мужества и отваги, слишком поэтичные и возвышенные, чтобы быть правдивыми, однако же молодежь воспитывают на этих образах беззаветной преданности и красивых гибелях героев.

Предполагается, что Улагорния разрасталась, подчинила себе соседние земли, доминировала около

трехсот лет, постепенно разрасталась, вбирая в себя земли и племена соседей, пока не рухнула под своей же тяжестью, развалившись на четыре части.

Две постепенно исчезли, поглощенные соседями, а две воевали зло и непримиримо, пытаясь восстановить единство королевства, но, разумеется, каждая со своим вождем на троне. Так длилось еще несколько сот лет, за это время это удавалось трижды, последняя попытка была самой удачной, великий вождь Улагорн Скачуший, принявший это имя в честь прародины, воссоединил оба королевства и правил им шестьдесят два года, а после его кончины они снова медленно обособлялись, пока через сотню лет после его смерти обе части не провозгласили себя самостоятельными королевствами, то есть Скарляндией и Варт Генцем в нынешних границах.

Правда, Варт Генцу немного перепало от раздела победителями земель Турнедо, но в целом Варт Генц сейчас в тех границах, которые признают все его соседи.

Я с силой хлопнул ладонью по карте.

— Есть!

Альбрехт дернулся, едва не выронил фужер с вином, спросил подозрительно:

— Муху прибили?

— Идею поймал, — ответил я гордо.

— Она еще жива? — спросил он. — Вы ее так ша-рахнули, у меня чуть сердце не выпрыгнуло.

— Я поймал крепенькую, — объяснил я, — и очень живучую. Надеюсь, живучую.

— Ну-ну, ваше высо... ваше величество?

— Вот-вот, — сказал я, — привыкайте. Неделю будете меня величать, а потом разрешу вернуться к сэру Ричарду, а то самого от этого титула что-то дергает. А то и просто к Ричарду. В общем, Скарляндию

и Варт Генц помирим на том, что не станет ни той, ни другой. Будет Великая Улагорния!

Он застыл с распахнутым ртом, потом спросил опасно:

— А это... не слишком?

— Мы должны возродить великую славу предков, — ответил я пламенно и возвышенно. — Да, я вартгенец и сакрантец, но во мне стучит пепел... Улагорна Скачущего, и требует решительно и зело! Дабы, не смотря на. И мы должны, потому что. Даже обязаны, ибо это наш племенной долг! Поступить иначе — оскорбить великих предков, которые все ждут и ждут... а мы все не, хотя могли бы обло весьма, да.

Альбрехт наконец пришел в себя, зябко передернул плечами, взгляд немного тревожный, но сказал задумчиво:

— А что... это может сработать... Вы еще это, скажите что-нить вот таким голосом и с пылающими очами. И меня доубедите, и сами поупражняйтесь.

— Полагаете, — спросил я, — лордов придется убеждать долго?

Он помотал головой.

— Их нет, но народ консервативен. Да и лорды постарше будут осторожничать.

— Это еще не все, — сказал я с подъемом. — Дабы еще больше повысить статус, вольем в это новое могучее и так долго ожидаемое простым народом государство Мечты весьма богатые земли ликвидированного образования...

— Ваше величество?

— Вот-вот, — одобрил я, — именно с такой интонацией!.. Вы что, не помните, какое образование мы ликвидировали?

Альбрехт развел руками.

— Кто знает, что вы могли еще сейчас вот ликвидировать. Вы уже столько всего и всяких наликвидировали... А если еще и образование ликвидируете, гм... А в самом деле, кому эта грамотность нужна?

Я огрызнулся:

— Если я вырывал всякие там сорняки, то посадил семян и взрастил их еще больше! Хоть и не помню, чего. Я говорю про Эбберт, разве непонятно?.. Помните, был когда-то в древности такой? Еще в прошлом году его уже не стало, теперь нет и больше не будет.

— А вдруг? — спросил он невинно.

Я посмотрел зверем.

— Как это? Государства не грибы, сами по себе не растут. Их взращивают долго и старательно, а сломать может любой дурак, оказавшийся на троне. Так что Эбберт — отныне это географическое понятие. Не больше.

— А теперь придаток Скарляндии?

— Улагорнии, — уточнил я, тут же поправил себя: — И не придаток, а просто ее земли. Территории. Самих эббертцев отныне не будет, а только улагорнцы. И вообще «эббертец» моим повелением будет зачислен в ругательные слова.

— Лучше без повелений, — сказал он.

Я посмотрел привычно зло, подозревая подковырку, подумал, махнул рукой.

— Да, такое лучше вводить снизу. Как инициативу масс. Тогда любая дурь закрепится.

Он осушил кубок до дна и сказал хриплым голосом:

— Хорошо, займусь. Но скажу, ваше величество.... У вас и размах!

— Надо, — ответил я. — Осторожничать будем в старости.

— Если доживем, — согласился он.

Во дворец все прибывает народ, все вельможные лорды уже здесь. Даже те, что продолжают относиться враждебно, словно мы те же мунтвиговцы, однако наш скорый уход, который неизбежен, примиряет со всеми.

Многие спешат воспользоваться последней возможностью и показаться великому завоевателю, вдруг да пригодится в будущем.

Мои военачальники все здесь, даже Макс и Норберт, хотя и дергаются, оставив войска на заместителей и помощников, в великом возбуждении главы торговых гильдий, все готовятся сразу с весны отправлять караваны на юг, где теперь моим словом будут открыты все границы.

Епископ Дециллианий пришел благословить на дорогу, сдержанный, учтивый, с чисто выбритым лицом, я заметил, что почти никогда не смотрит в глаза, а если взглянет, тут же отводит, обычно поглядывает искоса или чуть исподлобья.

— Благослови вас Господь, — сказал он, — мы все будем молиться за вас, ваше высочество.

— Аминь, — ответил я благочестиво. — И спасибо на добром слове.

— Избегайте соблазнов, — добавил он, — как вам это все еще удастся, что говорит о несвойственной вашему возрасту мудрости и осторожности.

Я ответил так же учтиво:

— Тот свет, что заложил в душу Господь, дает мне разум и предвидение, а гнусное наследие Змея, что в каждом из нас, снабжает чувствами и предчувствиями...

Он взглянул остро и тут же отвел взгляд.

— Опасное соседство.

— Знаю, — ответил я. — Однако все мы в руке Господа.

Он покачал головой.

— Опасайтесь принять от Змея больше, чем от Адама!

— Увы, отец Дециллианий, — ответил я смиренно, — это я сам по дороге скитаний по суетной жизни подхватил нечаянно, как простуду, некую черноту... и теперь она во мне, что поделаешь.

Он перекрестился.

— Молись, борись, избавляйся.

— Но и она, — возразил я, — служит мне, потому что заинтересована, сволочь, чтобы я уцелел в жерновах нашего неласкового мира.

— Иногда достойнее погибнуть, — сказал он сурово, — чем жить... недостойно!

— Согласен, — сказал я, — иногда. Но если я недостойными поступками спасу жизнь многих достойных людей... то зачтется мне или нет? Или все равно в ад?.. Это важный вопрос, святой отец.

Он перекрестил меня и ответил тяжелым голосом:

— Слишком важный, чтобы на него был простой ответ. И однозначный. Тысячи философов всех времен пытаются найти ответ... Иди с миром, мятущаяся душа, и пусть Господь присматривает за тобой в нелегком пути поисков истины.

— Мир держится не на черепахе и не на слонах, — ответил я. Он нахмурился, я торопливо добавил: — Отец Дециллианий, он на плечах и спинах подвижников, что жертвовали всем и даже отдавали жизни... что жизни?.. чтобы мы вот, будущее поколение, жили и... что, дабы лежали на диванах?

Его настороженность немного улетучилась, он сказал негромко:

— Продолжай, сын мой.

— Мы обязаны продолжать их дело, — сказал я с нажимом. — Они спасали мир в прошлом, мы должны спасти его сейчас. Иначе недостойны своих отцов.

Он задумался, мне представилось, что он видит тысячи героев, отдавших жизни за прогресс: монахи, аскеты, философы, ученые, политики, военачальники — все они стоят плотно, пригнув головы и держа на плечах ровную, как срезанную бритвой, поверхность Земли, что слегка выгнута кверху и похожа на выпуклую линзу, такой представляли ее уже продвинутые мыслители, отказавшись от старой теории плоской Земли.

Даже я на мгновение представил эту символическую картину. Все мы склонны к поэтическому или образному мышлению, и папа римский, думаю, еще в большей степени, чем остальные политики, хотя он и политик в каждом слове и жесте.

— Да, — ответил он наконец, — мы обязаны.

Еще раз перекрестил меня, я поцеловал ему руку и, быстро повернувшись, широкими шагами вышел на улицу.

Глава 4

Во дворе уже сухо, жаркое солнце выжгло остатки застрявшего между плитами снега, только в самых дальних углах, куда не достигают знойные лучи, остались темнеющие сугробы.

Все стены расцвечены знаменами, баннерами и пурпурными полотнищами, что свешиваются с балконов, лорды в ярких цветных одеждах, мир дрогнул от их радостного крика.

Я вскинул руки в ответном приветствии, а из конюшни уже бегом ведут в сопровождении возбужденного Бобика красавца арбогастра в полной сбруе, под моим седлом и с увесистым седельным мешком сзади.

Ко мне подходили один за другим Альбрехт, Клемент, Сулливан, Мидль, Сандорин и прочие-прочие уже овеянные славой полководцы, среди которых даже юный Макс выглядит грозным и умелым военачальником, одержавшим множество побед.

— Увидимся, — повторял я, обнимая их по очереди. — Увидимся... увидимся... скоро все увидимся!.. И закончим свой победоносный поход такими победами, каких еще не знал мир!

Сулливан прогудел мощно:

— И так вроде бы...

— Будут еще грандиознее, — заверил я. — Герцог, мы не закончили поход по долинам и по взгорьям!.. Мы его только начинаем.

Он покрутил головой, а я уже обнимал Клемента, а в самом конце обнял Зигмунда, остальным Лихтенштейнам, милостиво поулыбавшись, сказал торжественно:

— Барон, вам выпала самая опасная и ответственная часть задания. Я уведу армию ближе к югу, так надо, а вы останетесь представлять наши интересы в Сакранте. Кто знает, куда ушел Мунтвиг?.. Вы примете первый удар, если Мунтвиг появится снова.

Он сказал воспламененно:

— Ваше высочество!.. Это великая честь...

— Помните, — сказал я, — Сакрант теперь дружественное королевство. Но жизненный опыт подсказывает, что с сильными дружат почему-то охотнее. Надеюсь, вы поняли.

— Ваше высочество!.. Только прикажите!

— Приказываю, — ответил я. — Сакрант должен остаться в сфере нашего влияния.

Он поклонился и отступил, давая место братьям Хорнблауэрам, что всегда держатся в задних рядах, однако их репутация растет как воинская, так и пре-

дельно учтивых и воспитанных рыцарей, умеющих себя держать хоть в гуще кровавого сражения, хоть на пиру или в танцах королевского двора.

— Передать привет Хорнегильде? — спросил я старшего из братьев, Арнольдуса, графа Гогенбергского.

Высокий, плотно сбитый, с сухим, явно подвижным телом, он взглянул с недоверием:

— Ваше высочество?

— Поход закончим там, — сказал я шепотом, — где и начали. Сен-Мари снова будет нашим.

Его широкая нижняя челюсть с выступающими в стороны углами чуть дрогнула, но осталась на месте. В дерзких глазах, что стремятся сломить встречный взгляд, быстро разрастается изумление.

— Ваше высочество, — ответил он тоже тихо, — я благодарю Господа, что он позволил мне служить вам!

Два его брата смотрят на меня их фамильно странными и настолько светлыми глазами, почти белыми, что в первый раз, когда увидел, по спине пробежали мурашки. На этот раз в них восторг и такое обожание, что в сердце кольнула острая тоска: здесь меня любят и мною восхищаются, а куда сейчас несет?

— Увидимся, — сказал я с тяжелым сердцем.

Душа, данная нам Господом, и эти инстинкты, что достались от Змея, ведут человека сквозь огни сражений, катастрофы и катаклизмы. Я бы сказал, что совместная работа Создателя и Сатаны привела к великолепным результатам, но это будет кощунством, потому скажу осторожно, что человек научился пользоваться где умом, где инстинктами, где-то полагается на расчет, где-то на интуицию, именно это лави-

рование и помогает ему выживать лучше, чем если бы полагался на что-то одно.

Зима отступает, это заметно, хотя всюду еще снег. Однако солнце яркое, поджаривает сугробы с одной стороны, и те становятся похожими на оскалившие зубы навесы, но ровная поверхность пока что успешно отшвыривает солнечные лучи назад и делает вид, что никогда не позволит им прогрызть в себе дыры.

Бобик несется впереди, но то и дело оглядывается: верно ли, а то как-то странно и непонятно. В самом деле, из Сакранта прет наискось к Гиксии, а это значит, промчимся через краешек Пекланда, почти через весь Ирам, Бриттию и, срезав выступ Варт Генца, попаду в саму Гиксию, где я принц-регент, то есть у меня в руках вся полнота власти вплоть до совершеннолетия наследника погибшего короля.

Через краешек Варт Генца нужно проскочить как можно быстрее, не хочу, чтобы о моем прибытии узнали раньше времени.

Навстречу мчится заснеженный мир, где вершины холмов уже обнажились, но долины еще укрыты былым покровом, только отдельные скалы не только без снега, но накалились под лучами так, что и вокруг них растаяло до самой земли.

Сакрант остался позади, копыта стучат по земле королевства Пекланд, но мы срежем только самый краешек и углубимся в Ирам, что вообще-то меньше отличается от Сакранта или Пекланда, чем отличались друг от друга некогда крупнейшие королевства: Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Кент, Нортумбрия, Мерсия... потом объединившиеся в одну весьма заметную державу.

Конечно, когда-то все эти королевства будут объединены в одно, однако я не стану прилагать к этому усилия, поважнее дел хватает...

Бобик взлетел, как самый быстрый стриж на свете, на вершину пологого холма, остановился в красивой позе, требовательно гавкнул.

— Посмотрим, — крикнул я навстречу ветру, — что он увидел интересное...

Арбогастр смолчал, что у коней означает согласие, мужчины не открывают рот по пустякам, стремительно вознесся к Бобику, а там я остановил его, озирая окрестности.

На той стороне неширокой долины высится замок из светлого камня, тоже на вершине пологой горы. Весеннее солнце уже сожгло те остатки снега, которые ветер не сумел сдуть в долину, а каменистая земля высохла очень быстро, и теперь вокруг крепостных стен снуют крестьяне, а внизу четверо всадников остановились на грани просохшей земли и невероятной гряды, за которой вообще лежат снега.

— А мы вперед и дальше, — сказал я арбогастру.

Он фыркнул, соглашаясь, а как же иначе, только вперед и дальше, жизнь только тогда хороша, когда много скачки, мы спустились вниз, как грохочущий камнепад, намерились проскочить мимо, но все четверо вдруг замахали руками.

Донесся слитный вопль, и я нехотя послал арбогастра в их сторону.

Все четверо в толстых шубах, хотя солнце заставило их распахнуть, открывая дорогие кафтаны, шитые золотом, все четверо держатся со спесью хозяев жизни.

Я подъехал ближе, покрикивая на Бобика, чтобы не вырвался вперед, незачем пугать людей без необходимости, хотя, конечно, интересно,

Они смотрели на меня с живейшим любопытством, один сразу выехал навстречу и воскликнул:

— Вы первый, кого мы видим со стороны севера! Неужели дороги открылись?

— Зачем нам дороги? — ответил я с недоумением. — Есть направления, чего же еще?

Он всматривался в меня с жадностью, к нему подъехал еще один, такой же важный, что-то шепнул на ухо.

Первый подобрался, зыркнул на смирного Бобика, на арбогастра и уже потом на меня.

— Что-то о таком всаднике мы уж слышали, — проговорил он, чуточку запинаясь. — На огромном черном коне...

— А о собачке? — спросил я с интересом.

— И о чудовищной собаке, — договорил он неуверенным голосом, — хотя я бы не назвал ее чудовищной. Огромная — да, но она весьма хороша. Упитанная такая...

— Да и сам я ничего, — сказал я скромно. — Хотя и недостаточно упитан и дороден. Все верно, я тот самый. А с кем имею удовольствие зело общаться?

Он проговорил уже дрожащим голосом:

— Барон Кемберлит... А это моя родня. Ваше высочество, глазам своим не верю, хотя именно таким вас описывают... И что иногда вот так, без свиты и охраны...

Он не выглядел высокомерным или даже надменным, но держится, как сразу бросилось в глаза, с уверенностью и осознанием своего превосходства над другими. И еще чувствуется, без колебаний принимает на себя ответственность, это я понял по его решительному лицу и твердому взгляду.

— Я опаснее любой охраны, — заверил я с мягко зловещей улыбочкой. — Да и к чему героям показуха?.. Барон, у вас прекрасный замок.

— Спасибо, ваше высочество!

— Чувствуется добротность, — сказал я с одобрением. — Жаль, спешу и не могу побывать у вас в го-

стях, хотя и хочется. Потому передайте всем лордам Пекланда, которые готовы повоевать за честь, славу и богатую добычу... принц Ричард Завоеватель приглашает героев принять участие в его благородном походе по установлению мира и справедливости!

Он спросил настороженно:

— Ваше высочество?

— Нужно всего лишь, — сказал я, — продемонстрировать силу, а воевать, скорее всего, даже не придется. В соседней с вами Скарляндии сейчас свирепствует гражданская война, брат идет на брата, кровь льется по всей стране.

Его спутник всматривался в меня с напряженным интересом, лорд с вытянутым породистым лицом, волосы седые, но брови абсолютно черные без единого белого волоска, что говорит про элитную породу, острые скулы, тяжелая нижняя челюсть, суровый и невозмутимый.

— Ваше высочество, — произнес он, — я граф Парнвуд. Как я понимаю, вы хотите остановить войну без кровопролития?

— Точно, — ответил я. — Если желаете принять участие в благородном деле, за которое вам зачтется на небесах, а я не оставлю щедротами здесь на земле, то вам надлежит выставить свои войска на границу и выказать намерение вторгнуться, если на то будет мой приказ.

— Но не вторгаться? — уточнил он с недоумением.

— Я же хочу избежать кровопролития, — напомнил я.

Он посмотрел искоса.

— Почему?

— Это же мои земли, — ответил я честно. — Зачем разорять свое? Но лучше поговорим о милосердии и человеколюбии, верно?

Он улыбнулся, принимая мою откровенность как знак доверия.

— Это как водится, ваше высочество.

— Полагаю, — добавил я, — демонстрации будет достаточно. За это обещаю щедрое вознаграждение.

Он чуть поклонился с тем же невозмутимым видом, зато лицо барона Кемберлита воспламенилось, он чуть ли не облизнулся и сказал торопливо:

— Да-да, все знают, что отправившиеся с вами получают титулы и земли!

— Земли будут, — сказал я. — И титулы. Обещаю.

Я вскинул руку в прощании, герои говорят кратко, мне тоже иногда удается сказать кратко и емко, когда слежу за собой.

Бобик подскочил и понесся в прежнем направлении, арбогастр пошел следом сперва торжественным шагом, гордо и красиво выгибая шею, потом ринулся вскачь, и замок на горе вскоре скрылся за спиной.

Я раньше полагал, что составлять маршрут для Зайчика нужно очень тщательно: по прямой нельзя, нужно огигать горы, десятки слишком широких для перепрыгивания ущелий, а также довольно обширные Запретные Места, я же теперь государь, а не сорви-голова, должен сам избегать их и других не пускать...

Потом обнаружил, что арбогастр сам в нужных местах снижает скорость и заранее берет в сторону от ущелий, словно у него встроенный локатор. Так что для него достаточно лишь выбрать направление, а он сам будет мчаться, где-то ускоряясь, где-то замедляя бег, а то и огигая препятствия, а потом снова выходя на прежний курс, внося поправки на петли и зигзаги.

Сейчас он то набирает скорость, то сбрасывает ее так резко, что встречного ветра почти нет, а мимо проносятся стены ущелий, где нужно поворачивать резко то вправо, то влево, и удар о каменный выступ

если их с Бобиком и не убьет, то меня может, я еще не знаю пределов моей регенерации... и как-то не хочется их проверять.

Что копыта стучат уже не по пекландской земле, а по ирамской, я догадался не по самой почве, а по времени, понял несколько запоздало, тут же впереди появилась река, а на той стороне поднялись высокие стены Зондерсгаузена, столицы королевства Ирам.

Арбогастр бодро пронесся по каменному мосту, на обоих берегах еще снег, но выгнутая спина из широких плит уже прогрелась под солнцем, даже успела обсохнуть, копыта звонко стучат, иногда даже заметны искры, хотя и светит яркое солнце.

На той стороне моста массивная арка, а в ней из свода высовываются острые зубья заградительной решетки. Это личный мост короля Иоанна-Георга Гехингена, нечто вроде подъемного моста через ров, только здесь вместо рва достаточно широкая и глубокая река.

Стражники вытаращили глаза, но, видимо, им уже рассказали в подробностях о моем прошлом визите, обрисовав во всех красках мой ужасающий вид и три головы, а также коня из самого ада и, конечно, чудовищного пса, что наверняка удрал из самой преисподней, чтобы служить еще более ужасному господину.

Я улыбнулся им, оба едва не попадали в обморок, один пролепетал:

— Щас, щас... откроем...

— Весна, — сказал я значительно. — Щепка на щепку лезет, а вы спите? Даже хомяки начали просыпаться в норах!.. Я же слышу...

Можно было проехать, как в прошлый раз, справа от дворца и взглянуть на город, но я не поклонник Шлимана, направил коня прямо в ворота.

Там узнали тоже, пропустили, чуть-чуть подзадержав с якобы непослушными створками, это чтобы дать возможность одному стремглав броситься в королевские покои, где успеет предупредить, что через минуту здесь будет то самое чудовище, что перегрызло глотку другому чудовищу. Или загнало того так далеко в его норы, что никто и не знает, где оно схоронилось и что затевает.

В прошлый раз мы встретились в коронном зале, король Ирама принимал заезжее мое высочество, я и сейчас скромно корчу из себя захудалого принца, которых, как воробышек, однако по лицам встречаемых вельмож вижу, что уже не воробышка, совсем не воробышка, и даже не воробей...

Если в прошлый раз я здесь шел быстро и четко, демонстрируя каждым движением и жестом силу и власть, то сейчас вообще должен бы раздуться от важности, потому просто двигался через залы с мягкой участливой улыбкой добрейшего человека, который мухи не обидит, все-таки вокруг практически одни они и есть.

Глава 5

Гвардейцы, не дрогнув лицами, важно и как истуканы открыли передо мной двери королевского кабинета, что значит, гонец уже успел промчаться, двери только-только успели захлопнуть за ним, как снова распахивают передо мной с таким видом, словно делают это впервые в этом году.

В кабинете за столом только личный секретарь Иоганна-Георга, шуплый и незаметный человечек, что и понятно, тираны не любят возле себя тех, кто их хоть в чем-то превосходит.

Он подпрыгнул, словно только что через кабинет не промчался гвардеец с воплем «Ричард идет!», ахнул, взмахнул руками, будто пытался взлететь, поспешно согнулся вдвое.

— Ваше высочество?.. Какая неожиданность... Я сейчас же доложу его величеству...

— Докладайте, — разрешил я милостиво. — Не спешите, а то нос разобьете, когда споткнетесь... хотя, конечно, тираны обожают, когда перед ними падают, ха-ха! Такое вот у нас высокое чуйство юмора, га-га-га!

Он угодливо подхихикнул, еще раз поклонился и выскочил из кабинета.

Я огляделся, придвинул кресло к столу с другой стороны, сел по-хозяйски и с удовольствием вытянул ноги, они у меня почему-то еще длиннее, чем руки.

Кабинет понравился еще в прошлый раз, небольшой и без вычурностей, мебель вся для дела, а не пускания пыли в глаза, это демократ зависит от мнения окружающих, а тирану плевать на чужие вкусы.

На столе бумаги и книги разбросаны чуточку по-свински или по-мужски, что одно и то же, вообще атмосфера достаточно уютная и одновременно рабочая.

Прождав минуту, я создал фужер из тонкого стекла с рисунком золотом на стенках, повторяющим узор королевского герба Гехингемов, наполнил виноградным соком и с наслаждением выпил в два гигантских глотка.

Показалось мало, наполнил снова. Дверь начала отворяться, я сделал было движение встать навстречу, однако в щель вдвинулся канцлер и тут же сам закрыл за собой, гладко выбритый, с немолодым, но розовым лицом, довольный и осанистый.

Сразу же угодливо поклонился, из-за чего полы легкой шубы раздвинулись, открывая взору массив-

ную золотую цепь, а на ней огромную восьмиконечную звезду, украшенную рубинами.

Сам тоже весь в золоте, пурпурного цвета кафтан прошит в три ряда золотыми нитями, пряжки, крючки и пуговицы все тоже золотые, хотя золотые тут же погнулись бы, золото мягкий металл, но, говорят, есть такое, что тверже закаленной стали.

Я смотрел на него с надлежащим равнодушием, это ожидается, а канцлер сказал угодливо, кося недоумевающе на тонкостенный фужер в моей руке:

— Его величество сейчас прибудет...

— А я вот, — сообщил я, — как бы жду. Вот тут у него кувшин вина отыскал... припрятанный. Вы об этом, сужу по вашему якобы честному лицу, и не догадывались!

Он сказал потерянно:

— Увы, ваше высочество...

— То-то, — сказал я. — А у меня вот чутье. Так что и не вздумайте прятать от меня незаконно нажитые доходы. Я не Иоганн-Георг Гехингем, он всего лишь тиран, а я скромный полевой вождь, что сперва вешает, а потом... смотрит, кого бы еще опрозрачить.

Он воскликнул, как мне показалось, вполне искренне:

— Ваше высочество! Вы же знаете, наше королевство после двух нашествий буквально разорено...

— Двух? — спросил я.

Он смутился, ответил с раскаянием:

— Мунтвиг забрал весь скот на прокорм армии, а когда вы прошли, как посланная Господом нарядная такая саранча, то крестьянам осталось только кору с деревьев грызть!

Я сказал с раскаянием:

— Значит, семь шкур с вас уже не содрать, жалко.

— Точно-точно!

— Ладно, — сказал я милостиво, — удовольствуюсь и шестью. Мы щедрые!.. Простите, вам вина не предлагаю, сделаем вид, что не знаем о тайном пристрастии его величества.

Он торопливо кивнул.

— Да-да, клянусь. Ваше высочество, если вам что-то нужно, пока его величество спешит к вам, я могу распорядиться.

— Мне многое нужно, — ответил я веско, — но только Господь бог сможет... наверное, сможет. Из людей, увы, все мы ограничены в возможностях, как говорят наши философы... То есть мы не то люди с ограниченными возможностями, то ли просто ограниченные... А что говорят ваши?

Он вздрогнул, бледно улынулся.

— Думаю, философы везде одинаковы.

— Что, — спросил я с интересом, — правда?

— В одном мире живем, — пояснил он торопливо, — что ж им выдумывать-то?

— А вот выдумывают, — сообщил я новость, — а потом из-за их выдумок войны начинаются. Интересно живем, да? Все из-за разных подходов к философии!

Он насупился, взглянул косо, подозревая, что и у солдат может быть чувство юмора, хоть и не такое, как у людей.

— Не знаю, — ответил он после паузы. — Я больше по налогам, чем по убиванию людей.

— И то дело нужное, — согласился я. — Налог — это все-таки цивилизованный грабеж, что уже и не грабеж как бы, пусть и грабеж.

Он ответил учтиво:

— Совершенно верно, ваше высочество. Тем, кого грабим, тоже не хочется признавать, что их грабят, это их унижает.

— И как?

— Все молча соглашаются, — объяснил он, — что это не грабеж, а как бы плата за... некую защиту. Все делают вид, в таком мире живем!

— Цивилизованном, — согласился я. — Человек от животного отличается тем, что умеет притворяться. Интересно, это от Адама или Змея?

Он вздрогнул.

— Ваше высочество?

— Трудно уследить за моей изысканной мыслью? — сказал я довольно. — Я такой, все мы, солдаты, умные... С одной стороны, притворство — грех, значит, от Змея. С другой стороны, если бы не притворялись, то воевали бы чаще. Верно?

Он вздрогнул, сказал слабо:

— Чаще... Постоянно!

— Ну вот, — подтвердил я. — А так поулыбаемся, сжимая кулаки в карманах, наговорим сквозь зубы друг другу теплых слов и разойдемся если не друзьями, то нейтралами. Вы как насчет нейтралов?

Он не успел ответить, в коридоре послышался нарастающий топот, дверь распахнулась, и громадного роста церемониймейстер проревел:

— Его величество король Иоганн-Георг Гехингем!

В кабинет вошел Иоганн-Георг, все в той же одежде, короли — тоже мужчины и не любят часто переодеваться, на седых волосах корона, блестящая золотом и сапфирами, только взгляд не столько надменно-властный, как встревоженный.

Я поднялся навстречу, поклонился и сказал дружеским голосом, сразу задавая тон:

— Ваше величество, простите за, но ваш канцлер принес вина, чтобы меня развлечь, и мы тут смаковали подробности, как вы в молодости прыгали из окна высокой башни прямо в седло боевого коня, а вдогон-

ку орал разъяренный муж баронессы... забыл, как вы ее назвали, канцлер?

На канцлера было жалко смотреть, он мялся, исходил жаром и разводил руками, лицо покрылось мелкими бисеринками пота.

Король зыркнул на него люто.

— Можете идти. Поговорим позже.

Канцлер метнулся к двери, сразу растеряв важность, а я сказал королю громко:

— Ваше величество, он хотел только развлечь! Очень хороший у вас канцлер. Как вы и сказали в прошлый раз, удивительно много знает.

Он прорычал:

— Как вижу, слишком много. Такое, что я и сам не помню...

— Он обязан, — подчеркнул я. — Такая у него работа. Но я даже и не подумал бы, глядя на вас теперь, такого серьезного и солидного...

Он махнул рукой и опустился за стол в свое кресло, где с подозрением зыркнул на два тонкостенных фужера с темно-красным вином на столешнице.

— А это что?

— Ваш канцлер принес, — объяснил я. — Он давно хотел сделать вам этот ценный подарок, да все случай не подворачивался. А сейчас хотел спросить моего одобрения, как великого знатока и филумениста по наскальной живописи.

Он взял один фужер с величайшей осторожностью и поднес к лицу, рассматривая, даже дыхание задержал, чтобы не сломать.

— Какое чудо...

— Ваше величество, — сказал я, — я к вам на минутку, все дела и дела, жизнь несет нас, не спрашивая, а если уцепишься за берег, чтобы отдышаться, то

мчится себе дальше, оставив тебя на произвол судьбы на непонятном берегу.

Он спросил настороженно:

— Ваше высочество, прошу меня простить, но я не успеваю за вашей резвой мыслью.

Я улыбнулся.

— Вы, наверное, тоже приятно удивлены, что я оказался жив?.. Кстати, вино отменное, рекомендую.

Он сделал осторожный глоток, брови поползли вверх.

— В самом деле... Где же он такое добыл?

— Для вас готовил, — сообщил я. — Простите, что выдаю его тайну.

Он с фужером в руке откинулся на спинку кресла.

— Я даже не допускал мысли, — проговорил он неторопливо, — что вы погибнете. С какой стати? Это другие гибнут.

— Именно! — подхватил я. — Такие, как мы, неистребимы! Мои соратники, кстати, все же удивились. Но далеко не все были огорчены, га-га-га!.. В общем, хотя я к вам как снег на голову, хотя пора уже и дождю, но я сразу быка за рога... Это выражение такое, ваше величество, не смотрите с укором! Какой же вы бык? Вы лев! Тот самый, на котором Христос въехал в Иерусалим.

Он сказал с обидой:

— Ну, спасибо. Видел я того льва...

— В общем, — сказал я, — обрисовываю ситуацию. В мое отсутствие в Скарляндах и Варт Генце вспыхнули гражданские войны за трон. Возможно, были допущены какие-то просчеты со стороны моих советников, ведь мы, короли, никогда не ошибаемся, верно?.. В общем, война полыхает.

Он смотрел исподлобья, спросил настороженно:

— И что вы... хотите?

— Ха, — сказал я, — что я желаю! Так вам и скажи. Может, самому и петлю себе на шею?.. Нет уж, давайте лучше о политике, там врать можно сколько угодно, а честные люди презираемы за простофильство и некомпетентность. В общем, вы знаете, в обоих королевствах я был провозглашен регентом на год. За это время верховные лорды клялись договориться без ссор и драк, кому достанется трон, а кому остальные лакомые места.

Он кивнул.

— Знаю. Все в соседних королевствах знают о междоусобной войне в обоих королевствах. Уже пару месяцев. Если не больше.

— Это надо прекратить, — сказал я веско. — Дорогой Иоганн-Георг! У меня несколько победоносных армий, могу сокрушить любое королевство, раз уж сокрушил Мунтвига.

Он проговорил сдавленным голосом:

— Да, конечно...

— Но я не хочу никого крушить, — заверил я. — Даже не хочу заливать кровью оба королевства, дерзновенно посягнувших на мою священную и вечную власть, которой даже сейчас остается до срока целых две недели!

Он вздохнул, но тень тревоги в глазах исчезла. Спросил уже без напряжения, во всяком случае заметного:

— И как это... без крови?

— Я молчу о своем появлении, — ответил я скромно, — что сразу многое изменит.

Он сказал поспешно:

— Не сомневаюсь!

— Хочу создать такую систему, — объяснил я, — чтобы и без меня поддерживала автоматически мир не в одном королевстве, а во всем регионе!

Он допил вино, хотел поставить на стол, но фужер потяжелел, он перевел на него взгляд и увидел, как со дна быстро поднимается вино, уже более золотистого оттенка.

— Какую, — проговорил он, наблюдая за растущим уровнем оранжевой жидкости, — систему?

— Коллективной безопасности, — пояснил я. — Казалось бы, чего проще? Все государства региона подписывают договор, в котором обязуются не нападать друг на друга и помогать тем, на кого вдруг набросятся. Агрессор в этом случае призадумается: одно дело сунуться в земли соседа, которые слабее, другое — когда в ответ на него самого нападут со всех сторон!

Золотистое вино остановилось, чуть-чуть не дойдя до края. Иоганн-Георг медленно поднес фужер к губам, стараясь не расплескать, отпил, прислушался, поднял взгляд на меня.

— Прекрасное вино... Такой договор, вы правы, ваше высочество, должны подписать все. Королей, желающих царствовать мирно, все-таки больше, чем воинственных. И если воинственный увидит, что против него трое или четверо мирных королей, он стихнет, потому что и у мирных есть армии.

— Абсолютно верно, — сказал я. — Вы великий государь, ваше величество! Сразу уловили самое главное. Я не хочу заливать кровью оба королевства, смиряя мятеж. Достаточно выдвинуть на границы Скарляндии и Варт Генца армии Пекланда, Ирама и Гиксии, как мятежники попрячутся в норы.

Он переспросил:

— И Гиксии?

— Я там принц-регент, — напомнил я скромно. — Наверное, до вас уже докатились, пусть и по снегу, эти интересные новости.

Он подумал, сказал нерешительно:

— А в Гиксии... не компромиссный вариант?

— Он самый, — согласился я. — Но когда я вернулся победителем Мунтвига, то уже не компромиссный. Люди в Гиксии трезвые, поймут, где реальность, а где их пожелания. Вернее, в каком месте. И насколько глубоко. Но я не посягаю на власть короля, который у них пока что подрастает. Просто-напросто Гиксия тоже будет следовать соглашению. Как вы понимаете, это вас еще надо поуламывать, а Гиксия... обойдется.

Он чуть улыбнулся.

— Ну да, самого себя уломать легче, хотя будете сопротивляться, верно?

— Еще как, — подтвердил я. — Стою на страже суверенных интересов Гиксии! Но, как разумный человек, понимаю, что умнее поступиться частью суверенитета королевства, зато обрести безопасность от внешних врагов и полную свободу на своих землях!

Он подумал, переспросил:

— Говорите, всего одно-единственное условие для всех королевств?

— Да, — подтвердил я. — Хочу сосредоточиться на экономическом подъеме Варт Генца. Но для него нужен стабильный мир, расцвет ремесел, хорошие дороги и легкие налоги.

— Легкие?

— Если не будет войн, — напомнил я, — содержать армию нетрудно. К тому же ее можно сократить наполовину. А то и больше. А народ, не придавленный налогами, обретет крылья. Решайтесь, ваше величество!.. Если останетесь в стороне от договора, то хотя и не превратитесь вот так сразу в лютого врага, однако... у вас не будет нашей совместной защиты.

Он зябко повел плечами, допил вино и поставил фужер на стол.

— Прекрасное вино... А я уж было поверил, что это мой канцлер мудрит! Ну и шуточки у вас, принц. Считайте, что я этот договор уже подписал. Пусть мне перешлют бумаги. Подпишу лично и поставлю большую и малую королевские печати.

Я поднялся, отвесил учтивый поклон, и как принц королю, и как младший старшему.

— Ваше величество...

— Принц, — ответил он.

Я быстрыми шагами вышел из кабинета. Гвардейцы торопливо вытянулись и поехали меня взглядами. По моей походке, манерам и гордому взгляду понятно, кого Господь назначит доминантом в созданном им мире, где есть место и королевству Ирам.

Едва вышел из личных покоев, в первом же зале церемониймейстер зычно прокричал:

— Его светлость принц Ричард Завоеватель!

Впереди двое в парадных одеждах старших дворцовых управителей развернулись и пошли к выходу, отталкивая народ с дороги.

У второго зала красиво и торжественно пропели фанфары. Я хмуро улыбался, совсем одурели, так положено встречать, но раз уж не успели, то не надо бы вот сейчас.

Еще два зала, везде знатные гости и приглашенные ко двору поспешно расступаются, давая нам проход, наступают на ноги и самолюбие тем, кто сзади, те сдержанно шипят и ругаются.

Быть дуэлям, подумал я отстраненно, взгляд по-прежнему поверх голов, это чтобы не замечать, как кланяются, а то не утерплю и отвечу, а это урон моему достоинству и незаслуженный подарок обласканному.

Впереди уже замаячил холл, я почти ощутил себя в седле, как сбоку торопливо пропели фанфары, церемониймейстер воскликнул с подъемом:

— Ее величество королева Бразельда!

Я невольно замедлил шаг, из соседнего зала появилась Бразельда, высокая и статная, величественная до предела, тяжелое многослойное платье волочится по полу на три ярда сзади, корона на темных волосах блещет как золотом, так и бриллиантами.

За нею следом четверо фрейлин, чопорных, строгих и с надменно застывшими лицами. У всех четверых в ушах продолговатые изысканные серьги, в золоте оправы блещут изумруды, напоминая о молодой травке, все четверо подражают королеве, у которой такие же серьги отличаются только размером, касаясь оголенных плеч, и величиной изумрудов.

Я еще больше замедлил шаг, а когда между нами осталось три ярда, остановился и поклонился самым почтительнейшим образом, пусть все видят, я весь из себя галантерейность.

Она произнесла, неспешно останавливаясь:

— Принц...

— Ваше величество, — ответил я.

— Что же вы так быстро покидаете нас, — поинтересовалась она. — Люди могут подумать, что вы с королем в ссоре.

— Ничуть, — заверил я. — С его величеством удобно иметь дело. Он дивно умен, прозорлив, все мгновенно понимает, потому мы с первых же слов достигли нужного соглашения.

Она вскинула брови.

— Вот так? Даже соглашения?

— Ваше величество, — ответил я и повел взглядом по замершему залу, показывая, что нас внимательно слушают, — король был весьма настойчив и вынудил меня подписать выгодный ему договор. Теперь я понимаю, что прогадал, но мое слово твердо, иначе что я за рыцарь?

Она с натугой заулыбалась, проговорила ласково, это было похоже, как если бы попыталась шептать камнедробилка:

— Принц, со дня вашего визита наша дочь Леоно-ра только и говорит о вас!

— Да что вы говорите? — приятно изумился я.

— Уверяю вас, — сказала она. — Вы просто должны заглянуть к ней и попрощаться!

Я приготовился отказать в вычурных выражениях, в которых и сам запутаюсь, зато и другие ничего не поймут, но в дальнем дверном проеме появился управитель, вскинул руку, привлекая внимание.

— Ваше величество, — ответил я, — меня ждут великие дела! Но я оставлю даже спасение мира, ибо не могу отказать вам... ни в чем.

Она гордо улыбнулась, отчего ее вечно кислое выражение стало вроде бы кислым чуть менее.

Глава 6

Стиснув челюсти и натужно улыбаясь, я позволил провести себя еще через анфиладу залов, как понимаю, в личные покои королевы, в которых есть и отдельные для принцессы.

Что движет королевой, пока не осознал в точности, но если в прошлый раз исходила ненавистью, то в этот раз старается быть приторно-сладкой. Я вообще-то сластена, но это какая-то патока с прогорклым вкусом...

Гвардейцы отступили от массивной крашенной золотыми вензелями двери, а слуга проворно распахнул перед нами обе створки. Я с галантным поклоном пропустил королеву с фрейлинами вперед, после чего вышел сам.

И тут же невольно замедлил шаг. Первый раз я видел Леонору в саду, где на зеленой травке под ласковым солнышком воспитательница играла с принцессой, еще подростком, но уже видно было, какой та станет.

Тогда она была в коротком платье, ноги до колен голые, здоровые и загорелые, в мелких царапинах, все-таки иногда падала, ушибалась, вся брызжущая весельем и детской радостью, но я в тот раз ощутил, что вот-вот заберут из сада, облачат в предлинное платье, скучно и занудно будут обучать манерам, правилам поведения молодой женщины, и в частности принцессы, фрейлины научат ее носить на груди золотую цепочку с бриллиантами, в ушах массивные серьги, а на лбу диадему с драгоценными камнями.

Я приблизился, поклонился. Она осталась сидеть, лишь чуть наклонила голову, на лице проступило замешательство, все ли правильно делает, но во взгляде я увидел нечто злое и непримиримое.

Платье, скрывая ноги и пол вокруг них на пару ярдов, оставляет открытыми плечи и шею. У меня сладко заныло сердце, когда увидел эти тонкие косточки ключиц, что показались мне тогда похожими на обнаженные кинжалы.

— Ваше высочество, — сказал я тихо и почтительно, — вы в самом деле прекрасны, хотя мне об этом говорили чересчур настойчиво.

Она произнесла так же тихо и сдержанно:

— Благодарю вас, ваше высочество.

— Позвольте сказать вам пару слов наедине, — сказал я.

Она замерла в испуге, беспомощно взглянула через мое плечо, как понимаю, на мать и ее свиту, уловила ответный кивок и проговорила своим фрейлинам в некотором замешательстве:

— Оставьте нас.

Фрейлины послушно поднялись и отошли на другой конец комнаты, это и есть оставить наедине, услышать не услышат, зато будут бдительно смотреть, чтобы мы не нарушили приличий.

Как догадываюсь по шелесту платьев за спиной, королева и ее свита тоже отступили на несколько шагов.

Я подошел к принцессе, преклонил перед нею колени, чтобы оказаться лицом к лицу, и сказал совсем тихо:

— Ваше высочество, я знаю, вас хотят выдать замуж за меня. Вы этому, понятно, всячески противитесь, как всякий свободный человек, не терпящий насилия. Уверяю, я не посягаю на вашу руку, но вам лучше сделать вид, что да, место жениха занято.

Она прошептала:

— Зачем?

— Откажетесь от меня, — пояснил я тихонько, — будут настойчиво предлагать другого. В конце концов, заставят выйти за того, кто полезнее для королевства.

— Ваше высочество?

— А так, — шепнул я, — вы свободны в выборе. Как только поймете, что некто вас любит, а вы любите его, можете признаться, что у нас с вами просто разговор.

Она взглянула на меня в упор, и снова у меня сердце затрепетало от сладкой истомы.

— А вам... это зачем?

Я ответил тихо:

— Ненавижу, когда женщин принуждают. Они должны быть свободны в выборе. Как и мы.

Она произнесла в нерешительности:

— Спасибо...

— Только никому ни слова, — предупредил я и поднялся. — Ваше высочество...

Она ответила церемонным, но явно потеплевшим голосом:

— Принц...

Я отступил на пару шагов, повернулся и пошел к выходу. Королева всмотрелась в меня, пока я неспешно приближался, ее рот начал расплываться в широкой улыбке, делая красивое породистое лицо похожим на жабье.

Управитель вздыхал и счастливо потирал ладони.

Я остановился в двух шагах, поклонился с достоинством.

— Ваше величество...

Она воскликнула:

— Принц!

Я возобновил церемонное движение при новом поклоне и с загадочным выражением лица, прошел мимо, но даже когда за спиной закрылись и входные двери, а подошвы моих сапог бодро простучали по ступенькам во двор, чувствовал на себе взгляды королевы и ее свиты и даже мог предположить, какие мысли и всякие там многообещающие идеи крутятся в их глиняных головах.

Бобик ринулся навстречу, на морде написано крупными рунами горькое обвинение, что меня не было целый год, а обещал на минутку, ну разве так можно!

Я приласкал этого скачущего носорога, а от конюязи конюхи уже бегом ведут арбогастра, и Бобик подпрыгнул, сразу повеселев, вот-вот снова умчимся, и никто не будет мною пользоваться, так как должен меня любить и отгонять всех только он.

От Ирама на юго-восток земли Бриттии, достаточно богатого королевства, хотя сейчас и сильно разоренного войнами, но там много народу, земли

плодородные, а чтобы выстроить новый дом взамен сгоревшего, нужны всего сутки тяжелого труда и помощь двух-трех соседей. А с огородами все еще проще и легче...

Бобик несколько раз по старой памяти бросался в стороны и успевал что-то да поймать, я ворчал, но брал, а по дороге бросал обомлевшим крестьянам. Так они получили трех оленей, двух кабанов и одного громадного лося, которого я едва удерживал на седле.

Я начал высматривать, опасаясь проскочить мимо, Квинтелард, столицу, которую в Варт Генце упорно зовут Квинтеллией.

К королю Ричмонду Драгсхолму заскочить нужно обязательно, в моих планах Бриттии отведена важная роль.

Здесь лорды, как сказано было в зачитанном некогда коммюнике, высоко оценили мой вклад в разоблачение заговора принца Клавеля, при этом я еще разбил его армию, а самого захватил в плен, тем самым не дав разгореться гражданской войне за трон.

Лорды практически единогласно настояли, чтобы король Ричмонд освободившуюся корону эрбпринца передал мне, что тот с великой радостью проделал.

Так что здесь я эрбпринц, а это значит, мое влияние в Бриттии вполне законное, а не просто как у верзилы, у которого меч длиннее. Лорды — деловые люди, они рассчитывали, что буду чувствовать себя в какой-то мере бриттийцем и покровительствовать Бриттии.

Никто не заподозрил меня в том, что могу претендовать на корону, люди осторожные, все просчитали и пришли к выводу, что когда мне захочется стать королем, то мои шансы выше в Шателлене, Варт Генце, Мезине, а про Сен-Мари вообще здесь рассказывают, как о некой сказочной стране, где я уже почти король.

Наконец впереди поднялись и начали стремительно расти высокие прямые стены Квинтеларда, столицы. Арбогастр плавно перешел на галоп, резко сбросив скорость, только Бобик унесся стрелой далеко вперед, а оглянулся уже у ворот.

Стражники давно уже другие, но, видимо, рассказы о моем первом жутком появлении здесь передаются от караула к караулу, сразу узнали, вытянулись, трепеща от усердия.

— Молодца! — бросил я снисходительно, арбогастр прошел на рысях под аркой, а затем снова галопом через город к воротам королевского дворца.

Ворота распахнуты, хотя стража бдит, чтобы никто не вошел из чужих, а когда увидели скачущего в их сторону всадника, сперва загородили дорогу, выставив копыта, потом еще быстрее разбежались.

Мы влетели в ворота, я успел погрозить пальцем, дескать, такого орла должны узнавать издали, затем стук копыт по вымощенной грубым булыжником аллее до главного дворца, где ворота не распахнуты, тепло берегут, но на широком крыльце группа придворных в распахнутых шубах греется на весеннем солнышке, что-то важно обсуждая и жестикулируя степенно, красиво и величественно.

Я бросил повод подбежавшему стражу, соскочил, веселый и грозный. Вельможи тут же умолкли и развернулись в мою сторону, настороженные и притихшие.

Продолжая уверенно улыбаться, я молодецково взбежал по ступенькам, гвардейцы едва успели распахнуть передо мной двери. По-моему, меня не узнали, но я уже научился двигаться с такой мордой, что для меня и каменную стену проломают, если не восхочу идти к дальней двери.

Я снова шел по анфиладе огромных залов, здесь больше предпочитают размеры, а не украшения, хотя есть стены сплошь в резном камне, а с балок сверху свисают радостно пурпурные полотнища с оскаленными львами на задних лапах, вепрями, медведями и прочими зверюгами, что олицетворяют собой силу и злость.

Вперед понеслись то ли разряженные слуги, то ли очень усердные придворные из тех, что помоложе. У тронного зала навстречу выбежал невысокий тщедушный человек в расшитом золотом камзоле и с малой золотой цепью на груди.

— Ваше... высочество? — вскрикнул он, вытаращив глаза. — Эрбпринц?

Я сказал весело:

— Глен, ты что пасть раскрыл? Ворона влетит!.. Я и в прошлый раз так же появился.

— Да, но...

— Без свиты и рева труб, — договорил я. — Скромный я, и застенчивый даже, понимаешь?

Он пробормотал в замешательстве:

— Да, конечно, мы уже наслышаны о вашей скромности...

— Ну вот!

— Вы проездом или надолго?

— А ты сам как бы хотел?

Он посмотрел на меня испуганно.

— Я вообще-то всегда старался от грозы держаться подальше... Вам какие покои готовить?

— Крохотную комнатку, — сказал я, — ибо завтра же и уеду. А то и сегодня, если решу все вопросы. Ты, конечно, знаешь, какие?

Он спросил в испуге:

— Ваше высочество!.. Как я могу?

— А Ричмонд сказал, — напомнил я, — ты все знаешь!

— Я и знаю, — подтвердил он, — только вы исключение. Мне кажется, вы и сами себя еще не знаете!.. Туча ж прет, а молнии из нее бьют и бьют, когда в землю, а когда и по деревьям... Ваше высочество, вот старший распорядитель, он сейчас отведет вас в ваши покои, а я пока побегу к королю, пугну и его тоже.

— Не споткнитесь, — посоветовал я вдогонку. — Король вас ценит.

В двух шагах уже переминается с ноги на ногу оса-нистый придворный в одежде королевского двора и с двумя бляхами на груди, лицо породисто-важное, но в глазах испуг.

— Ваше высочество, — проговорил он вздрагивающим голосом, — позвольте я вас... я вас...

— Что? — спросил я с подозрением. — Нет уж, лучше отведи в покои для моего принцевого отдыха.

— Я это и хотел сказать, — проговорил он вздрагивающим голосом.

Я шел уверенно, короля, как известно, играет свита, как вообще-то и любого вождя, а меня играют все, кто встречается по дороге, да так играют, что я чувствовал, как меня раздувает нечто горделивое, как морского ежа. Весом я стал точно фунтов на сто тяжелее, а в росте прибавил так, что выгляжу точно огром.

И походка у меня такая властная, что увидел бы себя со стороны, точно бы перепугался такой исполненной могущества и звездного величия персоны.

Управитель забежал вперед, делая некие знаки стражам в коридоре. Те вытянулись у стены, а двое слуг церемонно распахнули передо мной высокие двери с инкрустацией ценными породами дерева и полудрагоценными камнями.

Я перешагнул порог, вообще-то всегда по фигу, что за комната, но все с таким трепетом всегда ждут одобрения, что я и сейчас бросил через губу:

— Да, весьма, весьма... Так и передайте, одобряю.

Я снял перевязь через голову и с грохотом положил меч поперек стола, а сам плюхнулся в кресло.

— Ну, докладайте, что здесь без меня творилось?..

Управитель сказал умоляюще:

— Ваше высочество, как я посмею?

— Что, — спросил я, — нет свободы слова? Даже на кухне? Заговоры заговариваете?..

— Ваше высочество!.. Да нет более преданных слуг его величества...

— Все так говорят, — сообщил я. — Кстати, каково в королевстве соотношение церквей?

У него вытянулось лицо.

— Это... в каком смысле?

— Сколько апостольских, — пояснил я, — сколько римских?

Он замялся, развел руками.

— Точно не знаю, я же не по церквям, но если приблизительно, то примерно половина на половину. А в Пекланде, к примеру, почти все апостольские...

— Половина, — повторил я, — это уже хорошо. Тогда все восстановится быстро...

Дверь приоткрылась, с канцелярской поспешностью вошел Глен Вудруф, личный секретарь короля, поклонился с порога. Управитель бросил на него умоляющий взгляд, и Глен, даже не спрашивая моего разрешения, качнул головой в сторону двери.

Управитель со вздохом облегчения исчез. Я сказал с удовольствием:

— Уже?

Он помотал головой.

— Нет, просто рискну уточнить, вы же в прошлый раз возжелали переговорить с его величеством без всяких церемоний...

— Ну да, — подтвердил я.

— Король сейчас ведет прием посетителей, — сказал он несколько стесненно.

— Какой из приемов?

— Обычный, ваше высочество!.. Никто же не знал о вашем прибытии. Через час закончит, и тогда можете переговорить в его кабинете наедине. А пока отдохнете, примете ванну...

Я вздохнул.

— В прошлый раз мы успели еще до ванны с одалисками.

Он спросил тревожно:

— Что успели?

— Поговорить, — ответил я и поинтересовался с подозрением: — А ты что подумал?

— Я просто уточнил...

— Веди, — сказал я, — я пройду на прием. Надеюсь, его величество меня примет.

Он посмотрел с некоторым испугом.

— Разумеется, ваша светлость, разумеется! Но...

— Что еще?

— Не будет ли это умалением статуса его высочества?

Я изумился:

— А чего ты вдруг о нем стал так заботиться? Главное, статус его величества. Вы все вокруг этого статуса всего лишь подтанцовщики. И должны работать на повышение статуса короля Бриттии, ибо это повышение уровня мира, благополучия и благоденствия.

Он посмотрел на меня почти с испугом.

— Ой, ваше высочество, вы меня прям пугаете...

— Чем?

— Такие слова знаете, — проговорил он жалко. — Грамотный лорд — это что-то неестественное. Но как изволите. Только не ломайте прием.

— Все пойдет, — сказал я великодушно, — как идет. Я такой добрый, сам себе удивляюсь. Наверное, съел что-нибудь.

Глава 7

Он повел более коротким путем, гвардейцы вздрагивали и вытягивались у дверей, словно я напрямую из канцелярии по проверке деятельности королей.

У одной из боковых дверей Глен сделал знак придворному огромного роста, что застыл в оцепенении. Тот вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

— Его светлость, — проревел он оглушительным голосом, — эрбпринц Ричард Завоеватель!

Народу в зале не так уж много, хоть и не мало, все солидные и богато одетые, король мелочь не принимает, в нашу сторону начали поворачиваться медленно и заторможенно, придворный этикет никогда не нарушается вот так грубо и неожиданно.

На троне Ричмонд Драгсхолм, огромный, рыхлый, довольный, олицетворение монарха, у которого все идет не просто хорошо, а даже прекрасно. После того как его наследник Клавель в порыве стыда и раскаяния покончил с собой, корона эрбпринца перешла ко мне, как спасшего королевство от начинающейся гражданской войны, а место казненной королевы заняла женщина, любившая короля всю жизнь, он за это время стал еще толще и благодуще, во всяком случае с виду.

Сейчас вытарашил глаза, даже начал приподниматься на троне, но я вскинул руки успокаивающим жестом.

— Это напрасно, — сказал я громко, — я всего лишь тоже на прием к его величеству!.. Ваше величество, умоляю вас, не прерывайте ради меня прием... Хотя, разумеется, не буду против, если удостоите меня аудиенции вне очереди.

Он опустил на трон и плотно взялся за подлокотники, словно я сейчас начну его оттуда сволакивать, всматривается с напряжением, стараясь понять, что у меня за игра.

Весь зал замер, придворные и королевские гости вытянули шеи и затаили дыхание, что же такое происходит, а Драгсхолм наконец проговорил медленно:

— Ваше высочество, приветствуем вас в нашем королевстве... Надеюсь, вы захватили с собой хорошие новости?

Я воскликнул:

— Разумеется!..

Он сказал с чувством:

— Как я люблю хорошие новости...

— Вам шлют заверения, — объявил я громко, чтобы услышало как можно больше народу в зале, — в преданности и совершеннейшем почтении фрейграф Виллебуа-де-Марейль, граф Аскланд, граф Каундифепбирф... и многие другие герои Бриттии, заслужившие уважение участников похода против узурпатора и попирателя христианских ценностей Мунтвига!

Все слушали внимательно, но я краем глаза увидел недоумение на лицах как в зале, так и ближайших придворных, выстроившихся справа и слева от трона.

Король всмотрелся в меня и спросил в лоб:

— Насколько я помню, Виллебуа-де-Марейль просто граф... как и Аскланд всего лишь барон?

Я воскликнул громко, стараясь, чтобы услышали даже в дальнем конце зала:

— Ваше величество! Как такие герои могли остаться с теми же титулами? Граф Виллебуа-де-Марейль, насколько я помню, первым получил высокий титул и огромные земли с замком, городами, лесами и озерами в бывшем королевстве Эбберт, которое теперь ликвидировано.

В зале зашумели, но сдержанно, а еще всюду шикают друг на друга, чтобы не мешали слушать их эрбпринца.

Король переспросил:

— Королевство Эбберт... больше не существует?

— Увы, — согласился я. — Там не нашлось и десяти праведников, как потребовал Господь на просьбу Авраама пощадить Содом и Гоморру. По правде говоря, нашлась только одна, да и то женщина... Хотя вообще-то я и не искал, но это неважно.

— А что, — спросил он в мертвой тишине зала, — там теперь?

— К примеру, — ответил я, — там барон Аскланд, что теперь граф, получил следующим после графа Виллебуа-де-Марейля обширные земельные угодья... как вы понимаете, земли королевства нужно было отнять и поделить, что мы и сделали. Добавлю разве что, все бриттские воины, даже незнатные, что пошли с моим войском, получили крупные награды!

В зале начался шум, король зыркнул в одну сторону, другую, похлопал ладонью по подлокотнику, кивком подозвал Глена Вудруфа.

Тот, даже не советуясь с королем, приподнялся на цыпочки, стараясь стать выше ростом, и прокричал:

— Прием на сегодня окончен!.. Прием окончен!.. Его величество удаляется для государственных переговоров с эрбпринцем Ричардом. Всем спасибо!

Вельможи не спешили покидать зал, поговорить теперь есть о чем, а мы с Ричмондом вышли через за-

днюю дверь за тронем, прошли по узкому коридорчику с гвардейцами на каждом шагу, и вошли в его личный кабинет.

— Прошу вас, принц, — сказал он, указывая на роскошное кресло. — Вы ведь для этого заявления так поспешно, пренебрегая величавостью, прибежали в зал приемов?

— Простите, ваше величество, — сказал я с широкой улыбкой, — я не мог упустить случай сделать вам такую рекламу!

— Гм, — проговорил он. — Мне?

— Заодно и себе, — уточнил я. — Но разве плохо, что ваши лорды получают огромные земельные угодья на свободных территориях?

Он сказал сварливо:

— Это себе вы сделали рекламу. Дескать, кто идет с вами, возвращается с богатой добычей, титулами и, подумать только, пожалованными замками!

— Не без того, — согласился я. — Ну, спрашивайте... я же вижу.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Скажите честно... что с моей дочерью? Как вы понимаете, я не могу не спросить...

— Отвечу честно, — сказал я, — даже положив руку на Библию, если в вашем королевстве такая книга найдется. Ваша дочь пошла целиком в отца. Она умна, отважна, быстро и точно соображает, дает ценные советы, а как женщина уже вскружила головы нашим принцам... куда там графу Сноррику!.. У меня с полсотни герцогов в армии, но им к Лиутгарде не протолкнуться, там принцы чуть не дерутся за право провести вашу дочь на пиру к ее креслу.

Он всматривался в мое лицо, взгляд недоверчивый, наконец засопел и откинулся на спинку кресла.

— Вижу, не врете. Но все равно, ваше высочество, вынужден вам попенять. Было рискованно брать ее с собой. Мое родительское сердце обливается кровью.

Я развел руками.

— Мы уходили быстрым маршем, как вы помните. Уже поздно было ее хватать, связывать и везти обратно в Квинтелард. Зато в нашей армии она окружена таким почетом, какого никогда не видела и не сможет увидеть в королевском дворце. Ей уже стихи сочиняют, в ее честь обеты дают! Боюсь, ваше величество...

Он напрягся, снова впился в мое лицо взглядом.

— Чего?

— Она сама отыщет себе жениха, — объяснил я. — У нее ваш неукротимый характер. Она сильная, волевая, решительная и очень самостоятельная. Как и вы.

Он вздохнул.

— Увы, все верно. Даже не знаю, плакать или радоваться. А еще не знаю, как жене сказать...

— Лионетте? — спросил я осторожно. — Надеюсь...

— Да, — ответил он. — Мы вступили с нею в брак.

— Поздравляю, — сказал я искренне. — Ваше величество, это достойная женщина. Она сделает вас счастливым!

— Уже сделала, — ответил он со слабой улыбкой, затем с усилием вернул себе строгость и серьезность. — Ваше высочество, вы так много для нас сделали...

Я отмахнулся.

— Это не только для Бриттии, дорогой друг. Нужно, чтоб и сама Бриттия не нападала на соседей.

Он заулыбался так, словно услышал самую диковинную шутку на свете.

— Бриттия?.. Да мы все живем с мечтой, чтобы нас не трогали!.. А то все соседи такие воинственные.

— Соседи могут поглядывать и на вас с опаской, — сказал я. — Да-да, вы живете мирно, потому

накопили огромную мощь в виде избытка молодых сильных мужчин. А еще у вас хорошая промышленность, можете в любое время поставить под копье такую армию, какую не наберут в соседнем Варт Генце, что побольше вас по территории, или в Гиксии, где свои проблемы.

Он перекрестился.

— Мы? Да ни за что! И никогда!

— За этим я и приехал, — сказал я серьезно. — Дорогой друг, я придумал и разработал в деталях некую систему безопасности в регионе. К вам я первому, вы человек мирный и точно ее поддержите, в то время как остальных придется уговаривать, уламывать, что-то обещать.

Он насторожился, даже мирный человек не захочет поступаться чем-то важным, спросил опасливо:

— Что за система?

— Если вкратце, — сказал я, — то все короли этого региона дают клятву и подписывают документ, что будут жить в мире и поддерживать справедливость в своих королевствах. Как вы понимаете, под этим охотно подпишется каждый король. Кто не считает себя справедливым? А из этого пункта вытекает второй: жить и развиваться в своих границах, не нападать на соседей.

Он слушал внимательно, кивнул.

— И этот подпишут, хоть и со скрипом. Потому что всегда можно найти оправдание, дескать, он напал первым, спровоцировал... даже просто оскорбил! Этого достаточно для войны.

— Верно, — согласился я. — Дальше следует третий пункт, он же последний.

— Да, ваше высочество?

— Все королевства, — сказал я, — подписавшие этот договор, обязаны немедленно прийти на помощь

тому, на кого напали. Сперва прислать предупреждение агрессору, чтобы отозвал войска и оплатил нанесенный ущерб, а если этого не сделает...

Он пробормотал задумчиво:

— Кто-то устроится и отзовет... а кто-то и не поверит в такую угрозу.

— Тогда королевства, — сказал я, — подписавшие договор, приходят на помощь уже войсками! И чтобы эта помощь не оставалась абсолютно бескорыстной, хотя это так и есть, мы подкрепим ее одним обязательным пунктиком...

— Ваше высочество?

— Расходы на войну всегда велики, — напомнил я. — Потому их заставим оплачивать того, кто напал на одного из наших. Таким образом, каждое королевство вернет все деньги, истраченные на помощь пострадавшему.

В его глазах мелькнуло понимание.

— Союз королевств... гм... если на такой основе взаимопомощи...

— На такой, — подтвердил я. — Виновных будем заставлять расплачиваться так, что ни ему, ни другим больше не захочется нападать даже на самое малое королевство, что входит в наш союз!

Он спросил с внезапным интересом:

— Вы намекаете...

— На обязательность военных репараций, — подтвердил я. — Виновный должен будет не только оплатить все расходы тех стран, что пришли на помощь пострадавшему, но и отдельной статьей расходов еще должен возместить все убытки тому, на кого напал.

— Гм, — проговорил он, — это тяжкая ноша...

— Ничего, — заверил я жизнерадостно, — мы милостиво разобьем уплату долга на несколько лет. Но

не слишком уж, а чтоб ноша оставалась тяжелой. Тогда в следующий раз нападать точно передумает.

Он воскликнул с заблестевшими глазами:

— Такое королевство на несколько долгих лет не в силах будет вообще содержать армию!

— Что нам и нужно, — подытожил я. — Вообще-то у меня есть подозрение, что его правители сами начнут проситься в наш союз.

Он сказал с жаром:

— Я подпишу! Подпишу, не задумываясь!

— Отлично, — сказал я. — Значит, вторая подпись уже есть.

Он округлил глаза.

— Простите...

— Первую поставит король Иоганн-Георг, — объяснил я. — Он полон энтузиазма. А от вас я заскочу в Гиксию. Уверен, третью подпись тоже получить сумею.

Он наморщил нос.

— Еще бы! Принц-регент. Вы сами ее и поставите.

Я улыбнулся.

— Значит, ваше величество, программу визита я уже исчерпал. Вот такая я деловая свинья, что делать.

— Это как...

— Получил, — объяснил я, — что мне надо, и сразу смываюсь.

Он возразил с чувством:

— Это всем нам очень надо! Вы же паладин и не для себя это делаете...

— Отчасти и для себя, — ответил я, он тут же насторожился, я пояснил торопливо: — Очень уж хочу жить в мире и лежать на диване, а не носиться вот так в ночи и по морозу, а теперь еще и по грязи, устраняя всякие там несправедливости! Пусть они сами устраняются на местах, почему это должен делать я?

Его лицо потеплело, сказал растроганно:

— Ну да, это же мы можем лежать на диванах даже во время несчастий, а вы обязаны, как паладин, всегда на коне и с обнаженным мечом в руке и оскаленным взором... До тех пор, пока не наступит везде мир и обещанное благолепие.

— Вот-вот, — подтвердил я. — Так что это и мое личное дело. Теперь уточним сразу, что нужно сделать конкретно. И прямо щас, ваше величество...

Глава 8

Он насторожился снова, даже чуть приподнялся, в глазах неуверенность перерастает в сильнейшее беспокойство.

— Ваше высочество?

— Пришло время действовать, — сказал я мягко, но предельно твердо. — Не люблю такое говорить в силу своей необыкновенной застенчивости и даже, я бы сказал, интеллигентности, тьфу, какое гадкое слово, но жизнь заставляет делать многие неприятные вещи добровольно и даже с песнями.

Он смотрел с напряжением в лице и тревогой в глазах.

— Ваше высочество?

— В Варт Генце, — напомнил я, — все еще бушует гражданская война.

Он проговорил осторожно, еще не предполагая, куда я поверну, но уже чувствуя себя несчастным:

— Доходят слухи... Да, доходят. Всякие.

— Борьба за трон, — напомнил я. — Нет, вы представляете это свинство? Я там полноправный регент, сами же выбрали, никто не принуждал! Пусть и не на постоянной основе, а всего на год, но это было всеми

оговорено, и все подписались! Поклялись свято, что за год мирно все вопросы и вообще все утрясут, чтобы не начинать резню, когда нет уверенности в победе.

— Разумно...

— Да, — вздохнул я, — но когда срок моего регентства начал подходить к концу, все даже дыхание задержали перед прыжком на трон. А тут весть... вернее, отсутствие всяких вестей обо мне, их суверенном и ненаглядном якобы регенте.

— Почему якобы?

Я отмахнулся.

— Прекрасно понимали, я не сяду на трон и не начну рулить. Во-первых, знали, как ненавижу это дело, во-вторых, догадывались о моих заботах в других краях. Я нужен был, чтобы вроде бы держать трон занятым, пока они за год сговорятся, кому же из них стать королем. И вот за несколько недель до окончания моего регентства началась гражданская война!

Он спросил медленно:

— Вы хотите, чтобы я повел туда армию? Или даже намерены повести ее лично?

— Зачем? — спросил я. — У меня своя еще не разбежалась. Не обижайтесь, но она громила армии Мунтвига. Это я так, как не похвастаться, когда повод ну прям сам лезет под руку? Но вы правы, ваше величество. Ваше вмешательство необходимо. Воевать не нужно, нужна демонстрация готовности вмешательства. Это именно тот случай, который мы только что мудро обсуждали.

Он нахмурился.

— Вы же знаете, после Мунтвига от моей армии одни ошметки. Даже, если созову всех вассалов.

— Созовите, — сказал я. — И приведите на границу с Варт Генцем. Под своими бриттскими знамена-

ми. Моих не нужно. Достаточно и того, что вы любезно прибыли по моей личной просьбе.

— Это нетрудно, — ответил он уже не так скованно. — Вы эрбпринц, наш друг и ценный союзник. Мы действуем заодно, все и так это понимают.

— Пусть увидят, — сказал я. — Лучше всего на стык границ Скарляндии и Варт Генца.

— Скарляндию тоже нужно усмирять?

— Скарляндцев пугнут войска, — сообщил я, — ну пусть пока только отряды из Ирама и Пекланда. Но и ваши пусть будут близко. Ваше величество, я миротворец! И любые конфликты предпочитаю решать, не вынимая мечей из ножен.

Он посмотрел на меня с сомнением.

— Правда?

— Вы же видите!

Он вздохнул.

— Да вижу...

— И что?

— Смотрю и не верю, — ответил он чистосердечно. — У вас вот кровь кипит, вам же драться хочется!.. А вы, не вынимая мечей... Я просто не знаю, чему верить.

— Только мне, — сказал я. — Все врут, вы же знаете. Все рождаются в грехе, только я уж и не знаю, как таким уродился замечательным и безупречным.

Он подумал, ответил с осторожностью в голосе и движениях, словно собрался танцевать с чашей в руках, полной воды:

— Я соберу всех, кого смогу, и приведу на границу между Скарляндией и Варт Генцем.

— Спасибо, ваше величество!

— Надеюсь, там не сочтут это как объявление войны.

Я сказал значительно:

— Ваше величество! Говорю вам пока по секрету... на трон сяду я. Уже твердо и законно. Как человек, остановивший гражданскую войну. Дважды. Второй раз — окончательно. Видите, какой я почти бескорыстный благодетель? Потому вы должны беспокоиться не о том, как воспримут ваши действия неведомые лорды Варт Генца... скорее всего, я их перевешаю за мятежи и обильно пролитою кровь соотечественников. Чужих бы ладно, а то кровь своих проливали почем зря!

Он наклонил голову, но все еще смотрел на меня исподлобья.

— Я понял, ваше высочество. Вы хотите, чтобы ваша победа была сокрушительной... не только в военном отношении.

— Именно! — воскликнул я.

Он чуть улыбнулся, уверенный, что понимает мои нехитрые мысли, а я тоже улыбался чисто и открыто, пусть думает, что разгадал.

— Я все сделаю, — пообещал он. — Мне, как очень не воинственному королю, идея всеобщего мира кажется очень привлекательной.

Зайчик идет на такой скорости, что ветер не свистит в ушах, а злобно ревет. Я укрылся под гривой и с тоской вспоминал Квиллиону Шелкоперую, в прошлый раз было время и место, а сейчас почти и не вспомнил, только теперь вот как наяву вижу ее крепко сбитое тело, копну черных волос, что так чувственно рассыпаются по подушке, ее глаза цвета запекшейся крови, щеки в огненном румянце, что на загорелых под солнцем щеках выглядит багряным.

Когда встречный ветер промораживает тело насквозь, как ни кутайся в шубу, только и вспоминать

ее полные и сочные губы, похожие на созревшие черешни, ее горячее тело и крепкие объятия...

А какие обещающие улыбки посылала мне в прошлый раз леди Грейда, подруга Аллераны Баттенширской? А леди Бренда, ее вторая подруга, вообще улыбалась не просто обещающе, а многообещающе, но я, вот такой самоотверженный подвижник и вообще чудо, мчусь через холод и ветер, хотя они здесь же в Бриттии, рукой подать, всего лишь повернуть арбогастра чуть на юг, и через четверть часа, а то и раньше, уже могу оказаться в теплой постели одной из...

Границы между королевствами обычно проходят по рекам, болотам, горным цепям, а земли везде одинаковые, так что я не успел заметить, когда оказался в Гиксии, но хотя дремучие крестьяне на обочине одного из полулесных сел не сумели объяснить, как называется их королевство, но слышали однажды, что есть такой король по имени Натаниэль Стокбридж...

— Понятно, — сказал я, — значит, Гиксия...

Объяснять им не стал, что король Стокбридж давно убит, пусть основы власти выглядят незыблемыми, пустил арбогастра в галоп, оставив их с распахнутыми ртами, родится еще одна легенда о громадном таинственном всаднике на сказочно быстром коне, которого сопровождает чудовищных размеров ужасающий пес.

Странно подъезжать к столице королевства, в котором не был, но где считаюсь принцем-регентом, в руках которого вся власть. Понятно, что, вздумай в самом деле начинать рулить, меня бы сразу остановили, то ли вежливо напомнив, что это был вариант предотвратить войну за трон, а на самом деле я здесь никто, то ли просто устроили бы мне мартовские иды.

Однако же авторитет у меня здесь какой-то есть, иначе бы вообще не выдвигали мою кандидатуру. Ко-

нечно, все учитывали, что не явлюсь и не скажу: вот я, где мой трон, сейчас все в королевстве переверну по-своему, но ведь были явно и другие кандидатуры...

Крепостная стена из массивных глыб серого цвета, где попадаются разных оттенков, из-за чего стена смотрится живописнее, и только два ярких пятна: по обе стороны такой же серой двери по гвардейцу в красных с золотом одеяниях, с копьями в руках. Длинные стальные наконечники блестят молодо и весело.

Города Гиксии не отличаются от городов Ирама и Пекланда, а если и отличаются, то лишь женщина сможет заметить, они даже рюшечки замечают на других женщинах. А я смотрел только на стены и башни, везде все функционально, а что где-то стены толще, а башни выше, так это всего лишь говорит, что людей здесь побольше, потому и оборона лучше.

Правда, когда показался Этервиль, столица Гиксии, я сразу ощутил, и что это столица, и что над нею поработали не только специалисты по обороне.

Стена высока и достаточно изящна, а башни самые высокие из всех, что я видел здесь, на севере. Главное, не только высокие, но и тонкие, словно служат всего лишь как наблюдательные, призванные не столько защищать город, как украшать его.

По дороге к городу тащатся две телеги, колеса стучат по камню брусчатки, здесь местами даже подсохло, хотя в канавах снег почти не начал таять.

Я догнал, крестьяне замерли, глядя на ужасного громадного пса, что с легкостью перепрыгнет повозку и не заметит, а я крикнул доброжелательно:

— Хороший денек, верно?.. Это что за башни такие?

Двое уставились на меня, широко распахнув глаза и с отвисшими челюстями, а третий сказал несмело:

— Да кто его знает... говорят, в старые времена в них жили колдуны...

— В какие старые? — спросил я.

Он почесался, ответил очень серьезно:

— В очень старые. Когда наших прадедов еще не было на свете. И даже ихних прадедов.

— Ого, — сказал я. — Не думал, что башни такие старые.

— Они не старые, — возразил он. — Их всегда такими строят.

— Зачем?

— А вдруг колдуны вернутся? — сказал он резонно. — Говорят, с ними было счастье.

Я подумал, кивнул. Все верно, мы тоже вывешиваем на столбы и деревья скворечники. Авось прилетят скворцы. От них и веселее, и гусениц собирают по всему саду.

— Хорошая идея, — одобрил я. — Могут и вернуться. Только всегда ли от них добро?

— Но старые люди говорили...

Но я пустил коня в галоп и уже не слушал. В высокой стене и ворота высокие, в правой створке прорезана калитка, но сейчас обе распахнуты настежь: войны нет, до ночи еще далеко, а товары везут и везут в обе стороны.

Бобик подбежал к воротам первым, стражи закрылись щитами, но не попятись, а отважно выставили копья. Бобик оглянулся за меня словно бы за разрешением растерзать их.

Стражи дрогнули и отступили на пару шагов. Я вскинул руку в приветствии.

— Как жизнь, ребята?

Из сторожки выскочил рыцарь, крикнул:

— Стой! Кто...

Голос его прервался, он вытаращил глаза, а я сказал зловеще ласково:

— Своего принца-регента должны знать в лицо! Разве мои портреты не развешаны на всех заборах?.. Нет?.. Ну и слава богу... Бобик, пойдем в наш дворец, навестим баядерок... Мой как бы дворец!

В городе мы двигались по улицам гордые и надменно веселые, все хорошо, мы развлекаемся, потому вот и все хорошо, ребята, не пугайтесь, хотя мы все трое хороши...

Королевский дворец виден издали позолоченной крышей, такое вижу впервые, но в остальном типовая крепость, украшенная статуями и колоннами уже явно позже.

На воротах в сад нас остановила целая группа копейщиков. Я сказал с ласковой угрозой:

— Ребята, а мне обидно, что вы не признали Ричарда Завоевателя... Хотя бы по коню и собачке! Про себя уже молчу. А когда обижаюсь, то лют и нещаден во гневе, безудержен и... что-то там еще, забыл.

Они еще хлопали глазами, когда один вскрикнул:

— Ваше высочество!.. Вы наш принц-регент?..

— А кто ж ищщо? — спросил я надменно.

Он всплеснул руками.

— Простите, что не признали!.. Вы так изменились, так изменились... к лучшему, конечно.

— Ага, — сказал я, — конечно, изменился. И только к лучшему. Я такой, хотя в чем-то и неизменный, как положено доминанту в доминантных обстоятельствах полного или частичного доминирования.

Они все разом ринулись открывать ворота, Бобик вбежал первым, остановился и победно посмотрел на арбогастра. Тот фыркнул и сделал вид, что это слуг всегда пускают вперед, всякую чернь, их не жалко, а благородные идут сзади, как положено.

Во дворе масса народа, явно пригнанного из города, выносят остатки снега, чистят вымощенные камнем дороги и готовят сад к весне.

Королевский дворец состоит из трех близко расположенных зданий, я проехал под массивной аркой, в своде видны щели, откуда опускаются в случае необходимости железные решетки.

Арбогастр гордо процокал копытами по главной аллее к главному зданию. Я нарочито пустил его медленно, словно бы любуясь, как хорошо рабочие убирают снег, это женщины смотрят, где бы цветочками полюбоваться, а мы, доминанты, серьезные существа, рациональные, деловые, практичные...

Из здания выбежали двое в богатой одежде старших слуг, закричали в один голос:

— Ваше высочество?.. Принц Ричард?

— Что, — изумился я, — не совсем похож?.. Ах, война, что ж ты сделала, подлая... Вам хорошо, вы почти не воевали... Или воевали?..

— Ваше высочество, — сказал один торопливо, — я держу коня!

— Отлично, — одобрил я. — А кто подержит собачку?.. Ну что вы, ребята... Я разочарован. Ладно, Бобик, моя ласковая собачка, раз тебя здесь так обижают, пойдем со мной.

Глава 9

По ступенькам я тоже поднимался медленно и вальяжно, пусть успеют во дворце предупредить кого нужно, очистить дорогу, начиная от холла, быстро собрать ответственных лиц, раз уж здесь самый главный как раз я, и на трон могу сесть и не вставать, пока будет подрастать семилетний Теодорих.

Здесь мятеж случился еще с подачи Мунтвига, когда он пообещал ряду баронов нечто такое, из-за чего те решили восстать против короля Натаниэля Стокбриджа.

Потом король погиб, его старший сын принц Себастиан вел борьбу с восставшими баронами, что не хотели признавать его королем, так что эта кровавая борьба полыхала еще с того времени, когда я только-только выступил из Варт Генца навстречу Мунтвигу.

Сейчас воочию вижу, королевство поспешно зализывает раны, везде рабочие сносят обгоревшие руины, торопясь возвести на их месте новые постройки.

В залах первыми навстречу бросаются красиво разодетые гвардейцы с позолоченными древками пик, но тут же отступают и почтительно замирают, сообразив, кто изволит идти с таким королевским видом и поступью настоящего императора, придворные же только поворачиваются на месте, провожая меня испуганными и настороженными взглядами.

Посреди третьего зала навстречу ринулся грузный человек с такой прытью, что я даже замедлил шаг, дабы не сбил с ног, настоящий носорог в раззолоченных одеждах.

— Ваше высочество!.. Ваше высочество!

Я остановился, сказал великодушно:

— Да, это я, мое высочество, ага. Молодец, признал.

Он быстро поклонился.

— Ваше высочество, я королевский сенешаль, сэра Ростальшир. К вашим услугам, ваше высочество!

Я отмахнулся.

— Да я так просто, мимо еду. Канцелярия сэра Гордона где-то поблизости?.. Или на его месте теперь кто-то другой?

Он ответил с поклоном:

— По вашему мудрому указанию все оставлено как есть, вплоть до взросления принца Теодориха.

— У меня все указания мудрые, — сказал я с удовлетворением. — Вижу, Совет Лордов правит так, как я бы желал...

— Изволите вызвать сэра Гордона?

— Куда, — спросил я, — сюды в коридор? Нет уж, лучше зайду к нему лично. Посмотрю, как устроены в быту мои королевские секретари.

— Тогда вам дальше, а затем налево... Сэр Гордон всегда находится вблизи королевских покоев, потому что покойный король мог его потребовать к себе и среди ночи.

— Хорошо, — сказал я и добавил милостиво-строго: — Идите отдыхайте. Позову, если что и где когда почему-то.

Он остановился, кланяясь мне в спину, а я прошел дальше по коридору, налево дверь с королевским гербом и геральдическими знаками, я толкнул ее ногой, утверждая свой статус милостивого короля.

В просторной комнате, заполненной мебелью делового деятеля королевского масштаба, за столом сгорбился человек с длинным гусиным пером в руке, выводя на длинном листе сложные каракули.

На стук двери вскинул голову, узнал мигом, вскочил и склонился в почтительнейшем поклоне. Я прошел к столу, сел в кресло и, развернувшись в сторону бывшего личного секретаря короля Стокбриджа, некоторое время рассматривал его молча и пристально.

— Итак, — проговорил я с расстановкой, — сэр Гордон... если не ошибаюсь, Сангстер, вы же Сангстер?...

Он ответил, не поднимая глаз и не разгибаясь из полупоклона:

— У вашего высочества отличная память.

— И как вы, барон Сангстер, работаете сейчас, когда вы были секретарем короля, а теперь... всего лишь секретарь принца?

Он ответил, не меняясь в лице:

— Ваше высочество может сменить меня прямо сейчас.

Я поинтересовался:

— А нужно?

Он ответил тем же тоном из полупоклона:

— Вам виднее.

— Хороший ответ, — одобрил я. — Почтительный! Хотя и неверный. Как мне может быть виднее?.. Когда мне виднее, я просто вешаю.

Он ответил кротко:

— Ввиду свойственной вам мудрости.

— Спасибо на добром слове, — сказал я. — Я, конечно, мудер, чтобы вот так издали и не глядя... Нет, сперва допрошу с пристрастием. Могу и пальцы поприжимать дверью, а могу и не только пальцы... Итак, признавайтесь! Во всем и сразу.

Он развел руками, ответил так же ровно и почтительно:

— Совет Лордов решил, что я должен выполнять ту же работу, что и раньше. Разумеется, до вашего прибытия.

— Ага, — сказал я, — а с моим прибытием эту работу должен выполнять я?.. Не дождетесь!

Он наконец разогнулся полностью, взглянул в мое лицо с тревожным ожиданием.

— Ваше высочество...

— Ну?

— Позвольте поинтересоваться...

Я сказал милостиво:

— Ну что за долгие вступления? Давай интересуйся сразу. Без формальностей.

— Вы примете на себя управление королевством?
Я изумился.

— С какой стати? Ты же сам сказал, что я мудер? Или не сказал?.. Почему не сказал, когда это сразу видно издали?.. В общем, нельзя вмешиваться в то, что уже работает. Как я понял, гражданская война затихла... когда уже нечего было жечь и некого убивать?

Он кивнул.

— Отчасти. Но еще больше способствовало окончанию распрей несколько запоздалое, если говорить правду, решение собрания лордов принять присягу младшему сыну короля, а регентом назначить вас. Умиротворению способствовала и ваша грозная слава тирана с длинным мечом в длинной руке, и то, что трон не достанется никому из претендующих, а только законному наследному принцу, сыну короля Стокбриджа...

— Ну вот, — сказал я, — ключевое слово «умиротворение». Думаю, ты неплохо справляешься с делами, если все еще на том же месте и в тех же сапогах.

Он ответил ровно:

— Потому что я не служил королю, не служил принцу Себастиану, а служил и продолжаю служить королевству и той власти, что в данный момент имеется.

— Самая разумная позиция, — согласился я. — Кроме того, еще правильная. Что люди? Они меняются, а королевство остается. С его вечными интересами и запросами.

— Спасибо, ваше высочество.

— А теперь, — сказал я, — пока народ собирается, введите меня, сэр Гордон, по-быстрому в курс дел.

— Ваше высочество, — спросил он с настороженностью, — что вам угодно узнать в первую очередь?

Я взглянул остро и с тем выражением, чтобы он сразу понял, меня не проведешь, я мигом улавливаю эти нюансы и акценты.

— Сэр Гордон, — отрезал я, — меня не интересует длина платьев придворных дам, как вы должны понимать. Хотя, конечно, интересует, но как государственного деятеля, а не самца, это же моральный облик всей страны, но не настолько, чтобы начинать с него. Начинайте с главного!.. Нет-нет, наливать не нужно.

— Ваше величество?

— Для меня это не всегда главное, — сказал я.

Он ответил поспешно:

— Просто я хотел определить, простите... Вы же Завоеватель, а из нас какие завоеватели?.. О том, что гражданская война за трон опустошила королевство больше, чем орда Мунтвига, вы уже знаете?

— Знаю, — подтвердил я. — К сожалению, ведают об этом и соседние королевства. Даже не понимаю, что им мешает напасть на ослабленную раздорами добычу.

Он тяжело вздохнул, развел руками.

— Положение выправилось, ваше высочество, когда было решено отдать корону принца-регента вам.

Я проговорил так же неспешно, словно не слыша:

— Хотя вообще-то знаю...

— Ваше высочество?

— В землях Варт Генца, — объяснил я, — вашего основного соперника, тоже бушует гражданская война. Иначе бы вам пришлось плохо. Ладно, каково положение дел сейчас?

— Сравнительно устойчивое, — доложил он с готовностью. — Принц Себастиан, как вы, наверное, знаете тоже, не согласился с решением лордов и, отступив с небольшим отрядом сторонников, делал на-

беги на земли лордов, признавших вас принцем-регентом.

— Делал, — повторил я, — это прошедшее время. А что сейчас?

Он развел руками в жесте сожаления, искреннем или притворном, не угадать, ибо голову опустил, пряча глаза.

— Два месяца назад он был тяжело ранен, долго болел, но оправиться так и не сумел. С его смертью сопротивление практически прекратилось, многие лорды ушли из его лагеря, а дружины распустили по домам.

Я поинтересовался:

— А бароны Малькольм Маунтбеттен, который владетельный хозяин земель Кленрольда и Таутбента, и барон Аманар Камберленд, лорд Гритстокса?

Он сказал уважительно:

— У вас хорошая память, ваше высочество.

— Вынужден, — ответил я сухо.

— Эти двое, — сказал он, — самых верных соратников принца Себастиана сложили оружие и признали своим сюзереном принца Теодориха, которому сейчас семь лет.

Он замер, ожидая вспышки сюзеренного гнева, но я подумал, кивнул.

— Все верно.

— Ваше высочество?

— Они, — пояснил я, — сохранили свою честь. Я не собираюсь гневаться, оба молча признали мое регентство на то время, когда будет подрастать Теодорих.

— Вы поняли мотивы их поступков верно, ваше высочество.

— Как остальные?

— Если учесть, — ответил он с поклоном, — что барон Маунтбеттен и барон Камберленд были главной опорой сопротивления, а теперь они на вашей стороне...

— Нейтральны, — уточнил я, — но это меня устраивает. Судя по вашему виду, бунтующей мелочи много?

— Открытых выступлений нет, — заверил он. — Разрушений было слишком много, королевство отстраивается, и все думают только о том, как выжить.

Я хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, сделаем так. Пока еще зима, вся знать сидит в своих домах в столице, потому созвать Малый Совет будет нетрудно.

Он сказал с подобострастием:

— Даже Большой!

— Большой не надо, — оборвал я. — Его не годится собирать в спешке. Для Большого необходима величавость и эпическая неторопливость в подготовке, а мне пора ехать дальше. К тому же оба понимаем, Большой — всего лишь дань уважения древнейшим традициям и жест для народа, якобы с ним считаются, ну да, еще бы, на самом же деле решает все Малый.

Он возразил торопливо:

— Решаете все вы, ваше высочество!

Я усмехнулся.

— Вот вы какие громкие заявления начали делать, когда поняли, что ничего решать не собираюсь?..

Он воскликнул, все же смутившись:

— Ваше высочество!

Я сказал успокаивающе:

— Правильно, барон. Учтивость должна присутствовать во всем. Тогда сделаем так: срочно разошлите всем приглашение явиться во дворец, где я проведу беседу и познакомлюсь с народом. Заодно скажите,

что утром планирую отбыть, так что, если кто капризничает и восхочет отложить визит на позднее время, тот меня не узрит.

Он открыл рот в изумлении, но спохватился, ответил с поклоном:

— Распоряжусь немедленно!

Я сделал движение пальцами, словно чуть отодвинул на столе чашку, и он, все поняв, поспешно метнулся к двери.

Разумеется, самостоятельным и самолюбивым лордам, подлинным хозяевам королевства, не понравится мое приглашение, высказанное в таком повелительном тоне, что и понятно, у каждого самолюбие раздуто до того состояния, что вот-вот лопнет, однако же понятно, это не каприз принца-регента, а необходимость, если завтра с утра планирую мчаться в Варт Генц, где в самом деле все горит...

Я подошел к окну, посмотрел из-за шторы. Многие уже съезжаются, даже не получив от сэра Гордона приглашения. Информация — великая сила, все хотят быть информированными.

Глава 10

Вернулся он через час, поклонился с порога и доложил без всяких долгих церемоний, что гонцы разосланы за всеми дальними лордами, а в городе глашатай прокричал на городской площади насчет собрания лордов в королевском дворце ввиду прибытия принца-регента Ричарда Завоевателя.

— Встревожены? — поинтересовался я с любопытством. — Все еще побаиваются, что я посматриваю на корону?.. А вы что думаете, сэр Гордон?

Он ответил уклончиво:

— Опасно быть правым, когда правитель ошибается.

— Ого, — сказал я, — вообще-то об уме правителя судят по тому, каких людей он приближает.

— Ваше высочество?

— Вас я еще не повесил, — сообщил я. — Значит, доверяю.

— Доверяете, — согласился он, — потому что знаете, править трудно. Потому умные с охотой препоручают эту обязанность дуракам — для тех трудностей не существует!

Я посмотрел на него исподлобья.

— Не понял...

— Ваше высочество?

— Это вы меня так изысканно дураком назвали?

Он в испуге всплеснул руками.

— Ваше высочество, как посмею?.. К тому же мы знаем, вы никогда не стремились к трону. Потому вам так и совали со всех стороны короны! А иначе разве подошли бы к вам с короной близко?.. У вас потом обратно не выхватишь!

Я поморщился.

— Вот такая у меня двойственная репутация?.. Ладно, работайте на славу королевства, а я пока пройдусь...

— Ваше высочество?

— По дворцу, — пояснил я. — Должен я знать, где у меня что лежит, или как?.. Сопровождать не надо, я же дома или где?

Он воскликнул поспешно:

— Как скажете, ваше высочество!.. Это ваше королевство!

Обход занял пару часов, если не больше, королевство — хозяйство большое, потому следит за ним

разветвленная канцелярия, разбитая на отделы и департаменты.

Я делал вид, что просматриваю документы, сверяю цифры ожидаемых налогов и уже собранных, хотя что там сверять, народ одинаков во всех королевствах, на самом деле больше присматривался к служащим, стараясь понять, как относятся на самом деле к такому правителю.

Жаль, во всех конторах одни доминанты, ни одной субдоминантки, придется спуститься в общий зал, там придворные дамы, еще когда шел во дворец, уже строили глазки, даже не узнав, кто я за, а теперь, понятно, проблем не будет, но слишком уж просто и прямо, это похоже, как если бы пошел на улицу красных фонарей и там выбирал ту, что подходит лучше всего для моих змеиных нужд.

Хотя самые умные или хитрые должны бы догадаться делать вид, что идут в библиотеку или в консерваторию, вроде бы результат тот же, но не так явно, все мы нуждаемся в некоторой романтизации этой процедуры, и даже с проститутками чаще всего сперва начинаем «за жизнь» или хотя бы спрашиваем, как зовут, хотя имя ли нам от нее нужно?

И все-таки я усмотрел одну в моем вкусе. Хотя вообще-то у меня вкус широк, как человек у Достоевского, но эта особенно в моем вкусе.

Она строго указывала слугам розовым пальчиком, какие цветы нужно полить в первую очередь, я залюбовался ее грациозной фигуркой, до пояса и выше она видна, и заслушался звонким голосом, чистым и то звенящим от возмущения, то почти умоляющим.

А еще что тронуло сердце, на ее розовых пухлых щечках то и дело проступают умильные ямочки.

Я сбавил шаг, почти остановился возле нее и заметил сочувствующе:

— За что вас заставили присматривать за слугами?

Она оглянулась, в больших детских глазах метнулся испуг, вот уж не думал, что выгляжу страшным, сказала торопливо:

— Почему заставили? Я сама... мне жалко, что цветы здесь вянут... Они думают, что если здесь почти никто не ходит, то пусть погибают?

— Благородно, — сказал я. — Меня зовут Ричардом Завоевателем, а вас, леди?

— Сильвия Кристен, — ответила она.

— Кристель? — спросил я.

Она покачала головой.

— Нет, Кристен. Не понимаю, почему многие переспрашивают. Сильвия Кристен, на мой взгляд, звучит лучше! И род наш настолько древний, что...

Она замолчала, покосилась на слуг, что задвигались с утроенной скоростью.

— Да, Сильвия, — ответил я. — Вы очаровательны, Сильвия. Но, думаю, вам это говорят постоянно, а ничего лучше я придумать не могу.

Она улыбнулась шире, и ямочки превратились в подобие полумесяцев, это так трогательно, что у меня дрогнуло сердце.

Я учтиво поклонился, она присела в реверансе, я отправился продолжать обход и все время чувствовал ее взгляд строго посередине между лопатками, то ли недоумевающий, то ли еще какой, мужчины в оттенках не разбираются и не должны разбираться, а кто разбирается... разве мужчина?

И все-таки пока даже Альбрехт не знает всей глубины и широты перемен, которые ожидает мир... или, по крайней мере, этот регион. Разве что Аскланделла, эта странная принцесса, что поняла почти все, что я задумал, и даже оформила в правильные строгие слова, в то время как я действовал бы скорее по наитию.

Из нашего беспримерного северного похода возвращается уже иная армия, а на границе Бриттии и Варт Генца ее встретит армия под началом Меганвэйла, тоже ничего общего не имеющая с прежней феодальной, строго подчиняющаяся приказам военачальников, никакой вольницы лордов, боеспособная и великолепно обученная.

Я заявлю громко и разошлю манифесты, что а) Мунтвиг повергнут, б) мир восстановлен, в) все живут мирно, г) люди богатеют, д) торговля между королевствами стала беспошлинной, е) Варт Генц и Скарлянды, во избежание уже привычной вражды и столкновений, объединяются в одно королевство, к которому присоединяются земли упраздненного Эбберта, что праздник и повод для ликования и великодержавной гордости Великой Улагорнии...

А это значит, что Ричард Завоеватель милостиво принимает по многочисленным просьбам трудящихся лордов королевскую корону Улагорнии и обязуется блюсти мир и справедливость, а кто захочет покричать о старинных правах лордов лично судить в своих землях по своей прихоти — тот будет объявлен врагом народа, то есть королевства, и будет немедленно милостиво повешен или же, по старинным священным правилам, четвертован, это когда сперва трижды полувешают, потом отрезают мошонку... и так далее.

Сердце стучит, я мысленно спорю с многочисленными оппонентами, повергаю противников и в самом деле развешиваю на стенах этих гадов, что тянут в прошлое... было бы по идейным соображениям, я бы спорил и переубеждал, а то просто хотят быть маленькими королями в своих землях и феодах, судить и наказывать по своей прихоти, пользоваться правом первой брачной ночи, устанавливать свои налоги и ничего не платить государству...

День клонится к закату, небо начинает краснеть, я шел, задумавшись, когда увидел, как впереди со стороны багрового солнца вышла из его оранжевости и золотистости юная девушка, светлая и чистая, с бесконечно милым лицом и добрым ласковым взглядом. Из нее получится идеальная жена, подумал я с непонятной тоской, такие вот делают мужей самыми счастливыми людьми на свете, а бывшие друзья не понимают, почему те оставили воинские забавы и не покидают удаленных имений.

Она взглянула на меня с некоторым испугом и даже робостью, присела, опустив голову.

— Леди Сильвия, — сказал я.

Она прошептала пугливо:

— Ваше высочество...

Я взял ее за подбородок, такой девичьи нежный, приподнял, заглядывая в лицо.

Она пролепетала:

— Ваше высочество?

— Леди Сильвия, — сказал я тихо, — не хотите сегодняшнюю ночь провести в моих покоях?

Она округлила глаза.

— Ваше величество!

— У меня слишком широкая кровать, — объяснил я. — А завтра утром я, скорее всего, уже буду мчаться на верном коне в сторону Варт Генца солнцу и ветру навстречу, расправив широкую грудь. Или упрямую, точно не помню. Как думаете, она у меня широкая или так себе?

Она взмолилась:

— Ваше высочество!.. Возьмите другую! В темноте все женщины одинаковы...

Я засмеялся, убрал руку, но она продолжала смотреть на меня испуганными глазами пойманной гавели.

— Встаньте, леди Сильвия, — сказал я. — Вы сказали удивительно точно... Простите, что задержал.

Она поднялась, я поклонился, отпуская ее, она повернулась и торопливо заспешила к двери, но там обернулась, я увидел на ее лице сильнейшее смущение.

— Ваше высочество...

— Да, леди Сильвия?

— У меня подруги... фрейлины ее величества...

Она запнулась, я сказал, уже зная, что последует:

— Да-да, слушаю.

— Они будут счастливы, — договорила она с трудом, — если вы... если вы... Сказать им?

Я покачал головой и сказал горделиво, наслаждаясь своей стойкостью перед примитивными соблазнами:

— Не стоит, леди Сильвия. Это была минутная слабость, рожденная понятным зовом мужской плоти. Увы, но Господь создал нас именно такими, так что часть вины и на нем, потому он понимает нас и достаточно снисходителен в такие моменты. Я в самом деле сожалею... Спокойной ночи, леди Сильвия.

Она прошелестела едва слышно:

— Спокойной ночи, ваше высочество...

Я поспешно отступил и вернулся во дворец, чтобы не заорать вслед, что я передумал, да пошла она эта гордость, Господь в самом деле создал нас такими, с гениталиями, а еще и дал самый первый и самый важный завет «плодитесь и размножайтесь!», так что я не должен так уж смирять себя постоянно, а лишь в тех случаях, когда размножение мешает работе...

Во сне снова был в Храме Истины, но монахи там не живые люди, а лишь тени тех бывших, существуют бессмертно, но сейчас лишь пытаются передать крупницы знаний местным дикарям... Или живые, но только в границах монастыря, а то и вовсе что-то еще чуднее...

Я попытался проникнуть в их тайны, но провалился в чудовищную временную или пространственную воронку, а то и вовсе в черную дыру. Ужас захлестнул меня такой дикий, какой бывает только во сне, но все же я не орал дико «А-а-а-а-а!», как орут все герои в демократическом будущем, я из героев этого времени, а они любые испытания встречают молча, лишь стискивают челюсти и кулаки.

Когда я видел, как они молча и без стонов сами зашивают себе глубокие раны толстой иглой с леской для ловли рыбы, я острее всего ощущал пропасть между миром чести и миром облегченной жизни, но обычно списывал на то, что у нас отросло больше нервных окончаний, потому мы такие, ну, нервные и ранимые.

Проснулся, побывал еще в каких-то подземельях, достали уже, я человек благополучного времени, когда и на поверхности ничего не грозит, а дома и жилища никакая война не стирает с лица земли каждые несколько лет.

Бобик посмотрел на меня мутным взглядом, глаза из багровых стали тепло-коричневыми, значит, ночью со мной в самом деле что-то происходило, повернулся на другой бок и лег, вытянув лапы в сторону.

Надо было, мелькнула мысль, либо затащить ту леди Сильвию в постель, либо согласиться на ее подругу. Или подруг, как она говорила... А то приснится что-то вроде периодической системы элементов, с ума можно рехнуться неподготовленному.

Бобик вскочил, посмотрел на дверь.

Я сказал громко:

— Сэр Гордон, заходите!

Дверь осторожно приоткрылась, он заглянул вполглаза, приятно изумился:

— Вы уже встали?.. Доброе утро, ваше высочество!

— Доброе, — буркнул я.

Он спросил с настороженным изумлением:

— Как вы ощутили, что это я?

— Правитель должен быть толстокожим и чувствительным, — ответил я строго. — И всех вас видеть насквозь!..

Он заулыбался.

— Зачем? А то такое увидите...

Я сказал сурово:

— Улыбайтесь, улыбайтесь!.. Шире всех улыбается, кстати, череп.

Его улыбка тут же погасла, сказал деловито:

— Лорды съезжаются, ваше высочество. К сожалению, большинство все же оказались за городом, приводят загородные дома в порядок, надо готовить к весне, обещают паводок... Но к вечеру все съедутся.

Я сказал с досадой:

— Еще день потерян...

— Ваше высочество, — спросил он с изумлением, — люди годы теряют, не замечая, а вы день потеряли... что день?.. Кстати, вы после Храма Истины еще не ощутили тяги к женщинам? Да, это достойно великого деятеля...

— Барон, — сказал я раздраженно, — не напоминайте. Вчера сдуру отказался, а ночью всякие кошмары из-за этого воздержания. Не представляю, как живут отшельники. Это сперва по ночам снятся голые бабы, а потом начинается вообще...

Он покосился на мое ложе.

— Если вам придется остаться еще на несколько дней, то я, ваше высочество, если правильно понял, посоветовал бы вам обратить свое высокое внимание на леди Туснельду.

— А это кто?

— Фаворитка покойного короля, — ответил он с поклоном.

Я поморщился.

— А что, нет чего-то посвежее?

Он сделал непонимающее лицо.

— В каком смысле?

— Ну, зачем мне поношенную одежду?

Он кивнул.

— Резонно. Вот только если искать среди девственниц...

Я запротестовал:

— Только не среди девственниц!

— Тогда все недевственницы были чьими-то фаворитками, — сказал он рассудительно. — Так лучше же фаворитку короля, чем фаворитку безвестного ви-конта... У короля выбор все-таки шире, берет лучшее.

— Понятно, — сказал я, но сделал последнюю попытку: — А что насчет леди Сильвии? Она показалась весьма... и у нее все на месте...

— Да, ваше высочество, — сказал он, — вполне одобряю ваш изысканный и нетребовательный вкус. Леди Сильвия очень хороша! И еще не побывала при дворе ни в чьих руках, насколько мне известно...

Я потер ладони.

— Тогда самое то!

— Но она явно побывала в руках, — сказал он трезво, — там, в своей провинции. Но не это важно...

— Ну-ну?

— Леди Туснельда, — сказал он, и я ощутил, что он говорит вполне откровенно, — была фавориткой короля почти год.

— Это много, — согласился я.

— Да, — подтвердил он, — и потому успела нахапать от короля всего-всего. И земель, и титулов для

себя и многочисленной родни, многих пристроила ко двору... В общем, ей ничего от вас не понадобится.

— Ага, — сказал я, — это хорошо, не люблю отказывать.

— А вы отказываете?

— Всегда, — признался я. — Я не собираюсь давать титул или землю за то же самое, за что служанке брошу мелкую монету. Это нечестно. А я всегда честный, если это не касается меня.

— Вы настоящий король, — сказал он с уважением. — Очень расчетливый. Это не скупость, это просто понимание вещей.

— Вот-вот.

— И как они это воспринимают? — спросил он и, увидев непонимание на моем лице, уточнил: — Нежелание дарить имения за услуги в постели?

— Я просто избегаю таких, — ответил я. — Выглядеть скупцом не хочу, а давать титулы за такое... В общем, убедили. Поговорю с леди Туснельдой.

Он поклонился.

— Если хотите, ей передадут. И она явится в ваши покои, готовая ко всем услугам хоть сейчас.

— Сейчас не надо, — ответил я сварливо. — Я государственный деятель, а не кто-то. Крупный государственный деятель!

Он уважительно смерил взглядом мой немалый рост и ширину плеч.

— Это точно.

— И вообще, — сказал я с твердостью, — сперва взгляну на нее.

Он посмотрел с изумлением.

— Ваше высочество, а разве не все женщины одинаковы? Да еще в постели? И вы сказали абсолютно верно, что эти их услуги стоят не дороже мелкой серебряной монеты. Неважно, герцогиня в постели или

служанка. По мне, так молоденькая румянощекая служанка из деревни слаще старой надменной герцогини, у которой кости стучат, как колеса рассохшейся телеги!

— Давайте бумаги, — прервал я. — О бабах можно говорить до бесконечности, тема неисчерпаемая.

Глава 11

Сэр Генри Кевилшир, государственный казначей, учтиво поклонился, по моему жесту осторожно положил на стол пухлую книгу.

Держится со скромным достоинством, и вообще у него настолько благородное и величественное лицо, исполненное силы и понимания, что ему бы не сыном мясника родиться, а в семье герцога или хотя бы графа.

Однако не все герцоги и графы приближены ко двору, а он, как знающий и умелый, точный в расчетах и всегда предельно исполнительный, быстро поднялся по служебной лестнице и получил почетнейшую и ответственную должность королевского казначея.

— Мелочи меня не интересуют, — предупредил я. — Я человек не мелочный. Сперва общий приход, потом основные статьи расходов. Куда, сколько и зачем. Все понятно?

Он поклонился, поглядывая на меня искоса с великой осторожностью.

— Абсолютно, — ответил он. — У меня это на отдельном листке, что составил перед визитом к вам. А в этой книге все подробно...

— Король, — отрезал я, — должен видеть всю картину, не вдаваясь в мелочи. А я король, хоть и принц-регент. Давайте вашу докладную...

Он опустил передо мной довольно большой лист, исписанный убористым почерком.

— Здесь куда и сколько, — предупредил он, — а зачем... это к Совету Лордов. Я могу только предполагать, я же исполнитель, ваше высочество. Хотя, король говорил, что хороший.

— Не сомневаюсь, — ответил я, быстро пробегая взглядом аккуратно выписанные столбики цифр с краткими пояснениями. — По крайней мере, записка составлена толково...

Когда я заканчивал проверку, которая мне, конечно же, пока не нужна, вошел неслышно сэр Гордон, поклонился и застыл, недвижимый, как вырезанная из дерева фигура Иисуса.

— Сэр Гордон? — сказал я.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Как там?

— Собираются, — доложил он. — Половина зала уже заполнена. Мои помощники следят, когда придут лорды сэр Джеффердин и сэр Уильберг...

— Самые гордые?

— Нет, они в загородных имениях. Гонцы уже сообщили, оба выехали в большой спешке.

Сэр Генри спросил учтиво:

— Ваше высочество, я могу идти?

— Идите, — ответил я. — Но я еще призову вас к ответу, так что бдите!

Он вежливо улыбнулся и вышел.

— Хорошо, — сказал я. — Сэр Гордон, пока что просветите меня по таким мелочам, ничего не значащим для великого правителя, как экономика, состояние ремесел и торговли, месторождения полезных ископаемых... да и бесполезных тоже, когда-то станут полезными, состояние рудников...

По его лицу ничего не прочтешь, но, похоже, изумился весьма, однако весьма добросовестно принялся перечислять все, чем владеет Гиксия, от запасов рыбы в озерах и реках, до рудников по добыче железа и меди. Количество сел и городов у него в памяти не разошлось с записями, что хорошо, значит, и в остальном, возможно, не сильно врет.

— Не так уж вас Мунтвиг и разграбил, — заметил я.

— Просто быстро отстраиваемся, — ответил он. — Народ привык к нашествиям, знает, куда прятаться в лесах и как переждать...

— Живучесть человеку необходима, — заметил я. — Ему предстоит весьма и весьма. Я бы сказал даже, зело весьма! Но не скажу, кто знает вашу стойкость?..

— Мы и сами не знаем, — ответил он осторожно, — но если вас интересует экономическое состояние королевства...

Рассказывал он подробно, обстоятельно, чувствуется, что предмет знает, хотя чувствую по крохотным паузам, что некоторые моменты утаивает, где-то, напротив, пускается в подробные пояснения, что-то сокращает или пропускает, как малозначашее, а когда закончил и уставился в меня преданным взором, я сказал мирно:

— Хотите, сэр Гордон, я скажу, где соврали?.. И не один раз?.. Я настоящий правитель, уже научился видеть, когда врут. Но, надеюсь, вы привирали и утаивали в интересах государства, а не своего кармана. Хотя, конечно, я проверю как вас, так и вашу родню. Если окажется, что кто-то неимоверно обогатился с того дня, как вы стали государственным секретарем...

В кабинет заглянул старший слуга, сказал из низкого поклона, не поднимая головы:

— Лорды сэр Джеффердин и сэр Уильберг прибыли. Больше никого ждать вы не велели...

Гордон взглянул на меня, я поднялся.

— Пойдемте. Не понимаю, зачем ждать.

Он придержал для меня дверь, я вышел с прямой спиной и развернутыми плечами, правитель должен быть всегда бодр и ясен, а Гордон засеменил рядом, готовый в любой момент давать объяснения.

Проходя мимо одного из залов, я услышал слаженные чистые и светлые голоса детского хора, заглянул в распахнутую дверь, там их не меньше дюжины, у каждого в розовых ладошках чаша с горящей свечой, выглядят так, что даже я могу расчувствоваться, а про других и говорить нечего.

Дюжина молодых парней в праздничных костюмах весело размахивают с балконов флагами, с перил везде свисают до самой земли красные и алые полотнища, что значит, всеобщая радость по случаю прибытия Ричарда Завоевателя.

Впереди огромный зал с черными стенами, где посреди длинный стол из красного дерева, из высоких стрельчатых окон падает солнечный свет, хотя, насколько я помнил, снаружи тучи. На полу двигаются решетчатые тени, а когда мы вошли, тени угрожающе быстро поползли в мою сторону, быстро меняя форму, а некоторые начали приподниматься над узорчатыми плитами пола, обретать плоть и массу.

Сэр Гордон сказал властно:

— Прочь! Именем святого Менелаиса!

Они остановились, но мы продолжали путь, я изо всех сил заставлял себя идти рядом с королевским секретарем, и они отступили в стороны, пропуская нас.

Я неимоверным усилием удержал себя от того, чтобы оглянуться, спросил как можно равнодушнее, уже подавив дрожь в теле и голосе:

— Это кто?

Он отмахнулся.

— Местные призраки. Говорят, они и возвели замок, а потомки потомков уже перестроили в нынешний дворец.

— Чем-то занимаются? — спросил я.

Он сдвинул плечами.

— Кто знает их жизнь?.. Но цепями не звенят, по ночам не ухают страшными голосами...

— Но сны насылают, — пробормотал я. — Знать бы только, на что намекают...

— Сны? — спросил он с интересом. — Сны бывают вещими!

Я покачал головой.

— Хотя сны насылает Господь, но дьявол вмешивается в них и так запутывает, что снам лучше не верить.

— Жаль, — ответил он почти мечтательно, — а так было бы хорошо жить на подсказках, куда идти и что делать...

Я покосился на его лицо, ожидая увидеть ироническое выражение, но государственный секретарь серьезен, хорошо бы в самом деле жить, когда постоянно шепчут в уши, где лежит большой пряник, а где по дороге яма...

Церемониймейстер громко и торжественно прокричал мои имя и титул, я еще выше задрал голову и вошел в небольшой празднично убранный зал. Под стеной на помосте покрытый красным бархатом трон с широкой спинкой в виде устремившегося к своду треугольника, на вершине что-то вроде богато украшенного резьбой жезла.

Я сел быстро и уверенно, улыбнулся во весь рот, я же не просто принц-регент, но и полевой вождь, тот самый Ричард Завоеватель, что далеко не всегда

соблюдает придворный этикет, обеими руками подал церемониймейстеру знак, что я вот уже, можете начинать.

Он начал громко и празднично называть имена и титулы, лорды подходили и, преклонив колено, целовали перстень на моей руке, все знакомо, меняются только лица, так что я, чувствую, провел всю длинную церемонию точно согласно протоколу, нигде не отступив, ничего не нарушив, ничего не добавив.

И лишь когда последний из допущенных лордов отступил, кланяясь при каждом шаге, я встал с трона и сказал бодро:

— А теперь сядем за общий стол, дорогие друзья!.. Официальная часть закончена, у нас есть о чем поговорить.

Слуги начали расставлять по столам кубки и чаши, заносить вино, а я подал пример, сойдя с помоста и выбрав место во главе этого длиннющего стола.

Лорды расселись плотно, а кому не хватило мест, это всего лишь графы и бароны, те встали вдоль стен и старались не пропустить ни слова.

Я заговорил радушно и с чувством:

— Дорогие друзья! Прежде всего хочу поблагодарить за высочайшее доверие, с которым вы при живых наследниках трона предложили его мне, пусть и в качестве регента.

Они смотрели с осторожностью, что-то насторожило в моих словах, царедворцы — народ чуткий, но все смолчали, только кто-то поинтересовался учтиво:

— Ваше высочество?

— Мы все понимаем, — пояснил я, — регентом должен быть очень справедливый человек, буквально праведный.

Они смотрели все с той же настороженностью. Рядом с Гордоном расположился осанистый вельмо-

жа, мне он показался похожим на шарпея, столько складок, что едва видны глаза под мясистыми набрякшими веками, мощные валы носогубных впадин, налитые мешки под глазами, толстые складки на лбу: три продольные и две вертикальные, что идут к переносице.

Он поднялся медленно и величаво, проговорил неспешно:

— Лорд Джеффердин к услугам вашего высочества. Мы нисколько не сомневались в вашей рыцарской чести, благородстве и верности слову...

Я еще не встречал такого впечатляющего лорда: подбородок в три этажа, щеки красиво и величественно отвисают чуть ли не на плечи, вид достаточно гордый, но уравновешивается общим обликом много прожившего человека, умудренного, познавшего, понявшего и снисходительного к человеческим слабостям.

Я широко улыбнулся.

— Да ладно, лорд Джеффердин, сомневались, еще как сомневались!.. Мы здесь не на площади, можем говорить открыто. Сомневаетесь и во мне, но все остальные кандидаты на трон еще опаснее. Самый главный вопрос для вас был в том, чтобы отыскать достаточно авторитетного лорда, способного одним своим именем внушать уважение, в то же время не вмешиваться в дела королевства.

Он вскрикнул в подчеркнутом неприятии:

— Ваше высочество!

Я поднял ладонь, останавливая его и других, шокированных моей откровенностью.

— Ваши опасения вполне обоснованны, дорогой лорд Джеффердин. И, скажу сразу, вы сделали правильный выбор. Я не собираюсь и не буду вмешиваться в ваше совместное правление королевством. Вы лучше знаете его особенности.

Он молча поклонился, не сводя с меня взгляда, лицо вроде бы не изменилось, но я увидел, как из него ушла напряженность.

Вельможа справа от него проговорил степенно:

— Граф Томас Уильберг, ваше высочество. Мы не сомневались в вашей проницательности и мудрости, уж поверьте...

Я усмехнулся.

— А чтобы вы еще больше похвалили себя за свой мудрый выбор, сразу сообщая, что с утра отправлюсь дальше. В Варт Генц.

Их лица озарились недоверием и счастьем, но граф Уильберг спросил с подчеркнутым недоумением:

— Ваше высочество, вы только что прибыли! А отдохнуть? А попить?

— Некогда, — объяснил я. — У вас все спокойно, а в Варт Генце, за который я отвечаю, идет гражданская война. Потому здесь что-то менять у меня нет морального права, Господь все видит, а Варт Генц нужно спасать, или мое имя будет покрыто позором!

Они сочувственно вздохнули, но лица все больше прояснялись по мере того, как все больше понимали: эта грозная сила, именем которой прикрыли трон от посягательств, завтра уже уйдет с горизонта, как грозная грозовая туча, которая то ли поля увлажнит для урожая, то ли сожжет город молниями.

Сэр Джеффердин проговорил, запинаясь:

— Тяжкую ношу возложил на ваши плечи Господь....

— Стараюсь нести достойно, — ответил я, подпустив в голос немного пафоса. — Но вам спасибо за великое доверие. Я даже сам себя стал уважать больше.

Он проговорил медленно и не спуская с меня испытующего взгляда:

— Соблазн был велик, но мы очень внимательно следили за вашим... продвижением. Вот сэр Гордон первым обратил внимание, что вы словно бы избегаете королевского титула!.. А потом все убедились, что он прав, вы по каким-то причинам не желаете принимать королевскую корону.

— Не желал, — согласился я, и тут же отметил крохотное изменение в его лице, он моментально среагировал на то, что сказано в прошедшем времени. — Причин сразу несколько, все они достаточно весомы. Наверное, я бы еще долго увивался от королевской короны, изобретательность у нас у всех велика, когда нужно увильнуть от работы, а должность короля... да-да, я уже понимаю, что это не только все женщины мира в моей постели. Или хотя бы королевства, что тоже неплохо.

— Ваша... светлость?

Я сказал с сочувствием:

— Понимаю вашу тревогу и спешу заверить, что не посягну. Вы делали ставку на мое непонятное, а на самом деле очень понятное вам теперь избегание короны короля, ибо чем выше титул — тем больше работы, ответственности, опасности любого рода... не только для жизни. Увы, теперь я как раз намерен принять корону! Честно говоря, даже не решил еще где, но мне просто необходимо сосредоточить в своих руках власть и силу, потому что... я этого не скрываю и говорю всюду, чтобы привлечь сторонников! Я намерен попытаться дать отпор Маркусу.

В зале воцарилась мертвая тишина, лица медленно каменеют, кое-кто просто опустил взор долу.

Граф Уильберг помолчал, подумал, спросил нерешительно:

— Тогда вы могли бы принять ее и здесь...

— Да, — согласился я, — но тем самым запятнал бы рыцарскую честь, а я не просто рыцарь, а паладин. Нет-нет, это исключено.

Он улыбнулся, как мне показалось, с понятным облегчением.

— Но выгоднее бы...

— Это немедленная выгода, — согласился я, — но чревата долговременной невыгодой. Дорогой сэръ Томас, намного лучше очень долго прикидываться честным человеком, чтобы потом р-р-р-раз!.. и ухватить все.

Он пробормотал:

— Интересная философия... Но не прирастет ли маска честного человека настолько, что потом и не отодрать? В смысле не захочется отдирать? Это же так приятно, когда все уважают...

— На это и нацелены все заповеди Священного Писания, — напомнил я, — чтобы человек хотя бы прикидывался честным. Если он всю жизнь поприкидывается, то это то же самое, что и был! Судим по поступкам. Какой он внутри, знает только сам Создатель, но и Он, уверен, будет судить по деяниям, а не потаенным мыслям.

— Судить будет не Создатель, — поправил он, — а Иисус, а он как раз и говорил, что судить человека нужно по его делам, а не словам или намерениям. Ваше высочество, вы сняли с моей души огромнейший камень! Целую гору.

— Сомневались? — спросил я понимающе.

Он вздохнул.

— Конечно. Когда видим ваши поступки и даже можем предсказать следующий... дескать, и снова ему предложат корону короля, а он снова откажется!.. другое дело — понять, почему так поступаете.

— А теперь...

— Теперь понимаю, — ответил он и прямо посмотрел мне в глаза, я увидел в них неподдельное сочувствие, — и почему отказывались, и почему принимаете теперь. Не будь Маркуса, вы наверняка снова бы отказывались, ибо быть королем — это в самом деле тяжелый труд. Ваше высочество, наше королевство чем-то может вам помочь?

Я развел руками.

— С Маркусом пока ничем. Но у меня есть проект договора и всеобщей безопасности. Слушайте все очень внимательно. Это важно для всех, в том числе и для Гиксии.

Глава 12

Они слушали текст моего проекта с понятной настороженностью людей, которые при малейшей ошибке потеряют многое. Я не забыл упомянуть, что короли Ирама и Бритии готовы подписать хоть сейчас, а тот, кто откажется, в лучшем случае лишится защиты подписавших.

Про худший вариант я не стал даже упоминать, люди взрослые, битые, не раз обжигавшиеся, уже понимают, что в жизни почему-то худших вариантов всегда больше, чем даже никаких.

Лорд Джеффердин задал несколько дельных вопросов, остальные вступили в разговор чуть позже, вопросы посыпались, как из рога, и только быстрый, как сын Лаэрта, граф Уильберг откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня заблестевшими глазами.

— Ваше высочество! Если этот грандиозный проект воплотить в жизнь... у нас в самом деле наступит золотой век!

— Сплюньте, — посоветовал я, — вряд ли вот так сразу, но мы чуточку к нему приблизимся, а это уже что-то и весьма.

— Вы чересчур осторожны, — сказал он с укором, — хотя это вообще-то хорошее качество для правителя. Но с этим договором я не вижу причин, чтобы его не подписать...

Он оглянулся на молчаливого Гордона, королевский секретарь усмехнулся и развел руками, и граф Уильберг сказал со смешком:

— Только принцу Ричарду придется подписывать его самому.

— Это я сумею, — заверил я. — Друзья, позвольте называть вас так, я счастлив, что мы начинаем строить новый счастливый мир!

Договор обсуждали около часа, потом я договорился с лордами о том же, о чем и с бриттской стороной: выставят на границу с Варт Генцем как можно больше войск, чтобы устроить и принудить враждующие роды к миру.

— Воевать не придется, — сказал я, чувствуя, что повторяю, как попугай, все то, что уже говорил королю Иоганну-Георгу. — У меня достаточно войск, оставленных не пропускать дальше границ Варта Генца армии Мунтвига, чтобы снести с лица земли весь Варт Генц!.. Но я хочу лишь выказать ту мощь, перед которой беспрекословно сложат оружие.

— А разве нашей армии будет достаточно? — спросил осторожно лорд Джеффердин. — Не такая уж у нас, если честно, мощь...

— С севера приведут армии королевств Ирам и Пекланд, — заверил я. — А также Бриттии!

Они переглядывались, я видел по заблестевшим глазам, что такая перспектива устраивает больше.

— Если три королевства, — сказал Джеффердин задумчиво, — а мы четвертое...

Я прервал:

— Не забывайте, на границе Бриттии и Варт Генца стоит моя Непобедимая и Победоносная, В Боях Познавшая Радость Побед, что разгромила все дикие полчища наводившего ужас на королевства Мунтви-га!.. Она одна в состоянии смести с лица земли хоть Варт Генц, хоть любое другое королевство. Я ни на что не намекаю, просто указываю чисто вымытым мускулистым пальцем, что у нас есть гарант мира и безопасности! И этот гарант в моей интеллигентной мышцастой руке с бицепсом почти в шестнадцать дюймов.

Совещание с лордами закончилось почти в полночь, небо затянуто тучами, темно, да и вообще глупо как-то выезжать в ночь, сразу появятся вопросы, встревожатся не только лорды, но и все население, правитель должен быть всегда весел, бодр и неспешаш.

Бобик встретил на полпути к моим покоям, сытый и довольный, пахнет хорошей кухней, глазки масляные, двигается замедленно, по его виду не скажешь, что готов со мной мчаться и в ночь.

Он вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

— Нет-нет, — заверил я, — сперва отоспимся. И конячка наша пусть отдохнет. А утром и выедем.

В покоях я еще раз просмотрел сводную бумажку королевского казначея, в самом деле составлено толково, а Совет Лордов не дает истратить собранные по стране деньги на глупости, так что в толстую книгу расходов можно и не заглядывать, мелочи, они и есть мелочи, для них и люди должны быть помельче рангом.

Дверь неслышно приотворилась, я успел сердито подумать, что охрана как-то странно понимает свои обязанности, но через порог переступила леди Сильвия, чистая, свеженькая и трепетная, как только что вылезшая из кокона бабочка.

Она присела в поклоне, опустив голову, я произнес туповато:

— Леди Сильвия?

Она прошептала, не поднимая головы:

— Ваше высочество...

— Леди, — проговорил я. — Мне весьма неловко...

Она подняла голову.

— Ваше высочество?

— Встаньте, — велел я. — Встаньте, леди Сильвия. Возможно, у вас есть просьбы и рабочие вопросы к моему высочеству... как принцу-регенту? И хотя я ничего не обещаю ввиду некоторых особенностей пребывания на королевском престоле... однако же как бы весьма и зело охотно и даже с ликованием пошел бы навстречу в силу ограничивающих меня возможностей.

Он встала, щеки начинают медленно алеть, потом стали пунцовыми.

— Ваше высочество, — пролепетала она почти жалобно, — уже ночь... какие просьбы и рабочие вопросы?

— Леди Сильвия, — ответил я учтиво, — но мы с вами как бы договорились уже и весьма. Потому я просто не понимаю...

Ее румянец стал пурпурным, затем багровым, опустился на шею, а сверху воспламенил кончики ушей, но когда посмотрела мне в глаза, ее взгляд был прямым и не по-женски честным.

Я замер, чувствуя себя очень даже не в своей тарелке, а это непросто, я вообще-то достаточно нахальная и бесчувственная скотина.

— Ваше высочество, — ответила она, — я не жена чья-то, не возлюбленная и даже не обручена ни с кем.

— Это чуть-чуть смягчает, — признался я, — но не отменяет...

Она сказала, глядя мне в глаза:

— Я точно никого не обижу тем, что пришла к вам ночью. Вас ведь это волнует?

— А ваша, — спросил я, — репутация?

— Никто не узнает, — сказала она совсем тихо. — А если даже... то я пришла к вам, а не к конюху, как, говорят, позволяла себе королева Хиларисса, жена благородного Натаниэля Стокбриджа.

В ее голосе отчетливо прозвучала гордость, что она вот такая правильная, с кем попало не повяжется, это непристойно, а король — другое дело, король как бы в чем-то над законом, во всяком случае если не она, то кто-то обязательно заберется ко мне в постель.

Я подумал тускло, что, вполне возможно... да что там «возможно», наверняка среди фрейлин и придворных дам уже началась тайная борьба, кому забраться ко мне под одеяло.

— Действительно, — пробормотал я, — к конюху... гм...

Она добавила быстро:

— Правда, говорят, он был внебрачным сыном одного известного графа, но все же только графа, а не герцога или князя.

— Да, — согласился я, — верно... но все равно.

— Вот-вот, — сказала она, — а вы король!

— Принц, — поправил я.

— Принц-регент, — уточнила она с сияющей улыбкой на все еще красном, как кумач, лице с пылающими щеками.

Я промолчал, а она подошла к ложу, легла там на спину и, приподняв платье, раздвинула белые, как мясо осетра, ноги.

А что, сказал я себе, мое высочество здесь и сейчас, а со своим уставом в чужой монастырь не ходят. И вообще... Усложняться нужно в магии, алхимии, познании мира, но в постели места для маневра очень мало. Хотя да, есть, но зачем мне эти сложности и недостойные доминанта изыски?

Я приблизился к ложу, она вздохнула, плотно закрыла глаза и, кажется, даже задержала дыхание. Ну что ты, хотел я сказать с досадой, погоди, хотя бы лыжи сниму, а потом подумал: а зачем?

Глава 13

Бобик глухо зарычал. Я мгновенно очнулся от сна, рядом завозилась и распахнула детские припухлые ото сна глаза леди Сильвия.

— Ой, — прошептала она в страхе, как мне почудилось, притворном, — я что, заснула?

— Еще как, — заверил я, — еще и храпела.

Она шутливо ткнула меня кулачком в бок.

— Леди не храпят!

И не пугают, добавил я про себя. Как быстро женщины осознают свой новый статус и сразу же начинают им пользоваться. Можно не сомневаться, что и по коридору пройдет мимо стражей, надменно задрав милый носик с двумя розовыми дырочками. Не к конюху ходила, не к конюху!

Бобик поднял голову, посмотрел на дверь, потом перевел взгляд на меня. Мне почудилась в нем укоризна.

— Кто за дверью? — спросил я. — Секретарь Натаниэля... тьфу, мой секретарь?..

Он вздохнул и опустил морду на лапы. Вид оказался мне чуточку разочарованный, я не должен угадывать, нарушая его монополию на чуткий нюх.

— Пусть ждет, — решил я. — Я все выполнил... Разве что-то новое стряслось?..

Сильвия мило зевнула, широко распахнув нежно-розовый ротик и как бы невзначай продемонстрировав свои возможности. И хотя оказалась, как и принято, девственницей, но мамки и няньки старательно готовят взростающих девиц ко взрослой жизни, объясняя, что мужчинам от женщин надо и как их улаживать правильно.

— Я думала, — прошептала она невинно, — принц-регент может валяться в постели столько, сколько пожелает!

— Я тоже так думал, — заверил я.

Она стыдливо отвернулась, когда поднялся, даже прикрыла голову одеялом и терпеливо попискивала там, пока я одевался. Наконец я подошел к ложу и стянул одеяло.

— Подъем!

Она в божественном испуге попыталась ухватиться обеими передними лапками за одеяло, но опоздала, одеяло упало на пол, а Бобик тут же перелег на мягкое, потому что все, упавшее на пол, попадает под его юрисдикцию.

Покраснев, как только-только раскрывшаяся роза, она вскрикнула в ужасе:

— Ваше высочество!.. Я же не одета!

— Оказывается, — ответил я оценивающе, — у тебя неплохая фигура. Кто бы подумал, глядя на тот ворох платьев...

Она торопливо соскочила с кровати и, прикрываясь крохотными ладошками, пробежала мелко-мелко к своей сорочке, торопливо закуталась чуть ли не с головой, Бобик наблюдал за нею с интересом.

Наконец она сгребла свои платья и сунула под сорочку, из-за чего на месте живота появилось такое характерное вздутие, словно после этой ночи прошло месяцев восемь-девять.

— Ваше высочество!

— Похоже, — сказал я, — так за дверью сопит мой секретарь. Вернее, как он определяет свою службу, государственный секретарь королевства Гиксия. Хочешь, чтобы он вошел при тебе?

Она гордо вскинула выше розовые дырочки в носу.

— Нет!

— Нам надо трудиться, — ответил я. — На благо Гиксии. Это такое королевство, если слыхала.

Она отошла к двери, встала слева и проговорила страшным шепотом:

— Теперь зовите.

Я крикнул:

— Сэр Гордон, это вы там топчете пол из красного дерева? Заходите, потопчите еще и здесь.

Дверь распахнулась, сэр Гордон вошел прямо и с устремленным на меня взглядом, сделал пару шагов и церемонно поклонился, а леди Сильвия торопливо выскользнула за его спиной в коридор.

Не думаю, что он не ощутил волну духов, окатившую с головы до ног, когда она едва не задела его подолом, но не повел и глазом, смотрит строго и целеустремленно.

— Сэр Гордон? — спросил я с интересом.

Он поклонился.

— Ваше высочество...

— Принесли на подпись? — поинтересовался я.

— Да, — ответил он. — Наши лорды, услышав, что вы решили выехать рано утром, явились чуть ли не с ночи, хотят проводить вас.

— Верноподданные, — одобрил я. — Хорошо, верно?

Он ответил бесстрастно:

— Особенно, если учитывать, что наследнику только-только пошел восьмой год.

— Да, — согласился я, — это способствует верно-подданности. Но, дорогой сэр Гордон, необязательно думать о людях так уж... упрощенно. Могут быть и высокие мотивы.

— Верность, — спросил он скептически, — честь?

— Любопытство, — пояснил я. — Какая верность лорду, которого и не видели? А вот насчет любопытства... Или вы считаете, я совсем не интересен?

Он ответил почтительно:

— Вообще-то ваше высочество достаточно интересное, чтобы встать поутру. Когда еще в следующий раз увидят принца-регента?

— Думаю, — пробормотал я, — больше не увидят. Вообще.

Он приподнял брови.

— Ваше высочество?

— Это между нами, — ответил я. — А если вы в самом деле мудрый и проницательный деятель все-королевского масштаба регионального размаха, то со временем догадаетесь.

На прогреваемых солнцем холмах снег уже сошел, земля стремительно подсыхает, только внизу в долинах лежит снег, да в лесах будто и не собирается таять,

пока вот так властно преграждает путь, потом осядет и спрячется под прошлогодние листья, где и продержится почти до середины лета.

Бобик уносился вперед и нетерпеливо оглядывался, но я придерживал арбогастра в его дикой скачке, здесь те места, где развернется основное сражение... и где водружу на свое ясное и светлое чело королевскую корону.

Или же милостиво изволю разрешить епископам Варт Генца водрузить... нет, нужно по одному епископу от Варт Генца и Скарляндии.

Я поймал себя на том, что снова забежал мыслью далеко вперед, так всегда делаю, инстинктивно избегая трудных вопросов сегодняшнего дня, однако, куда деться, решать надо.

Бобик взлетел стрелой на вершину холма, обернулся и гавкнул. Я уже достаточно научился понимать его язык, это значит, что там дальше большое скопление, по всей видимости уже части Меганвэйла, а то и его лагерь.

Так, все верно, большой воинский лагерь. Меганвэйл мудро расположил его в достаточно высоком месте, чтоб не было затопления, к тому же с трех сторон защищен непролазным лесом и болотами, что с наступлением весны хоть и покрыты еще льдом, но все истончающимся, любая конница провалится в этих жутких топях.

Лорды и военачальники, как вижу по цветным просторным шатрам, расположились в самой высокой части лагеря, а тем воинским отрядам, что подошли позже всех, пришлось устраиваться чуть ли не в самой низине. К счастью, на обустройство срубили столько сосен и елей, что их веток хватило устлать снег в несколько рядов, и талая вода журчит теперь где-то внизу.

Насколько хватает взгляда, пространство заполнено палатками, шатрами и простыми хижинами, а ведь основная часть армии Меганвэйла все еще рассредоточена в ближайших городах и селах на зимних квартирах, а здесь только те, кто с наступлением теплых дней вернулся в лагерь и готов принять удар первых частей противника, обычно легкой конницы, что уходит от основной массы далеко вперед, отрываясь от нее на несколько суток.

Несколько десятков человек, одетых тепло и добротно, бродят по лагерю или сидят у костров, переговариваясь и подбрасывая в огонь новые ветки, кое-кто поджаривает наколотое на прутья мясо, подрумянивает хлеб.

Мечи, топоры, копья и палицы аккуратно сложены горкой вдоль тропок с таким расчетом, чтобы ухватиться за рукоять можно было сразу, едва слышав призыв.

Бобик унесся вперед, подняв жуткий переполох, пусть здесь все знают о его существовании, но слышать одно, а увидеть это чудище вблизи и вот так внезапно — другое.

Я въехал в лагерь, вскидывая руку в приветствии и держа победно-доброжелательную улыбку лорда, с которым всегда безопасно и трюфейно.

В сторонке около десятка коней, все легкие и тонконогие, только для гонцов, а остальные пока распределены по селам, где нагуливают жир для грядущих изнурительных переходов.

Перед самым большим шатром полыхает костер, в сторонку отгребли целую россыпь крупных багровых углей и жарят на них широкие ломти мяса, а такие же ломти, только потолще, копятся в дыму костра.

Навстречу нам вскочили воины, один с ликующим криком ухватил повод арбогастра:

— Ваше высочество!

— Привет, — сказал я.

В шатре стены заходили ходуном, донесся удивленный вскрик, я узнал голос Меганвэйла. Соскочив на землю, я быстро пошел к шатру, но полог отлетел в сторону, Меганвэйл вышел быстрыми шагами, Бобик уже напрыгивает на него, требуя вспомнить, кто ему носил рыбу из озера и даже ловил гусей.

Меганвэйл охнул, увидев меня в трех шагах, торопливо преклонил колено.

— Ваше высочество!

— Дорогой герцог, — ответил я.

Он смотрел на меня радостными глазами, но в них уже начал разгораться гнев, что часовые пропустили, не предупредив.

Я поднял его, обнял.

— Не сердитесь, дорогой друг, но я всегда как снег на голову. Часовые еще не добежали от края вашего огромного лагеря.

Он спросил жадно:

— Ваше высочество... что там случилось такое?

— Что? — спросил я, насторожившись.

— Вы исчезли так внезапно, — пояснил он, — а люди вашего ранга, уж простите, всегда должны быть на виду! Это лесоруб может пропасть хоть на годы, никто не озаботится, разве что жена, если есть, но когда король пропадает из виду хоть на сутки... это может вызвать потрясение!

Я посмотрел испытующе, он смотрит преданно и так чисто, словно не умудренный жизнью полководец, повидавший жизнь во всей красе и жестокости, а юный паж.

— Герцог, — произнес я торжественно, — давайте вернемся в шатер. У меня есть новости. Конечно же, хорошие. Можно даже сказать, прекрасные!

Он зашел вперед и, оттолкнув стража, сам распахнул передо мной полог шатра. Я поблагодарил кивком. В шатре Меганвэйла по-прежнему почти пусто, если не считать узкого солдатского ложа и длинного стола с лавками по обе стороны, это для совещания с военачальниками.

Я сел, указал ему кивком, где сесть, быстро сотворил по чаше крепкого бодрящего вина и по ломтю мяса.

— Прошу вас, герцог, это обязательное начало... Так вот, вы помните, я говорил перед отъездом, все это часть великого плана Господа? Он ничего не делает зря, а если жертвует пешку, то выигрывает коня или слона, ибо Господь у нас все видит наперед, Сатана зря пытался у него что-то выиграть... Мне горько, что началась гражданская война в Варт Генце. Но когда с нею покончим, воцарится вечный мир и спокойствие, цена которым войны, жертвы и некоторые не очень значительные разрушения.

Он взял чашу, но задержал в руках, не спуская с меня жадного взгляда.

— Ваше высочество, время... пришло?

Я сказал значительно:

— Дорогой герцог... вы сказали очень точно.

Он сделал глоток, по-прежнему глядя на меня жадно и с почти детским восторгом.

— Как же я ждал этого дня!

— Он наступил, — подтвердил я торжественно и значительно. — Создатель смотрит далеко вперед! Планы его широки и обширны.

— Теперь вижу!

— Даже мы, — сказал я, — паладины, не все знаем, хотя нам открывает больше, чем всяким там... И мне открыто, что Варт Генц получит больше, чем потерял.

Он перекрестился.

— Господи, я так ждал этого дня!.. Ваше высочество, я вам уже докладывал, сколько достойнейших лордов, не выдержав ожидания, покидали армию со своими отрядами и отправлялись в свои земли!

Я хмыкнул.

— А вы?

Он поднял голову и стойко выдержал мой пронизывающий взгляд.

— Ваше высочество, — произнес он с достоинством не только герцога, но и военачальника, понимающего, сколь важно повиновение в тревожное время смуты, — я находился на вверенном вами посту!.. Вы поставили мне задачу защищать внешние границы от чужеземного врага.

Я ответил несколько виновато:

— Герцог, вы справились блестяще!.. Ни одна из армий Мунтвига не смогла прорвать вашу защиту!.. А те отдельные отряды, что просочились через вашу оборону в разгар сражений, будут выловлены и истреблены... Что слышно еще?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Думаю, ваше высочество, какие-то слухи уже докатились и на Крайний Север.

— Почти никаких, — ответил я. — Я знаю только то, что знал перед поездкой в Храм Истины. Торстейн захватил трон в Варт Генце, а наши верховные лорды поспешили выступить против узурпатора всеми своими силами. С этой новостью я и уехал. Предполагаю, что Торстейн Торстейном, но борьба за трон началась во всей красе, как обычно и случается. Из этого я и буду исходить в ряде некоторых превентивных действий.

Он покачал головой.

— Как ни странно, ничего нового и не произошло. За исключением того, что по всему Варт Генцу

вот уже три месяца полыхает гражданская война, вызванная, как вы верно сказали, борьбой за трон.

— Даже зимой?

Он криво усмехнулся.

— Даже зимой можно устраивать братоубийственную резню в одном городе, где часть населения за Торстейна, часть за Хродульфа, а часть за Леофрига...

— А если до соседнего города близко, — сказал я, — то можно и туда перебросить отряды?

— Вот-вот, ваше высочество. Так и делают. По дороге сжигая села и деревни. Народ бежит, но не знает, есть ли где в Варт Генце благополучные земли?

— А есть? — спросил я.

Он взглянул хмуро.

— Шутите? Откуда им взяться. Все охвачено пламенем. Каждый страстно воюет за своего лорда, мечтая увидеть его на троне. Это только в первый день Хродульф, Хенгест и Леофриг выступили против Торстейна. А потом передрались и между собой...

— Полагаю, — сказал я, — Торстейн на это тоже рассчитывал. Народ, измученный войной, вполне может сказать, что лучше непонятный Торстейн на троне, чем эта кровавая резня.

— Все может быть, — согласился он. — Торстейн в самом деле человек очень закрытый. Это у Хенгеста сердце на рукаве, Леофрига понять нетрудно, даже Хродульфа... а вот Торстейн, гм...

Я создал еще мяса, выбрав нежнейшую ветчину, а вино заменил изысканнейшим коньяком, Меганвэйл принял с благодарностью, а я некоторое время молчал, давая ему редкую возможность насладиться яствами, которые могут быть только в раю.

Наконец я поинтересовался неспешно:

— А мой верный друг сэр Растер? И его тролли?

Глава 14

Он дожеввал ветчину, проглотил и покачал головой.

— Сэр Растер слишком охоч до подвигов. Как и его воинственные зеленокожие герои. Когда армии Мунтвига перестали подходить, сэр Растер сам повел своих навстречу...

Я ощутил, как похолодело у меня в груди.

— И... как?

Он ответил чуть уклончиво:

— Даже не знаю, как вы с ним управляетесь. Он совершенно не понимает основ воинской дисциплины, которую вы сумели ввести в армии. Или же подчиняется только вам?..

— Увы, — сказал я с неловкостью, — старого пса новым трюкам не выучить. Он ревнитель старой школы.

— В общем, — сказал Меганвэйл, — он со своим отрядом самостоятельно перехватил войско герцога Фолла, одного из лучших полководцев Мунтвига...

— И?

Меганвэйл произнес с некоторым изумлением:

— Разбил наголову, хотя троллей было впятеро меньше. Правда, они тоже понесли немалые потери, но у них каждый погибший в бою тут же перемещается на Поля Великой Охоты, так что они смерти не страшатся.

— Растер хорош, — сказал я с гордостью.

— Это еще не все, — договорил он. — Он узнал о приближении отрядов герцога Гарета и устроил ему засаду...

— Засаду? — переспросил я в изумлении. — Что-то новое для Растера. Раньше он считал засады несовместимыми с высокой рыцарской честью.

— Раньше он не командовал такими большими воинскими соединениями, — ответил Меганвэйл. — К тому же есть оправдание: у герцога Гарета было все-меро больше воинов...

— Ого!

— Однако зеленокожие воины сэра Растера, — продолжил Меганвэйл, — разгромили и этого противника, захватив богатую добычу. Таким образом сэр Растер стал героем нашей армии, а его... эти зеленые... гм.... в общем, их начали принимать в наших лагерях, как своих. А то даже лучше, чем своих.

Я перевел дыхание, чувствуя, как толстый тугой узел в груди медленно распускается.

— Наконец-то, — сказал я. — Господи, спасибо тебе за такую новость!.. Хотя нет, это вам, герцог, спасибо, а Господу отдельная благодарность, что не мешал, позволил вести троллей по трудной и долгой дороге интеграции в наше пока не очень гуманное общество.

Меганвэйл смотрел на меня с интересом и уважением.

— Значит, вы и это рассчитали?

— Пришлось, — признался я. — Мы не можем истребить всех троллей на свете еще и потому, что мы как бы гуманисты, понимаем, тролли — это дешевый труд на тяжелых работах. Глупо не использовать их на благо цивилизации.

В шатер заглянул оруженосец Меганвэйла, тот посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Ваше высочество?

— Созывай, — распорядился я. — Время ожиданий и пассивной обороны кончилось, переходим в контрнаступление. Все военачальники должны собраться сегодня к вечеру.

Оруженосец молча исчез, я повернулся к Меганвэйлу. Тот мелкими глотками отпивал коньяк, улыбался своим мыслям.

— Кстати, ваше высочество, — сказал он, — тролли частые гости наших оружейников! Вижу ваше радостное изумление... да я и сам был рад, хотя поначалу и сторонился этих чудовищ. Доспехи погибших рыцарей Мунтвига у них очень ценятся. Но шлемы надевают просто на головы, без всяких кожаных или вязаных подшлемников, а вот доспехи не налезают, приходится переделывать...

Я кивнул, быстро соображая. Тролли уступают человеку в хитростях, но превосходят по росту, силе, выносливости, их кожу трудно пробить стрелами, разве что арбалетными болтами, но мышцы настолько тугие, что даже болты тут же вязнут, а раны заживают очень быстро и никогда не бывает нагноений. Но и тролли смертны, потому если такому облачиться еще и в доспехи, то у Растера будут вообще живые машины смерти.

— И как, получается?

Он пожал плечами.

— Кто-то из оружейников отказывается, но большинство берутся с охотой. Одних привлекает высокая плата, другим просто интересно освоить новые заказы и расширить клиентуру.

— Прекрасно!

— В общем, — сказал он, — часть троллей уже с головы до ног в рыцарских доспехах. Пусть это и смотрится неуклюже... Остальные кто как... зато шлемы почти у всех. Доспехи рыцарей Мунтвига проще наших, шлемы вообще без затей, бацинеты еще не эволюционировали в грандбацинеты, а подшлемники пришиваются только через дырочки по всему краю шлема. С толстыми подкладками шлемы на тролльи

головы не налезают, потому их выдирают сразу и выбрасывают, после чего шлем садится на голову туго, как влитой.

— Хорошие новости, герцог, — сказал я. — Думаю, это инициатива Растера?

Он усмехнулся.

— Он лично проводил их к оружейникам, торговался о цене, учил троллей, чтобы не слишком переплачивали.

— Где он сейчас? — спросил я. — Жажду с ним повидаться.

— В западной части Бриттии, — объяснил он. — Оттуда шли войска Мунтвига.

— Эх, — сказал я с досадой, — это же я проскочил мимо совсем близко!.. Кстати, когда я подъезжал, даже с холма не видел шатра нашего друга Шварцкопфа.

Он потемнел, со вздохом опустил на столешницу кубок с остатками коньяка. Я поколебался, но добавил ему еще, погода промозглая, военачальнику не мешает прогреться изнутри.

— Шварцкопф, — проговорил он невесело, — он еще долго продержался. Дольше других, во всяком случае. Когда Торстейн поднял мятеж и захватил трон, он даже принес мне соболезнования.

— Шварцкопф быстро учится манерам, — согласился я.

— Все же мне показалось, — сказал он осторожно, — втайне обрадовался неприятностям в Варт Генце.

— Наши мысли бывают всякими, — ответил я. — Главное, чтобы не оформлялись в слова. Тем более поступки. Я имею в виду недобрые мысли.

Он тяжело вздохнул.

— Потом из нашей армии ушли Хенгест, Хродульф... Многие бароны увели свои дружины... Шварцкопф сочувствовал и даже предлагал ударить

всей нашей армией, чтобы схватить мятежников и перевешать за измену.

Я поморщился.

— Это понятно. Он бы с удовольствием перевешал вообще всех вартгенцев.

— Потому я поблагодарил, — ответил Меганвэйл с грустью, — и сказал, что не верю в вашу гибель и буду стоять здесь, пока от старости мои кости не упадут на землю.

— Вы пример для рыцарства, — сказал я растроганно.

— Затем и от него начали уходить многие скарландские лорды, — продолжил он почти бесстрастным голосом.

— Тоже начали борьбу за трон?

— Если бы, — ответил он, и в его ровном голосе прорвалась сильнейшая досада. — У них слишком велики обиды за придуманные ими лишения и страдания по вине вартгенцев, потому между собой почти не дрались...

— Ого!

— Вы догадались верно, ваше высочество. Сразу вторглись в приграничные земли, где, почти не встречая серьезного сопротивления, дошли до линии Гроссера—Смитвуда, а там дорогу перегородила цепь башен и замков.

— Лихо, — сказал я, — они же отхватили почти треть Варт Генца?

— Четверть, — поправил он. — Но все равно унизительно. И ни один вартгенец, пока жив, не смирится с этим подлейшим из нападений и не успокоится, пока не обагрит предательской кровью этих тварей нашу священную землю... что была и останется нашей!

— Успокойтесь, герцог, — сказал я властно. — Разумеется, эта земля никогда не будет принадлежать Скарляндии. Я уже здесь!

Он быстро взглянул на меня и сказал уже другим тоном:

— Правда, есть и хорошие новости. Хотя не государственного значения, но бывает, что и мелочи радуют...

— Герцог?

— Вирландина Самондская, — произнес он.

Я ощутил, как тревожно застучало сердце.

— Что с нею?

— Она в крепости Алый Камень, — сказал он. — Это в землях, сейчас захваченных проклятыми скарляндцами! По сведениям, они обращаются с нею достойно, ей прислуживают убежавшие с нею фрейлины, ее повар, конюхи, с нею личный священник...

Я вздохнул с облегчением.

— Прекрасно. Она успела.

Он сказал многозначительно:

— Все говорит о том, что она покинула столицу в тот же день, когда туда прибыл Торстейн с небольшой тогда группой сторонников. Или даже за день до его прибытия.

— На нее похоже, — сказал я. — Она всегда чуяла грозу. Издали.

— Похоже, — согласился он, — ее высочество принцесса сразу поняла, чем кончится прибытие Торстейна с его дружиной. Раньше он приезжал только с двумя слугами.

Я подумал, спросил:

— Сколько отсюда до Алого Камня?

— Не больше недели, если верхом.

Я раздумывал, колеблясь между желанием увидеть ее и узнать все от нее да и, честно говоря, полежать с

нею в постели, что-то мне зрелые женщины начали нравиться больше, чем ровесницы... и желанием поскорее покончить с дурацкой борьбой мышей за трон в отсутствие кота.

— Ладно, — сказал я, — сперва трон, потом Вирландаина. Мы не только самцы, но и мужчины. Готовьте армию, выступаем по мере готовности частей. Время только делает вид, что все терпит.

Он вздохнул с великим облегчением.

— Слушаюсь. Легкие части выступят уже завтра с утра. Тяжелую конницу еще нужно будет стянуть в кулак. Она вся рассредоточена отрядами по тысяче человек по линии, где можно ожидать наступления войск Мунтвига.

— Я почти уверен, — сказал я, — этой угрозы больше нет.

Он смотрел на меня счастливыми и все еще неверящими глазами.

— Господи, велика сила Твоя...

— И наша, — подтвердил я. — С нами Бог, а с Ним мы, так кто против нас?... Уверен, армии у Мунтвига кончились, и взять больше неоткуда. А то, что наскребет, не в счет.

— Сколько снимаем?

— Всю армию, — сказал я решительно. — О том, что пришла в движение она вся, в Варт Генце станет известно сразу... Посмотрим, что там решит Торстейн.

— И другие, — сказал он с мстительной ноткой. — Как они уходили, пряча глаза и уверяя, что намерены всего лишь остановить притязания Торстейна!

— Может быть, — сказал я, — так вначале и было? Он покачал головой.

— Нет, уже продумывали, что будет потом, когда его остановят. И пирог начали делить заранее.

Он прислушался, я тоже уловил грохот множества копыт боевых коней. Вдали хрипло пропела труба.

— Быстро, — сказал он с удовлетворением. — Дождались... Узнаю коней Арнубернуза и Хельмута... Ваше высочество?

— Да, — ответил я. — Конечно же!

Мы вышли из шатра, а со стороны ближайшего села уже идет отряд тяжело вооруженных всадников, все на рослых конях, седоки в доспехах из хорошей стали, у многих я успел рассмотреть царапины и даже зарубки на блестящей броне.

Держатся молодцевато и гордо, полные осознания собственной силы и значимости, у передних копыта в руках, а у тех, что во второй линии, только щиты на левой руке, закрывающие от плеча до половины бедра, держат чуть наискось, в правой повод, но там же близко покачиваются, напрашиваясь в ладони, и рукояти мечей.

Коней остановили разом на краю площадки, торопливо спрыгивали на землю, затем три церемонных шага и преклонение колена, символизирующее покорность и признание моей полной власти.

Я пошел к ним, поглядывая чуть ли не влюбленными глазами. Графы Арнубернуз и Фродвин, могучий барон Хельмут... За эти полгода он стал еще шире, но под ним не то першерон, не то брабант, хотя я сам видел не раз, что этот чудовищный конь, больше похожий на несущегося в погоню за обидчиком носорога, умеет долго и без видимой усталости идти галопом.

За старшими лордами подошли Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и другие военачальники отрядов, за ними я увидел знакомые лица Николаса Бэрбоуна, Харли Квинна и Джизеса Крайста.

Я поднял Арнубернуза, Фродвина, сразу же сердечно обнимая и прижимая к сердцу. Остальным сле-

лал знак, настойчиво призывая подняться и подойти, мы здесь все — боевое братство, верное долгу, чести и воинской дисциплине, что не позволяет оставить армию самовольно, дабы броситься домой для участия в разборках.

— Все в шатер, — велел я. — Говорить можно и на ветру, но лучше в теплой обстановке. Простите, герцог, это ваш шатер...

Меганвэйл расхохотался:

— Нет уж, теперь ваш! Командуйте, сэра Ричард. Мы готовы.

Я мотнул головой в сторону шатра, все быстро запыливали под полог, внутри мест хватило не всем, встали под стенками, а я вышел на середину, сердце стучит часто и взволнованно, во рту пересохло.

— Дорогие друзья, — сказал я с некоторым трудом, — вы здесь... самые-самые. Я не сужу по знатности, хотя все из достойных семей, но достоинства и чести у вас оказалось больше, чем у самых высокопоставленных лордов! Ладно, кто уехал спешно делить пирог, тот крупно ошибся. И мы им это покажем! Не так ли, барон?

Хельмут, к которому я обратился, тут же проревел мощно, хотя вряд ли понял, о чем я веду речь:

— Да, конечно! А как же! Ну да! Именно!

Я продолжал с вдохновением:

— Видите честное лицо барона Хельмута?.. Вот так должны поступать те, кто свято верит и не сворачивает с тропы чести и достоинства! И я верю... да что там верю, я вижу, здесь только те, с кем мы завершим величайшую победу в истории Варт Генца!

Меганвэйл сказал со сдержанной радостью, весь лучась счастьем, что он уже знает, но не высказывает вперед, а ждет, когда все расскажу я:

— Ваше высочество... об этом подробнее!

— Это хорошо, — сказал я, — что они ушли. Не хорошо такое говорить, мы же христиане, но в то же время и люди, что прощают с зубовным скрежетом... Теперь точно знаем, так сказать, своих.

Меганвэйл бросил быстрый взгляд на воспламенившиеся лица соратников, спросил на правах старшего по возрасту:

— Ваше высочество, что именно вы имели в виду под величайшей победой в истории нашего королевства?

Я уже почти совладал с волнением и ответил с ясной улыбкой мудреца:

— Конечно же, не те армии Бриттии и Гиксии, что сейчас выдвигаются на границы Варт Генца. Пришло время, которого я так ждал... но не смел говорить, потому что всякому овощу свое время, а каждому дураку свой мощный пинок.

Меганвэйл вздохнул.

— Да уж, созрело...

— Момент удачный, — возразил я, — сейчас королевство все глубже погружается в пучину гражданской войны. Но там кто бы ни выиграл, все равно проиграет, если по большому счету. Хуже того, будет виноватым. Потому этот день так важен... Чем ночь темнее, тем ярче звезды!.. В нелегкое время все видят, кто чего стоит, и в такое время легче принимаются перемены.

Граф Арнубернуз спросил осторожно:

— Ваше высочество... вы имеете в виду, что сейчас самое время вам принять королевскую корону? Это в самом деле разом прекратит все распри.

Фродвин сказал громко:

— Мне, как и всем нам, этого очень бы хотелось.

— Сразу надо было так, — проворчал Хельмут. — А не это... на год. Просто на год отсрочили гражданскую войну.

Меганвэйл напомнил примирительно:

— Было решено, что его высочество принц Ричард, как доверенное лицо покойного короля, на год возлагает на себя полномочия регента, а за это время в королевстве должны подготовить и провести абсолютно честные выборы. Чтобы на трон вступил человек, честность избрания которого признают даже противники.

— Честных выборов требуют те, — проронил мудрый Арнубернуз, — кто уверен или почти уверен в победе.

— Таких много?

— Вообще нет, — ответил он хмуро. — Но кто знает, что в честных проиграет, тот использует и все прочие методы.

— Слухи, — пробасил тяжелодум Хельмут, — что принц Ричард погиб?

— Да, — подтвердил Меганвэйл. — Предполагалось, что за проведением выборов проследит сам принц Ричард, но так как он сгинул в неравной войне с Мунтвигом, то все поспешили опередить события...

Хельмут вперил в меня требовательный взгляд.

— Ваше высочество... Все сошлось на том, что вам придется принять королевскую корону. Даже звезды, думаю, сдвинулись в одну точку на небе.

Глава 15

Все тихо переговариваются, явно одобряя его слова, на меня смотрят в нетерпеливом ожидании.

Я покачал головой.

— Нет. Я не надену корону Варт Генца. Это было бы рядовое решение... которого все ожидают. Друзья с радостью, враги с зубовным скрежетом. Но это понятное и ожидаемое решение. Однако, друзья мои, мы ведь привыкли побеждать, навязывая противнику невыгодные условия? Поступим и на этот раз так!.. И мало найдется таких, кто решится выказать неудовольствие на фоне всеобщего ликования...

Они все разом замолчали, затаили дыхание и смотрят на меня радостно ликующими глазами.

Меганвэйл сказал громко:

— Ваше высочество! Я знаю только одно, что обрадует нас всех...

Все перевели взгляды на него, ожидая продолжения, но Хельмут бухнул без раздумий:

— Я же сказал, корона. Корона Варт Генца!

Фродвин подтвердил с широкой улыбкой:

— Присоединяюсь. Я порылся в памяти, чего бы мне еще хотелось... Даже холодца с хреном не так жаждется, как увидеть корону на вашей голове, сэра Ричард!

Я вскинул руки, придавливая поднимающийся в шатре говор.

— Да!.. Но не корону Варт Генца.

Они все разом умолкли, насторожились. Меганвэйл спросил в мертвой тишине:

— Ваше высочество?

— Корону Улагорнии, — произнес я как можно вдохновеннее, расправил плечи и посмотрел на всех, надеюсь, заблестевшими глазами, стараясь влить и в них как бы переполняющий меня энтузиазм. — Скарляндии больше не будет!.. Она вливается в общее королевство, ядром которого будет наш Варт Генц. Это новое королевство возродит великую и незаслуженно забытую меркантильными потомками славу

доблестных предков!.. Улагорния, друзья мои, будет не одним из королевств в этом регионе!.. Она станет самым крупным и могущественным. С нею будут не просто считаться, а трепетать и снимать шляпы, только услышав это грозное и оваянное славой и познавшее радость побед имя!

Некоторое время все обалдело молчали, затем возник тихий говор, это когда сосед с соседом, потом начал разрастаться, охватывая группы.

Меганвэйл поглядывал на меня с изумлением и восторгом, а когда шум начал зашкаливать, похлопал ладонью по столу, воздел себя во весь рост.

— Тихо, тихо!.. Его высочество принц Ричард в самом деле... всех ошеломил...

Хельмут проревел:

— Ошеломил? Если бы я уже не сидел...

Поднялся Габрилас, вскинул руку, как школьник на уроке:

— А что сама Скарляндия?

Меганвэйл, что не успел сесть, ответил весело:

— Для них это тоже спасительный выход из тупика!.. Простите, ваше высочество...

Он поклонился и сел, немного сконфуженный, что ответил за меня, как бы бестактно, не оправдывает даже необычность момента, а я поднялся и раскинул руки в широком примиряющем жесте.

— Позвольте добавить к мудрому замечанию герцога... Скарляндия будет счастлива, хотя и постарается этого не показать. Но не только тем, что разом убираем все противоречия.

Я сделал паузу, рядом с Габриласом вскочил Фитцуильямс, взъерошенный и нетерпеливый.

— Ваше высочество, не томите!

— Эбберт, — произнес я веско. Все умолкли, я в мертвой тишине сказал обрекающе: — Это коро-

левство забыло, что они живут в христианском мире и подчиняются законам, данным нам Всевышним. Они полностью отвергли Создателя, его законы. Их мораль упала до фараоновых времен... нет, еще ниже. Потому оно было уничтожено. Территория отойдет к Улагорнии, а земли будут разделены между теми, кто активно помогал строить великое и, не побоюсь этого высокого слова, величайшее государство Улагорнию, еще более крупное и великое, чем то, древнее!

В шатре, как я и ожидал, шум поднялся тот особый, когда преобладает щенячья радость и детское ликование. Патриотизм патриотизмом, на нем одном можно делать великие дела, особенно в это чистое и сравнительно честное время, но я еще и политик, практично пообещал разделить земли между активными строителями Улагорнии, а кто услышит о таком первом, как не первые строители?

Я поднялся, вскинул руки.

— Легкие части должны выступить завтра с утра... если дороги позволят. Тяжелые... по мере возможности. Нам нельзя терять время!

Возбуждение потряхивает меня, сердце стучит, уснуть точно не получится, и я всю ночь бродил от костра к костру, разговаривал с осчастливленными воинами, обещал после победы над мятежниками вечный мир и полное счастье, благодать и легкую службу, когда воевать не придется, а платить за службу будут щедро.

Меганвэйл хорош, а для меня просто идеальный военачальник. У него прекрасные способности управлять большими массами войск, но в то же время отсутствуют малейшие желания заниматься чем-то еще, кроме армии.

Для него идеал, когда во главе королевства находится сильный лидер, и тогда можно самозабвенно улучшать и улучшать армию, доводя до совершенства даже ремонт подков обозных лошадей.

В его немалом имении всем занимается его жена, леди Лаура. При первом нашем знакомстве он честно признался, что ничего в нем не смыслит, а всем ведает она, умелая и расторопная, так что в жизни он счастлив.

Я полагал, что он предан королю Фальстронгу, но оказалось, он предан трону, а единственное пожелание, чтобы там сидел настоящий король. Таким был Фальстронг, а теперь вот я, такой же решительный, мужественный, избегающий дворцовых интриг, проводящий больше времени с армией, чем с фрейлинами и придворными дамами.

Уже на рассвете весь лагерь пришел в движение. Гонцы уносились во все стороны, а возвращались каждый с десятком оседланных коней в поводу, а те, кому они достались, уносились точно так же быстро и во все стороны. Кони на зиму распределены по селам, и, чтобы собрать, потребуется некоторое время.

Пока готовились к выступлению, мы в шатре с Меганвэйлом провели последний брифинг, я с двумя чашками крепчайшего черного кофе, он с легким вином, оба прислушиваемся к конскому топоту, гонцы уносятся один за другим, Меганвэйл сказал задумчиво:

— В то же время это как бы не мятеж. Или не совсем мятеж... Никто не выступил против вас, ваше высочество! Все борются за опустевший трон, за право посадить туда своего.

Я огрызнулся:

— Ну да, если считать, что трон пуст! Но я должен был покинуть его, насколько помню, всего не-

делю назад, а война за трон началась когда? То-то же. Все договорились о полноценном годе моего регентства, а за это время лорды должны были как-то договориться... на всеобщем собрании лордов или в кулуарных переговорах между собой, неважно, время все решить у них было. Почему так не случилось?

Он вздохнул.

— Отчасти из-за того, что верховные лорды увели свои дружины с вашей армией. Поступить иначе они тоже не могли, оставшиеся сразу запятнали бы свою честь, будущего короля выбирали бы из тех, кто остался вам верен...

— Но Торстейн...

— Торстейн поступил хитрее, — согласился он. — Чего никто, конечно, не ожидал. Он все годы копил мощь, и даже когда основные претенденты на трон ушли с вами охранять границы королевства, он держался тихо.

— Понятно, — сказал я, — триггером послужили слухи, что я исчез, подобно Карлу и Мунтвигу?

Он кивнул, опустил голову.

— Да. Медленно и небольшими группами, никого не настораживая, он начал вводить своих людей в города, крепости, замки. В общем, захватил он королевство за считанные дни... Правда, потом началось, в стране все-таки он не популярен, того же Леофрига или Хенгеста любят больше, Хродульфа больше уважают, даже Меревальда чтят, а у Торстейна такой поддержки не было...

— Зато власть он захватил лихо, — согласился я. — Только захватить обычно проще, чем удержать.

— Пока держит, — ответил он угрюмо, — верно рассчитал, что верховные лорды не договорятся действовать вместе. Сейчас вот разведчики докладывают, что войска Леофрига осаждают крепость Хенге-

ста, а тот хоть и двинулся в земли Торстейна, однако тоже избегает решительного сражения...

— Еще бы, — сказал я горько, — зачем ему? Они сами так обескровят друг друга, что народ начнет считать уже Торстейна самым мудрым и миролюбивым!.. Однако, дорогой граф, этот мятеж все же против меня, законно избранного сузерена. Мой срок сидения на троне хоть уже истек, но истек только сейчас, потому я вправе рассматривать это как мятеж, а не как гражданскую войну, хотя на самом деле это уже гражданская война...

Он посмотрел остро, лицо чуть посветлело.

— Ваше высочество, вы, как всегда, смотрите в корень. Да, это кровавая гражданская война, но все-таки все действительно началось с мятежа!

— А мятеж будем подавлять, — сказал я.

— Именно мятеж? — переспросил он.

— Мятеж против законной власти, — подтвердил я. — Мы не пришли утихомиривать разбушевавшиеся страсти гражданской войны! Мы пришли подавить мятеж.

Он кивнул, понимая, принимая и соглашаясь с необходимостью считать это не гражданской войной, а именно мятежом. В любом королевстве самым тяжким преступлением считается государственная измена. Таких преступников не вешают и не рубят им головы, а подвергают обязательному четвертованию.

Потому мои карательные меры, когда вместо четвертования просто буду вешать или рубить головы, будут приняты как неслыханная милость и снисхождение.

— Земли Вольной Велении и Баттерляйта, — сказал он, — в руках Леофрига, а область Цекенга все еще под властью Хродульфа, хотя там часть лордов

уже присягнула Торстейну. Земли Жежеста, что между реками Черная и Уланая, в целом верны Хенгесту, но и там около трети лордов либо принесли присягу Торстейну, либо готовы принести...

Я сказал зло:

— Тем и чудовищна гражданская!.. Нет единого фронта, нет наступающей армии, а по всей стране все бьются со всеми... Хорошо, диспозиция ясна. Выводите войска, герцог!.. Нужно спасать Варт Генц. Чем раньше выступим, тем больше налогоплательщиков спасем, не говоря уже об их домах и прочем имуществе...

Выступили с опозданием, почти в полдень, дремучие и абсолютно непроходимые для конницы леса потянулись то справа, то слева, однако Меганвэйл заверил, что в этой части земель чуть дальше пролегает дивная дорога, оставленная древними народами: прямая, как стрела, приподнятая в низинах и врытая в холмы так, что обе половинки по обе стороны дороги, как шумные волны, но все равно по бокам прорыты глубокие канавы для стока воды, так что даже в непогоду можно идти по этой дороге, тревожась только насчет разбойников или стаи волков, но зная, что не увязнешь в болоте.

Сам Меганвэйл постоянно держится со мной рядом, помолодел, ожил, сейчас сказал с радостным оживлением:

— С Варт Генцем, ваше высочество, уверен, все ясно. Верховные лорды знают прекрасно, что я не стану вмешиваться и принесу присягу любому, кто окажется на троне, потому и затеяли кровавую гражданскую войну... однако, ваше высочество, нашей армии достаточно, чтобы сломить сопротивление мятежников, даже если они вдруг каким-то чудом сумели бы объединиться.

Я подумал, покачал головой.

— Все нужно делать с минимальными потерями. Как в людях, имуществе, так и в общественном мнении. Особенно в общественном мнении. Оно бывает дороже имущества, что, конечно, дурость, если подумать. Но наша жизнь не сплошная красивая дурость?

Он посмотрел на меня, как я только что сказал, несколько странно.

— Конечно, мнение лордов дороже...

— Потому и...

— Ваше высочество?

— Мне бы не хотелось вводить войска в Скарляндию, — ответил я. — Хотя это правильная и мудрая помощь тем же скарляндцам, что страдают от жестокой междоусобицы, но...

Я умолк, прикидывая, как это пойдет, он снова спросил в нетерпении:

— Вы не хотите, чтобы они восприняли нашу армию, как враждебную?

— Верно, герцог.

— Но тогда... полагаете, им будет достаточно вашего слова?

— Думаю, — ответил я скромно, — да. Но, чтобы придать ему вес, а также для особой выгоды в далеком будущем, если оно у нас будет, я введу с северо-востока армию Бриттии, а также отряды из Ирама и Пекланда.

Он сказал потрясенно:

— Даже Ирама и Пекланда?

— Небольшие отряды, — уточнил я. — Добровольцев. Охотники за славой! И добычей, естественно. Я им дам небольшие наделы в бывших землях Эбберта и присвою соответствующие титулы. Мне нужны на покоренных землях, где все равно таят на

меня злобу, надежные и верные люди, благодарные мне за щедрые дары.

Он кивнул, сказал с пониманием:

— Но они будут под знаменами ирамцев и пекландцев?

— А как же, — ответил я довольно. — Пусть скарляндцы видят!.. Хотя реальной силой обладает только армия Бриттии. Да и то, между нами говоря, что у нее за армия?

Он махнул рукой.

— При том раздразе и резне, что начались сейчас и в Скарляндии, даже сплоченные отряды ирамцев и пекландцев могут захватить все королевство! Они мне враги, но все же, как человек, я сожалею, до какого позора довели страну...

— Ирамцы и пекландцы уже, — сказал я, — по моему приказу выдвигаются на рубежи и вот-вот перейдут границу. Наша армия, я имею в виду эту, границы переходить не станет... пока что.

Он сперва нахмурился.

— Но ведь это не вартгенская армия!.. Вартгенцы все ушли и увели свои войска.

— Да, — согласился я, — но скарляндцы все равно эту армию могут воспринять, как вартгенскую.

Он подумал, затем лицо начало медленно проясняться.

— Ага, — каркнул он молодо, — вы не хотите, чтобы на вартгенцев падала даже тень?

Я кивнул.

— Догадываетесь верно.

— Да, — сказал он и потер ладони одна о другую. — Говорите, охотники за славой и добычей?

— Вы все поняли, — сказал я скромно.

— Хорошо, — сказал он с детским злорадством, — пусть там пограбят, как следует. А мы, вартгенцы, не

воспользовались моментом и не напали с востока! Мы такие хорошие и замечательные...

— Вы мудрый человек, герцог. Хотя и военачальник. Пусть в Скарляндах видят, объединяют их в Улагорнию не проклятые вартгенцы, тем самым вынуждая отказываться ради завтрашних вершин от сегодняшних суверенных холмиков, а воля принца Ричарда Завоевателя!

— Ричарда Завоевателя, — повторил он. — Именно так. Ричард Завоеватель объединяет земли трех королевств и создает одно, которое заставит трепетать все королевства севера!

Часть третья

Глава 1

В который раз я залюбовался колонной пехоты Макса, так я ее называю, хотя Макс еще в Сакранте, ему сюда двигаться еще пару месяцев. Эти идут ровными рядами, все в одинаковых плащах поверх доспехов, на локте левой руки квадратный щит, правая отмахивает шаг, тяжелые длинные копья везут в обозе.

Всадники тоже со щитом на левой, а в правой копье, у всех белые плащи с огромными красными крестами, что полыхают на груди и теперь на спине, как у возвращающихся с победой.

Идет грозная сплоченная сила, что сметет любое войско старого типа. Люди, обученные держать строй и сражаться, как их обучали долго и старательно, непобедимы, что они и доказали, разгромив многочисленные орды и полчища Мунтвига.

Разведчик примчался навстречу, лихо вздыбил коня, заставил его попятиться на задних ногах, показывая отменную выучку.

— В трех милях город Кредшир, — крикнул он, — а еще в пяти милях дальше — Унтергершафт. Этот побольше и побогаче!

Я подумал, что летом от Кредшира до Унтергершафта можно проехать часа за три-четыре, однако по снежным сугробам двигаться труд-

но, приходится часто останавливаться, давать коням и людям отдых.

Сутки ушли на такой короткий отрезок дороги, хотя, конечно, тут никакой дороги, вышли к одинокому деревянному дому, темному и страшноватому, что так прижался к двум толстым дубам, будто стал их частью. Правда, длинная коновязь на дюжину коней, добротный колодезь с воротом, а дальше в глубине леса виднеются еще и шалаши, почти неотличимые от окружающих кустов.

Вокруг трех костров на обрубках толстых стволов сидят лохматые люди в звериных шкурах, пятеро держат над огнем громадные куски мяса, судя по разбросанным рядом окровавленным шкурам, только что добытого на охоте, другие осматривают оружие, меняют тетивы на луках.

На приближающихся рыцарей посмотрели без страха, хотя и без почтения, здесь свои лорды, но все же поклонились.

Меганвэйл спросил грозно:

— Чьи владения?

— Барона Вейганда, — ответил один с некоторым вызовом в голосе.

— Чью сторону он держит? — спросил Меганвэйл.

— Свою, — ответил мужик.

— Это как? — переспросил Меганвэйл. — Он тоже хочет трон?

Мужик посмотрел на него, как на дурака.

— Зачем? Трон пусть добывают те, кто сложит в конце концов голову. А наш лорд поддерживает тех, кто дает больше.

Меганвэйл покраснел от гнева, обернулся ко мне.

— Видите, сэр Ричард, как низко люди пали?

— Демократ, — ответил я. — У этого лорда нет постоянных друзей, зато есть постоянные интересы...

Дорогой друг, с этими людьми придется считаться все больше и больше, хотя, конечно, я бы, как и вы, таких с удовольствием перевешал. Но Господь в своей бесконечной милости позволяет жить и плодиться даже подлецам, а тем только этого и надо...

Он с недовольным прищуром, но оценивающе рассматривал фигуры в звериных шкурах, дым костра окутывает так часто, что иногда исчезают вовсе, как призраки, но дым относит в сторону, и вот они снова на месте, могучие, крепкие и зримые, люди леса, где не выжить без большой физической силы, выносливости и мужества.

— Скоро все наладится, — сказал я громко. — Вам не придется уходить в леса. Разве что охотникам, смолокурам да углежогам... Власть вернулась, на трон сядет король, война сойдет на нет. Потерпите немного.

В ожидании той особой дороги древних мы прошли еще несколько миль вдоль леса, и еще несколько раз я видел истоптанный десятками, а то и сотнями ног снег.

Народ, что уходил в глухие леса от тягот войны, в конце концов так привыкал к деревьям, что не мыслил себе жизни без такой кровли над головой, а выйти даже на опушку — это лишиться какой-то защиты. Потому именно на краю леса и возникают базары, куда крестьяне из сел и городов приносят свои товары: муку тонкого помола, соль, сети для ловли птиц, а лесные жители туда доставляют связки всевозможных шкур, мяса, сушеные грибы и орехи, а также всякие редкие травы для лекарей.

По небу, как часто бывает весной, тучи проносятся необычайно быстро, в верхах ветер бывает куда сильнее, чем у земли. Разведчики сообщили, что конница

пройдет, пусть и с трудностями, но телеги придется в двух-трех местах разбирать и переносить на руках.

Я морщился, скрипел, но здесь таскать в распутицу повозки на руках — привычное дело, так что армия продолжала медленно и трудно двигаться вперед.

Легче стало, когда углубились в сосновый бор, деревья здесь растут очень высокие, стройные, ветки только на самой вершинке, земля усыпана сухими иголками на две ладони толщиной, так что легко идут не только кони, но и телеги.

Ветер налетает часто, однако лишь шумит поверху, лишь изредка слышится треск, и сломанная вершинка неохотно падает к земле.

Разведчики сообщили, что древняя дорога всего в двух милях, нужно только подняться на взгорье, а дальше можно будет перевести дыхание.

Я велел ускорить движение, а когда наконец-то выбрались на ту легендарную дорогу, разрешил устроить привал на пару суток, отдохнуть всем и дать отдохнуть коням.

Лучший шатер, огненного пурпурного цвета, теперь у меня, самый просторный и нарядный, четыре костра по сторонам света, стража, два оруженосца, что ловят приказы на лету.

Меганвэйл велел свой шатер разбить рядом, сам зашел ко мне, не дожидаясь, пока его поставят.

— Ваше высочество, я тут кое-что отметил на карте...

Он расстелил во всю ширь стола, я всмотрелся, повел пальцем:

— Вот здесь эта горная цепь прерывается... Река Шпраге не течет ровная, как палка, а здесь и здесь бросает петли... Вот тут непроходимый лес, и хотя мы пройдем в стороне, но все-таки карты нужно составлять точнее...

Он воззрился в меня с великим изумлением.

— А вы откуда такое знаете?

— Мне было видение, — ответил скромно. — Пришло и рекло: взгляни последний раз на карту Варт Генца, ибо отныне будешь смотреть на просторы великой Улагорнии... Ладно, это поэзия, что вы хотели показать, герцог?

Он повел рукой по карте.

— Варт Генц, если смотреть вот так, не такой уж и громадный, но когда трясешься в конском седле, а миля за милей тянутся так медленно... Нам предстоит пройти через все королевство на восток, именно там расположены земли Торстейна и примкнувших к нему лордов. Вообще-то им давно хотелось оторвать ту богатую провинцию...

— И присоединиться к Гиксии?

Он покачал головой.

— Нет, с Гиксией у Торстейна скверные отношения.

— Ах да, — вспомнил я, — он же водит в набег свои боевые дружины через Зачарованные Земли...

— Именно, — подтвердил он. — В Гиксию. Там его именем уже пугают детей! Не вашим, а его!

— Нет-нет, — сказал я поспешно, — пусть пугают его именем, я не против. Это даже хорошо.

— Ваше высочество?

— Та армия Гиксии, — пояснил я, — которой я велел выдвинуться на границу с Варт Генцем и ждать там, теперь получит приказ перейти границу.

Он сперва отшатнулся, потом просиял.

— Ах да, это же ваша армия! Ваше высочество, срочно пишите приказ, а я велю подготовить самых быстрых гонцов. Пусть гиксийцы разорят гнездо Торстейнов до основания!.. Пусть опустошат их земли, но зато вырвут этот ядовитый корень...

— Который досаждал им даже больше, — подсказал я, — чем досаждают нам.

Он посмотрел на меня с восхищением:

— Ваше высочество, вы станете великим королем.

— Герцог?

— Торстейна можем сломить и мы, — пояснил он, — достаточно легко. У нас армия, у него лишь войска. Но вы, отказываясь от воинской славы, предпочитаете, чтобы кровь пролили якобы другие, и ответственность осталась на них.

— Гражданская война, — ответил я мирно, — несправедливы все... Потом начнем мирную жизнь. И все забудется.

— Но все равно, — сказал он, — гнев лордов на землях Торстейна будет направлен против гиксийцев, хотя их послала та же самая рука, что ведет наши войска с запада!

— Это политика, — сказал я. — Нужно только, чтобы гиксийцы не просто побили там народ и пожгли города, а обязательно истребили самих заговорщиков. Только тогда будет оправданно их вторжение.

— Истребят, — пообещал он. — Не бросят же те свои земли! Вступят в бой, Торстейн отважен, как и его лорды, у всех богатый боевой опыт набегов и яростных схваток... У гиксийцев старые обиды, так что столкновение будет яростное.

— Хорошо, — сказал я. — Гиксийцы должны завоевать титулы и владения в землях Эбберта, а не просто получить в дар.

— И кто проявит себя, — пробормотал он, — тот получит больше. Это тоже нужно будет сообщить сразу...

— Составьте послание сами, — велел я. — Я пишу, и отправляйте немедленно.

Дорога в самом деле просто необыкновенная, словно из сплошной гранитной плиты, чуточку шероховатой, в крохотных выбоинах, но это, скорее, чтобы подошвы не скользили на идеально ровном. По этому покрытию бодро идет не только конница, но волы и тяжелые телеги тянут следом с легкостью, словно там нет поклажи.

Далеко вперед пошла легкая конница, этой дорогой можно идти еще суток трое-четверо, потом она оборвется, разорванная глубоким ущельем, нужно снова выбирать места, хорошо прогретые солнцем, где земля уже подсыхает...

За нашими спинами движется тяжелая панцирная, а мы с Меганвэйлом и двумя десятками знатнейших лордов выехали в головной отряд, оставив впереди только дальние разъезды, высматривающие противника.

Собственно, мы продвигаемся уже по Варт Генцу, вся армия Меганвэйла и Шварцкопфа располагалась по границе Скарляндии и Варт Генца с Бриттией, сейчас держим направление в центр королевства, где сосредоточились все густонаселенные города, в том числе и столица.

Меганвэйл, переговорив со своими лордами, быстро подъехал ко мне.

— Я взял на себя смелость послать барона Эванса к крепости Алый Камень, — сказал он тихо.

— А что там? — спросил я. — Ах да, Вирландина...

— Совершенно точно, ваше высочество.

— Не опасно?

— Есть такое, — признался он, — однако, полагаю, хотя это на захваченной врагом территории, барона Эванса наверняка пропустят. Стоит ему сказать скарляндцам, что вы вернулись с победой.

— Возможно, — пробормотал я.

— И сейчас, — добавил он, — во главе огромной победоносной армии, что в состоянии смести с лица земли любого противника, двигаетесь в их сторону.

Я усмехнулся:

— Мы двигаемся не в их сторону, но в остальном, как ни дико звучит, вы недалеко от истины.

— Ваше высочество?

— Армия, — пояснил я, — вернется из беспрецедентного северного похода еще огромнее, чем ушла.

Он дернулся.

— Как это возможно...

— Я увеличил ее за счет бриттских лордов, — напомнил я, — сакрантских, еще у меня отряды из Пекланда и Ирама. На самом деле мне такая армия и не нужна, это я от страха перед Мунтвигом... Потом распустим.

Он охнул, словно я предложил самую святотатственную вещь на свете.

— Ваше высочество! Как можно?

— У нас сложится новый тип армии, — заверил я. — В мирное время будут пахать, сеять, строить, а в военное — жечь, ломать, насиловать, рушить, убивать... человек должен быть разносторонним, как учил нас Господь! Иначе он не человек, а животное какое-то... Даже не хочу говорить какое, тыфу на него. В общем, это обещает быстрое экономическое развитие с соответствующим падением нравственности, но тут уж не сохранить то и другое, нужно выбирать... и понятно, что выберем.

Он промолчал, то ли потерял нить моей вычурной мысли, я же умный, то ли сразу успокоился, получив заверение, что даже такая огромная армия не будет распущена, просто будем использовать на полезных работах, к примеру — строить шикарные летние виллы для высшего командного состава.

Дважды шел мелкий дождь, затем его сменила мелкая отвратительная снежная крупа, затем снова дождь, а когда армия вынужденно остановилась, сразу же выглянуло солнышко, пригрело, и от мокрой одежды пошел такой пар, что все войско окуталось белым облаком.

Разосланные во все стороны разведчики доносят, что Торстейн, Леофриг, Хродульф и Хенгест рассылают по всему королевству письма, обвиняя друг друга в измене и предательстве, а тем временем постоянно укрепляют свои замки и крепости, стягивают в них всех способных держать в руках оружие, нападают на города, а села вообще стирают с лица земли, стремясь ослабить противника.

Настоящие масштабные бои ведутся в пригородах столицы и вблизи, там густонаселенные земли, дороги хорошие, некоторая каменистая возвышенность, что позволяет накапливать войска и перебрасывать их с места на место достаточно быстро.

Меганвэйл выслушал очередное донесение, кивнул с задумчивым видом.

— В общем, — сказал он, — идет рутинная и довольно бессмысленная резня. Это длится не так уж и долго...

Он умолк, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Но уже все ощутили, — продолжил я, — что ей не будет конца, пока все не перебьют друг друга...

— А победитель, — закончил он, — останется один на пепелище.

— Жаль, — сказал я с сердцем, — что не убьется о стену!

— Да, — согласился он, — нам было бы проще... Если бы только это была не наша страна и не наш народ.

Глава 2

Дальше нас задержала разлившаяся река Гестинга. Летом ее куры переходят вброд, но внешние воды с гор наполняют так, что вот сейчас пришлось остановиться на возвышении и смотреть, как грязная вода несет кусты, трупы утопших лесных зверьков, прошлогодние листья и прочий мусор.

Здесь прославленная дорога оказалась залита водой, и хотя плотную поверхность ничем не сдвинуть, но идти вброд опасно, вода покрыла их какой-то отвратительной слизью, подошвы соскальзывают, и Меганвэйл велел всем нетерпеливым храбрецам вернуться и ждать вместе с войском.

Я молча злился, погода сковала меня сильнее, чем если бы меня привязали к дереву. Грязь везде, солнце сушить не успевает. Правда, разведчики отыскивали за лесом длинный лог, где ветер дует хорошо и сильно, так что уже подсохло, а дальше дорога пойдет выше, там уже почти подсохло, а где не успело, то земля каменистая, даже телеги пройдут.

Но, увы, чтобы туда добраться, придется ждать, когда здесь подсохнет хотя бы чуть-чуть. А это чуть-чуть тянется и тянется...

Продвинулись на пару миль, открылся вид на город Миттельберг, восемь раз разрушенный войной до основания, но сейчас гордо вздымает высокие и, конечно же, неприступные стены, которые противник всякий раз берет если не приступом, то осадой. Еще выше блестят золотом шпили церквей и кресты на них, башни из обожженного кирпича, красные крыши высоких домов в несколько этажей.

Здесь пришлось задержаться еще почти на неделю, пока не спала вода, преграждающая дорогу.

Я уже начал подумывать, что бездарно трачу время, можно бы смотаться на своем противогрязевом коне в какие-то интересные места, хотя, конечно, полководцу надлежит быть с армией, да еще в такое время, когда он всерьез нацелился на королевскую корону.

Меганвэйл как чувствует, что могу улизнуть, почти не оставляет меня наедине, сейчас начал рассказывать про бурные протесты Гиксии насчет набегов Торстейна, но прервал себя на полуслове, в сторону нашего лагеря мчится на взмыленном коне всадник, по одежде и снаряжению один из легких разведчиков, у которых даже кони не подкованы, чтобы не таскали лишнюю тяжесть и могли бежать чуть быстрее.

Мы дождались в молчании, когда он приблизился, навстречу бросились воины, ухватили за повод шатающегося от изнеможения коня и повели по кругу, постепенно охлаждая, а то падет замертво, а разведчик соскочил на землю и на подгибающихся ногах подбежал к нам.

— Ваше высочество, — крикнул он сиплым голосом, — мы обнаружили большую группу рыцарей, что на удивительно легких быстроногих конях продвигаются в нашу сторону со стороны севера!

— По такой распутице? — спросил я.

— У них удивительные кони, — сказал он горячо. — Нам бы таких!.. Я сам видел, как легко одолевают топи, болота и даже разлившиеся половодьем реки!

— Герои, — сказал я заинтересованно. — Чьи знамена?

— Ваши, — выпалил он. — Они остановились на ночной отдых, а я погнал коня к вам, но, думаю, несмотря на их ночевку, они вот-вот догонят...

— Вы успели с ними пообщаться? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Это барон Норберт с его людьми и граф Альбрехт!

Я невольно широко заулыбался, чувствуя, как теплая волна счастья хлынула в меня, словно река в ущелье.

Меганвэйл тоже улыбнулся, он дружен с обоими, но спросил на всякий случай:

— Армия без них обойдется?

— Армия возвращается с победой, — ответил я. — Боев впереди не предвидится. Во всяком случае, серьезных. Вплоть до Сен-Мари.

Он переспросил с некоторым удивлением:

— Сен-Мари?

— Разве мы не обойдемся здесь без северной армии? — спросил я.

Он широко заулыбался.

— Ваше высочество, мы обошлись бы даже без привлеченных вами армий Пекланда, Ирама и Бриттии!

— И Гиксии, — сказал я. — Я создаю интернационал королей, тружеников пера и топора... Но как же я люблю, когда друзья рядом! Да побольше, побольше.

Он кивнул понимающе.

— Мне иногда кажется, наше лучшее завоевание в этом мире, это друзья... Ого, разведчик был прав!

Я повернулся в ту сторону, куда он вперил взгляд. По талой воде, лихо разбрызгивая ее, словно по теплой речной отмели, мчатся в нашу сторону всадники на прекрасных белых конях, изящных, с изысканно обрисованными мышцами под тонкой кожей.

Впереди Норберт и Альбрехт, и по мере того, как приближались, я видел их измученные лица и настолько забрызганную грязью одежду, что не рассмотреть ни гербов, ни золотого шитья.

Я пустил коня навстречу и, едва поднялись на пригорок, принял одного за другим в объятия, прижал к груди, чувствуя несвойственную мне нежность.

— Чувствовали, что я по вам соскучился?

Норберт сдержанно, но широко улыбался, Альбрехт сказал весело:

— Долго здесь торчите?.. Тут среди вонючих болот и по Мунтвигу можно соскучиться!

Я насторожился.

— Что-то слышно?

Он покачал головой.

— Мир велик. Мы видели только краешек...

Я кивнул слугам и оруженосцам, они уже окружили обоих, готовые тащить героев к бадьям с горячей водой, отпаривать старую грязь и смывать свежую.

— Переведите дух, — велел я. — Вас переоденут в какое-нибудь тряпье... что осталось от троллей, а потом пообщаемся уже без помех.

Альбрехт покрутил головой.

— От троллей?.. А где Растер?

Я не успел ответить, Норберт сказал уверенно:

— Мы промчались мимо в трех милях! Они за тем лесом, где верхушки обгорелые, как вы первым заметили и начали предполагать всякие непристойности...

— Хоть что-то я первым заметил, — пробормотал Альбрехт с сомнением, потом переспросил с недоверием: — а точно, я первым?

— Дорогой Норберт, — сказал я с чувством, — вы только с коня, а уже трудитесь и здесь так, как никто!.. Я недавно сам спрашивал, где мой Растер и как бы с ним повидаться, но никто не знает! А вы вот сразу...

Он удовлетворенно улыбнулся.

— Это моя работа, ваше высочество.

Альбрехт спросил живо:

— Навестим?.. Наши кони позволяют!

Я оглянулся на Меганвэйла, он кивнул.

— Ваше высочество, в этой грязи армия утонет. Придется еще недельку выждать. Так что если у вас такие кони...

— Тогда перекусим? — спросил Альбрехт. — Промочим горлы и к Растеру?

Я покачал головой.

— Откуда у вас только силы берутся... Вы же вдвое старше.

— И что? — спросил Альбрехт уязвленно. — Мы с Норбертом в самом расцвете молодости! Хотя, когда я был в пеленках, вот как вы сейчас, тоже считал мой нынешний возраст старостью.

— Убедили, — ответил я. — Так все-таки помоемся... или сразу промочим глотки?

Норберт пробормотал в недоумении:

— Мыться? Зачем? Подсохнет, само осыплется. А вот вовнутрь принять не мешает, если на то будет ваша высокая воля.

Я указал в сторону моего шатра.

Оба ели за троих и пили за пятерых, что значит, сюда мчались и мчались, перекусывали на ходу и не покидая седел, но оба такие худые и жилистые, сплошная выносливость и выживаемость, что в самом деле не припоминаю их изнуренными или даже усталыми.

Норберт все нахваливал вино, а я создавал пополам с виноградным соком, чтоб не упились, а потерю жидкости восполнить необходимо. Альбрехт ел и пил умеренно, все расспрашивал, как здесь и что, я рассказал обоим вкратце ситуации в Варт Генце и в Скарляндии, что оба восприняли спокойно, ну да, а как же иначе, удивительнее было бы, если бы все осталось, как прежде. Едва кот из комнаты, мыши танцуют на столе...

У Норберта в самом деле чутье, почти вся его разведка осталась там, в Сакранте, но он безошибочно назвал все части Меганвэйла, кто из них где распо-

ложился, сообщил о бароне Хельмуте, что довольно неосторожно выдвинулся на восток, ломая порядок войск, но сам же и добавил, что сейчас это неопасно, у Мунтвига совсем нет крупных армий...

Их кони отдохнуть, конечно, не успели, но Альбрехт заверил, что если Норберт не ошибается, то Растер в самом деле недалеко, успеем увидеть его сегодня же вечером.

Бобик завизжал от счастья, когда услышал, что едем к Растеру, у них какое-то родство душ, оба просто влюблены друг в друга, полное взаимопонимание, никаких секретов.

Я на некоторое время усомнился:

— А вы сможете... по такой погоде?

— Погода начинает портиться от возраста, — напомнил Альбрехт.

— Погода, — заметил Норберт, — не бывает хуже настроения.

— Ну вы и орлы, — сказал я с сердцем, — хорошо, едем немедленно.

И все-таки я старался держать арбогастра позади, оба хорохорятся, однако выносливость любого орла имеет пределы.

Лагерь троллей оказался в самом деле за лесом, мимо которого я проскочил в двух-трех милях, но то ли я пронесся, как молния, то ли они маскируются просто замечательно, даже сейчас мы подъехали почти вплотную, а потом вдруг оказались в окружении острых копий.

— Свои, — сказал я бодро. — Свои!

Один из троллей прорычал:

— Мы узнали вас издали, сэра Ричарда Кержак, проводи гостей к шатру Великого Вождя. Идите строго за ним, а то у нас тут есть ловчие ямы...

Альбрехт покрутил головой, молодцы, но ловчие ямы что-то новое, раньше тролли свои лагеря ими не окружали.

Тролли кто спит, кто отдыхает, но все прямо на земле без всяких шатров и даже шалашей, разве что некоторые с удобствами расположились на охапке срубленных веток, есть же такие изнеженные, остальные не делают различия, на чем спят: на камнях, сырой или сухой земле, одного я видел даже спящим в луже.

Где-то на полпути к центру лагеря навстречу вышел гигант в полных рыцарских доспехах и закрытом шлеме, я уже хотел окликнуть как Растера, но засомневался что-то, и тут от костров поднялись еще трое и подошли к первому, такие же широкие гиганты в стальных доспехах, шлемы укрывают лица вместе с подбородками, от всех троих веет свирепой нерассуждающей мощью, как от Растера.

Я вскинул руку и крикнул дружелюбно:

— Ричард Завоеватель приветствует великих воинов!.. А где мой друг Растер?

Воины вскинули топоры, размеры просто чудовищные, проревели грубыми сиплыми голосами:

— Ричард... слава!..

— Ричард — ура!

— Ричард — победа!

— Видите, — сказал я вполголоса Альбрехту, — народ меня любит, хоть еще и зеленый!..

Первый из троллей сделал шаг вперед и прорычал страшным голосом:

— Я Гайнур, сын брата Чандлера, сотник и полуплеменной вождь. Иди за мной, великий Ричард, я отведу к нашему вождю и наставнику Растеру Необыкновенному!

По скрипу кожи я ощутил за спиной, как переглянулись Норберт и Альбрехт, последний даже тихонько фыркнул.

Лавируя между кострами, мы вышли в центр лагеря, где высится настоящий шатер, хоть и с гербом мунтвиговского герцога, чье войско было разбито троллями в недавней битве.

Из шатра несется довольный рев, я предположил вполголоса, что это поют нечто лирическое, Альбрехт сказал, что ссорятся, Норберт решил, что обсуждают планы летней кампании по захвату мира.

Гайнур без церемоний отбросил полог шатра, но придержал для нас. Я вошел первым. В центре шатра обширный стол, на широких блюдах грубо обжаренное мясо, два огромных кувшина вина, а трое гигантов в доспехах, сняв шлемы, пируют и ведут неспешные беседы.

Все трое удивленно повернули в нашу сторону головы, и, если бы не зеленый цвет кожи, я бы не отличил Растера от Гайдака, вождя племени, и Чадлера, шамана.

Все трое массивные, как скалы, головы сидят прямо на плечах, без всяких художественных излишеств вроде шеи, на лицах все вырублено зубилом, как массивные надбровные валы, больше похожие на скальные навесы, так и мощные скулы, тяжелые гранитные подбородки, даже губы кажутся вырубленными из камня.

Растер поднялся, задев массивный стол и едва не опрокинув, но оба тролля придержали, придавив громадными, как стволы деревьев, лапищами.

— Сэр Ричард! — проревел он таким голосом, что я невольно повел взглядом по обоим троллям, точно ли это сказал он. — Да как же я рад... Вот уж точно Великая Жаба указала вам верный путь!

Мы сошлись с тяжелым лязгом, я задержал дыхание. Его могучие руки стиснули меня в объятиях, как лев антилопу, на нем по-прежнему металла больше, чем на трех самых выносливых рыцарях, но теперь он не один такое чудовище, эти двое как близнецы и братья.

Они поднялись, вышли из-за стола, я обнялся и с ними, а Чадлеру сказал, импровизируя на ходу:

— Брат великого вождя Кандлера!.. Я знаю, милостью Великой Жабы вы одерживаете победу за победой, и в этом великая заслуга твоя... Потому пора тебе обрести титул Великого Шамана!

Альбрехт добавил важно:

— И уже не племени, а народа троллей!..

Норберт не нашелся что сказать, пробормотал только:

— Да... Ричард Завоеватель если уж скажет, то... гм... все как дубиной по голове...

Тролли довольно взревели, понравились и мои слова, и Альбрехта, а нехитрое сравнение Норберта вообще привело в восторг, как изысканнейший перл остроумия и великой мудрости.

Я сказал быстро и важно, стараясь ухватить инициативу в свои руки:

— Мы сейчас перекусим с вами, чем послала Великая Мудрая Жаба, а затем подумаем, что делать дальше, ибо Мунтвиг разбит наголову, а мелкие отряды противника просто недостойны вашего внимания...

Глава 3

Тролли и Растер пересели на другую сторону стола, мы опустили с этой стороны, а я тут же, не заморачиваясь, торопливо создал большие глиняные кружки и наполнил их крепчайшим ромом.

Гайдак ухватил первым и поплатился, неосторожно заглотив почти половину. Мы наблюдали удивительное зрелище, когда зеленая морда стала сперва изумрудной, потом голубой, и в конце концов налилась зловеще-синим цветом, в то время как крохотные глазки вылезли, словно у изумленного рака.

С великом трудом проглотив, он долго и хрипло дышал, смотрел дикими глазами. Чадлер, поглядывая на вождя с опаской, сделал крохотный глоток, покрутил головой, отдышался, глотнул еще, тоже пока осторожно, наконец заулыбался во всю ширь и сказал с восторгом:

— Думаю, это прямо со стола Великой Жабы!..

Растер сделал глоток, подумал, прислушиваясь, как огненный шар катился по гортани в желудок.

— Да, — сказал он с одобрением, — сразу видно, что мы, тролли, любимые дети Великой и Могучей Жабы...

Альбрехт задумчиво хрюкнул, у него такая же глиняная кружка, но ему я создал, как и Норберту, легкое сладкое вино, хорошее для отдохновения души и тела, а также неспешных бесед с такими интеллектуалами, как сэр Растер и тролли.

— Я заметил много раненых, — сказал я негромко Растеру, — было сражение? Мунтвиг все еще прет?

Он отмахнулся, словно от мухи, но такой бронированной лапищей может нечаянно прихлопнуть слона средних размеров.

— Какой Мунтвиг? Это еще кто?.. У нас был противник подостойнее.

Чадлер и Гайдак приосанились, гордо раздвинули и без того устрашающе широкие плечи.

— Кто? — спросил я.

Растер буркнул зло:

— Тролли Великой Ящерицы!.. Идиоты какие-то. Понятно же, мир создала Великая Жаба, вся благо-

дать от нее, а эти придурки поклоняются Великой Ящерице!.. Ну как ящерица может сотворить мир, они даже не подумали!..

Лицо Чадлера выразило неимоверное презрение, а я уж думал, что тролли не способны на такую выразительную мимику.

Альбрехт прислушался, поддакнул:

— Конечно-конечно. Только Великая Жаба, это же дураку понятно. Что ящерица, худая и тощая, а жаба — сама солидность, величавость и мудрое спокойствие!..

Растер посмотрел на него с одобрением.

— Вот даже ты соображаешь!.. А они почему-то нет. Точно идиоты все до единого.

Я спросил с беспокойством:

— И что с тем... противником?

Он воззрился на меня с изумлением.

— А что... могло?

— Ну, — сказал я, — надеюсь, все обошлось?

— Ха, — ответил он победно, — еще как! Мои сразу в бой. Как и те тоже. Но мои, понятно, умные, а те совсем дураки зеленые. Да так ринулись, что земля из-под лап, как у коней из-под копыт!

— Остановить не удалось?

Тролли посмотрели на меня в изумлении, но они всего лишь копировали Растера, что смотрел так, будто его лорд у всех на глазах совершил непристойность.

— Как? — спросил он в лоб. — Если в свирепой рыцарской ярости высокорожденных троллей?.. Одного-двух я бы да, но тысячи...

— И... что дальше?

Он пожал плечами.

— Пришлось повести и возглавить, а то слишком уж перли, не глядя на. А глядеть надо! Правда, те еще отважнее, полные идиоты...

Альбрехт спросил невинно:

— Так те отважнее или идиоты?

Растер рыкнул:

— Мои правильно отважные, а те по-дурному!..

Потому и разбили их, как сусликов.

— Потери большие?

Он отмахнулся.

— Потери только я замечаю. А они горды и рады, что гибнут в бою. С поля битвы сразу на Поля Великой Охоты! Только те у них вроде бы не на небе.

— Все путем, — успокоил я. — У людей рай тоже был на земле. Сперва в дальних землях, потом на островах, а на небо перебрался потом, когда на земле все осмотрели и не нашли.

Он перекрестился.

— Это Господь его убрал от людёв подальше. А то поналезут!

— И понаедут, — согласился я. — Гм, это проблема... Давай кружку, а то у тебя уже сухо.

Он с готовностью придвинул, я наполнил снова ромом, хотя подмывало плеснуть чистого спирта, а он с мрачным видом начал поглощать крупными глотками, уже приловчившись к крепости мужского напитка троллей.

Чадлер и Гайдак, посовещавшись вполголоса, поднялись из-за стола, оба настолько громадные, что почти уперлись головами в свод шатра.

— Посмотрим раненых, — сказал Чадлер. — Завтра они будут в строю.

Гайдак кивнул нам молча, оба вышли, а Растер сказал с завистью:

— У них если кто не погиб сразу в бою, обязательно выживает!..

— И выздоравливают быстро, — подтвердил Норберт. — Хорошие воины.

— Какие хорошие, — уязвленно возразил Растер, — замечательные! Самые лучшие в мире!.. Да здравствует самый мудрый вождь Ричард Завоеватель, что поручил мне этих зеленых!

— Так выпьем за это, — сказал я. — Пить или не пить — третьего не дано.

— И не надо, — ответил Растер бодро, — будем пить вдвоем!

— Сэр Растер, — сказал я торжественно, и он сразу посерьезнел, — на вас возлагается великая и сложная задача!.. Пока армия Меганвэйла будет принуждать к миру отдельные несознательные королевства, вам поручаю самое трудное...

Он прорычал:

— Только прикажите!

— Приказываю, — сказал я, ибо Растер прост, в данном случае нужно именно приказать, — вы с войском троллей при первой же возможности выступаете в сторону Сен-Мари. По дороге погостите в своем родном лесу в Турнедо, повидаетесь с родным племенем, отпразднуете, оставите женам и детям подарки...

Он хмыкнул.

— Это да, нужно. А то у нас уже и обоз завелся, которого раньше вообще не было. Колеса трещат, столько добра эти мунтвиговцы везли! На все племя хватит, и еще останется.

— Вот-вот, — сказал я, — тогда как бы приятное с полезным, а еще сверху и нужное.

Он довольно потер ладонь о ладонь, по шатру пронесся металлический скрежет, от которого Норберт и Альбрехт поморщились, а я ощутил, как заныли зубы.

— Хорошо, — сказал Растер довольно. — Поводов не выпивать становится все меньше!

Норберт с беспокойством поглядывал на багровеющее небо.

— Ваше высочество, если хотите вернуться до ночи, нужно сейчас...

— Кони устали, — ответил я. — Ночуем у друзей, а утром в обратный путь. А где Бобик?

Норберт ответил саркастически:

— Где Бобик? Где ему еще быть? Эти зеленые его обожают, сразу пошли с ним на охоту.

Я подумал, сказал задумчиво:

— Зеленые... Не звучит ли это несколько... не совсем как бы толерантно? Все-таки оттенок кожи... гм... У них он несколько альтернативный, потому, может быть, как-то звать их не по цвету?

— Желтожопыми? — предложил Альбрехт самым серьезным голосом.

Я посмотрел сердито.

— Разве они желтые?

— А это важно? — изумился Альбрехт.

— Очень, — отрезал я. — В общем, подумайте на досуге. Нужно такое, чтобы не задевало их достоинства и не отделяло от общества. Лет через тысячу это станет актуально.

Норберт охнул, посмотрел на меня сердито.

— Ваше высочество. А может быть... пусть через тысячу лет и решают свои проблемы? Нам бы свои решить.

— Свои труднее, — сообщил я ему потрясающую новость, — а вот чужие мы всегда готовы разрулить с легкостью. Мы ж такие умные!

Глава 4

Нам поставили отдельный шатер, на шелковых стенах фамильные гербы графа Томассона, одного из полководцев Мунтвига, но нам так даже интереснее.

Нужно подсказать, чтобы Гайдак поставил и этот шатер у себя в племени, как боевой трофей.

Норберт сразу улегся и заснул, набираясь сил для завтрашнего дня, а я некоторое время ломал голову над этой новой проблемой. Как-то в голову не приходило, что могут быть и у троллей такие идиотские заморочки, как у людей. Хотя это я дурак, высшим общественным животным свойственно воевать друг с другом, хотя до этого я знал только муравьев и людей.

Первыми, конечно, начали муравьи, они бьются с себе подобными уже сотни миллионов лет, причем не только с теми, кто крупнее или другого цвета, но и своей родней, что отселилась из их семьи, а потом начинает охотиться слишком близко...

Альбрехт снял сапоги, давая отдохнуть ногам, но пока не ложился, то ли не слишком устал, то ли показывает мне, что у него еще есть запас сил и бодрости.

— Еще вина? — спросил я, зная, что он откажется. — Кстати, дорогой вице-канцлер, вы разглядели эту новую проблему?... Хотя не знаю, может быть, это и хорошо... Во всяком случае, для политика первого ранга точно хорошо, но я разве все еще первый?

— Ваше высочество?

— Тролли, — сказал я. — Я думал, тролли — это тролли...

— Оказались переодетыми эльфами? — спросил он деловито.

— Граф, — сказал я строго.

Он сказал виновато:

— Простите, ваше высочество, но я уже привык, что с вами могут быть любые неожиданности, удивляться нельзя, нужно принимать все, будто каждый день вижу. Что с троллями?

— А вы не заметили, — сказал я со злостью, — тролли тоже разные! С виду одинаковые, а внутри

всякие. Зачем-то ненавидят друг друга, воюют друг с другом... Растер говорит что-то остервенело, ума не приложу... Но что хорошо для политика низшего уровня, неприемлемо для политика высшего класса, каким, естественно, являюсь я, такой умный, замечательный и даже временами мудрый.

— А как надо? — спросил он.

— Мир и дружба, — пояснил я. — И торжество гуманизма!.. Кто против гуманизма...

— Будем вешать, — подхватил он, — в нашем гуманном обществе взаимной любви и справедливости!

— А особо упорных сажать на кол, — подтвердил я. — На городской площади. Народ любит подобные увеселения, нужно только поставить там ряды скамей и предусмотреть места для продавцов пирожков. Так вот, насчет троллей... Граф, поручаю это вам! Не пугайтесь, не лично. У вас есть штат... Почему нет? Наберите!.. И всесторонне изучите проблему. Первый вопрос: выгоднее нам поддерживать их вражду и взаимное истребление или внедрять у них принципы терпимости и толерантности?

Он спросил опасливо:

— А в чем разница между терпимостью и толерантностью?

— Ни в чем, — огрызнулся я, — но звучит!.. Граф, вы же разговариваете с деятелем!

Он пробормотал:

— Да уже перестаю отличать, где сэр Ричард, а где этот самый деятель непонятного масштаба. Но я понял, ваше высочество. Надо искать пути примирения в их гуманном обществе. Другого не надо.

— Почему?

Он посмотрел на меня с ехидной улыбочкой.

— Иначе пришлось бы признать вас политиком рангом ниже, а как допустить такое? Это умалит достоинство всех наших рыцарей!

— Только вы не совсем поняли, — уточнил я. — Вернее, совсем не поняли. Рознь в обществе вполне нормальная и правильная вещь. Иначе какое развитие?..

— Ваше высочество?

— Я говорю, — сказал я, — есть наши тролли, а есть ненаши. Совсем не наши!.. С которыми наши воюют остервенело. Какие-то старые счеты, древняя вражда... наверное, еще не вникал. Это вам предстоит! Вникнуть, найти причину, отыскать решение. Все поняли? Все просто, как два пальца о дерево!

Он смотрел внимательно.

— А зачем вам их примирение? Не лучше ли, если наши перебьют ненаших?

Я поморщился.

— Хотите сказать, самая лучшая победа, это пиррова? Когда одним махом и от врагов и от своих?.. Нет, граф, эти ненаши могут стать более нашими, если подойти к ним нужным боком... Но сперва стоит выяснить, что за тролли, чего от них ожидать. И не лучше ли в самом деле истребить, пока идет война и все можно?

— А если не истребить, — сказал он, — то троллям серьезно грозит объединение?

— Пока только сосуществование, — уточнил я. — С оружием в руках и сном вполглаза.

— Гм, это существенно...

— Некоторую рознь, — пояснил я деловито, — будем поддерживать сами. Так управлять проще, да и не будет для нас потенциальной угрозы.

Он вздохнул с подчеркнутым облегчением.

— Слава Господу! А то уж подумал, что вы в самом деле стали миротворцем.

— Ага, — сказал я, — так и подумали, граф!

Он ответил хитрой усмешкой, отодвинул пустую кружку и пошел в свой угол на роскошную постель из настеленных веток.

Утром мы вернулись в лагерь, где Норберт сразу принял на себя руководство всей разведкой. Я предложил ему возглавить всю легкую конницу, но он вежливо уклонился, объяснив, что есть и более достойные полководцы, а вот правильно организовать охрану огромной армии могут далеко не все.

Альбрехт тоже, примерно так же увильнув от вице-канцлерства, с удовольствием окунулся с головой в мир быстро меняющегося, точнее,меняемого нами мира, где как нигде хорош его аналитический склад ума, все мгновенно схватывающий, понимающий мотивы поступков и умеющий предугадывать, что и когда последует после наших каких-то действий.

Ветер наконец подсушил землю, а мелкий дождичек, что дважды сыпался с почти ясного неба, почти не увлажняет землю. Правда, в колеях везде вода, часть полей тоже еще подтоплена, но уже подснежники цветут повсюду, а птицы ликующе горланят, чирикают, ссорятся за места для гнезд, в болотах цветет не только вода, но и болотные растения.

Весна вытеснила зиму, но не торопится уступать права лету, а разлившиеся реки сильно затрудняют победное шествие к столице.

Армии борющихся за трон называют себя красиво и возвышенно единственными благородными наследниками великого королевства, но мы всех именуем одним кратким словом «мятежники», и в этом случае

уже неважно, за кого проливают кровь: за Хенгеста, Меревальда, Хродульфа или Торстейна.

По моему приказу с ними обходились не как с воинскими образованиями, а как с разбойниками: вожakov тут же вешали, а рядовых отправляли на принудительные работы. Кто артачился и заявлял о своих правах, того рубили на месте.

После недельных боев, когда встречались только отдельные отряды воинственных рыцарей, сумевших собрать под свою руку таких же любителей пограбить, разведка донесла, что в двух днях пути к востоку разместились на отдых довольно большие войска, не меньше трех-пяти тысяч.

— Узнайте, — велел я в раздражении, — чьи! Знамена видны издалека. Хотя для нас все мятежники и все преступники, но с Леофригом нужно сражаться иначе, чем с Хродульфом, а с Хенгестом — не так, как с Меревальдом...

Еще разведка доложила, что столица в руках Торстейна, однако Хенгест не только защитил свои обширные земли, но и расширил влияние на соседние области, а когда армии Торстейна и Леофрига начинали действовать заодно, он уводил главные силы в леса, умело перебрасывая их то на границу земель Леофрига, где громил города Хродульфа, начисто вырезал села и разрушал замки противников, перехватывал на стыке дорог отряды, идущие на помощь соперникам, и тоже уничтожал без пощады, словно люди, вставшие на сторону его противников, считаясь хуже нечисти.

— До Вудшира, — доложил Ривонтин, командир сотни, один из новых доверенных людей Норберта, — отсюда не больше двух миль, до Яннага чуть больше, но тоже не так уж. Два дня назад была жестокая сеча отрядов Хродульфа с Хенгестом. Хенгест побил их и

долго гнался, усеивая телами убегающих в долину, пока те не укрылись в лесу.

— Значит, — сказал я, — если мы даже с малым отрядом подойдем к Вудширу или Яннагу, — там набега не ждут, все-таки победители!..

Он спросил осторожно:

— Рассчитываете взять и замок?

— Замок вряд ли, — ответил я, — разве что сдадутся. Но мы покажем пример цивилизованной войны, когда нежигаем деревень, не опустошаем всю землю, не побиваем старых и малых, не уничтожаем припасы... Да-да, сэр Ривонтин, нам нужно показывать пример цивилизованности!

Он подумал, поморщился.

— Ну ладно, если только пример...

— А так, — ответил я, — где-то лет через тысячу этот пример станет как бы законом.

— А-а-а, — сказал он с облегчением. — Через тысячу лет? Тогда ладно.

После непродолжительного отдыха наше войско, срезая петлю по каменистой пустоши, вышло на достаточно утоптанную дорогу, хоть и не весьма, но все же не проселочная, земля в глубоких колеях уже подсохла, так что пройдет не только конница, но и обоз.

Деревья, правда, подступают с обеих сторон опасно близко, а кусты чересчур густые, там можно разместить целое войско и ударить внезапно, однако Меганвэйл никогда ничего не делает без тщательной подготовки, так что все кустарники по дороге тщательно проверены, можно не сомневаться.

Мы идем по землям Хродульфа, разведка донесла, что в нашу сторону спешно стягиваются многочисленные отряды. Там еще не знают, сколько нас, но уже прослышаны, что герцог Меганвэйл снял с места всю армию и двинулся в глубь королевства.

Меганвэйл выслушал донесения и определил место для удара на повороте дороги, здесь всадники не сумеют вовремя заметить засаду, а потом не будет времени ни выстроить строй, ни отступить в боевом порядке.

Я смотрел с одобрением, как умело и послушно воины прячутся за огромными вывороченными пнями, за кустарником, за деревьями. Это не лорды, те могли бы заявить надменно, что прятаться для них унизительно, гордость не позволяет прибегать к хитростям, желаем вот встретить противника лицом к лицу, заранее предупредив его об этом...

Коней отвели подальше, чтобы на дороге не слышали их фыркания. Я вслушивался в тишину, нарушаемую только птичьим криками, называемыми почему-то пением, да стуком дятлов клювами о дерево. Сейчас будет схватка, только это имеет значение, а не какой-то непонятный Маркус, который то ли прилетит, то ли все это чьи-то выдумки.

А если и прилетит, то ведь всех побьет, противника тоже, так что тревожиться нечего. Обидно было бы, если бы он побил только нас, а те гады остались...

Барон Хельмут со своим отборным отрядом загородил дорогу, а Фродвин и Арнубернуз по приказу Меганвэйла должны были ударить с боков, появившись из-за деревьев.

Конский топот и позвякивание сбруи доносились все громче, наконец послышались голоса, я видел, как передние ряды конницы Хродульфа вышли из-за поворота, где и остановились резко, пытаясь понять, как же так, почему посланная вперед разведка не заметила засаду.

Хельмут крикнул:

— Вперед!.. Пленных не брать!

Рыцари впереди отряда наконец опомнились, подняли копья для встречного удара и даже успели пустить коней вперед, хоть и шагом. Люди Хродульфа ударили со всей яростью, но пробить защиту не сумели, наши воины защищались предельно искусно и умело.

Граф Фродвин ударил на пешие войска, те защищались отчаянно, но у них не было той выучки, которую Макс сумел внедрить в нашу армию, оставленную в подчинении Меганвэйла, потому рыцари рубили безжалостно, рассекали головы, плечи, в воздух взлетали отрубленные руки со щитами и топорами.

Отборные тысячи Хродульфа отступали шаг за шагом, сомкнув щиты и выдерживая яростные атаки, сами наносили нечастые, но точные удары. Никто не пытался сдаться или запросить пощады, сосед всегда хуже любого дальнего врага, здесь война только на истребление врага, бывшего совсем недавно хорошим соседом, а то и родственником...

Я видел, как гигант барон Хельмут все же проломил стену щитов. В пролом вслед за ним ринулись разъяренные упорным сопротивлением его воины, и жестокая битва превратилась в беспорядочную и дикую резню, в которой, теперь понятно всем, пленных не окажется даже среди тех, кто пал на землю и прикинулся мертвым.

Глава 5

Норберт доложил, что это было лучшее войско Хродульфа, остальные либо разбегутся, либо сложат оружие. Теперь у нас только Хенгест, Леофриг и сам Торстейн.

— А Меревальд? — спросил я.

Он сурово поджал губы.

— Непонятно. Он увел свои отряды из армии Меганвэйла, однако в борьбу за трон так и не вступил.

— Ладно, — ответил я. — Тогда и мы его оставим пока в покое.

— Если сам не нападет, — уточнил он.

— Да, — согласился я. — Но что-то подсказывает, что теперь станет еще осторожнее.

Ближе к столице дорог стало больше, некоторые мощенные не только деревом, но и камнем. Дожди прекратились полностью, днем нещадно светит и греет солнце, ночью видны все звезды, а сухой ветерок старательно подсушивает землю.

На полях проступила зелень, на лугах вместе с травой поднялись цветы, однажды я услышал вдалеке первый гром, но даже тучи остались где-то за горизонтом.

Разведка сообщила, что дружины лордов, поддерживающих Леофрига, поспешно стягиваются в один кулак на перекресток дорог между Гердером и Осни, где нам предстоит пройти в марше на столицу.

— Глупо, — сказал я. — Он тем самым помогает Торстейну.

— Но и не вступить в бой не может, — ответил Меганвэйл с пониманием. — Иначе его имя будет покрыто позором.

Еще через трое суток армии вступили в соприкосновение, хотя еще на уровне высланных далеко вперед отрядов конной разведки.

Я велел остановиться на отдых, гордые лорды обязательно решат, что мы трусили, пойдут навстречу ускоренным маршем.

Отдых продлился несколько дольше, чем я рассчитывал, но еще через три дня сборная армия Леофрига показалась в поле зрения. В нашем лагере наступило

веселое оживление, везде запели рожки, люди начали подниматься от костров, разбирать оружие.

Через пару часов наша конница, как рыцарская, так и тяжелая панцирная, встала ровно, красиво выстроившись в ряд, солнце весело и грозно играет на доспехах и даже металлических бляшках, украшающих уздечки и ремни седел.

Дружины лордов Леофрига потекли навстречу нестройными отрядами, еще более яркие и нарядные, чем рыцари нашей армии, блестящие оружием и дорогими уборами.

Меганвэйл вытянул вперед руку.

— Вон тот на саврасом коне — сэр Кундалин. Сын Улара, брат Ценгена, наследник родовых богатств Ширвонга. Отважен до безумия, лучший турнирный боец, один из сильнейших в схватке на двухручных мечах...

— Здесь не турнир, — сказал я.

— Но выучка помогает, — возразил он.

Я подозвал Норберта, указал на блестящего всадника.

— Вон тот, видите? Герцог говорит, что это сэр Кундалин...

Норберт прервал независимо:

— Дык кто его не знает? Самый богатый жених королевства...

— Пора королевству обеднеть, — сказал я. — Проследите.

Он кивнул понимающе, оба с Альбрехтом развернули коней и помчались вскачь вдоль рядов нашего войска.

Меганвэйл покосился в мою сторону.

— Что вы им такое велели? Нет, не говорите, даже не хочу знать.

— Умиротворение, — ответил я. — Счастье для всего королевства. Это самое важное... настолько важное, что на людей можно и наплевать. Нет-нет, герцог, вы не так поняли, по вашему честному лицу военного человека вижу и зрю!.. Я имею в виду, на некоторых людей, что тормозят прогресс. Эти мелкие камешки в жерновах прогресса должны превратиться в пыль, прах. Во славу Улагорнии!

Он вздохнул, расправил плечи.

— Во славу!

Армии продолжали сближаться уже всей массой. Конные отряды, вырвавшиеся далеко вперед перед основными войсками, постепенно оказались зажаты, как между молотом и наковальней, и потому постепенно исчезали в щелях между отрядами, зато на открытое место начали выезжать сильнейшие из рыцарей, гарцевали на прекрасных конях, поднимали копы, вызывая на поединок.

Один из них бесстрашно подъехал к ровной линии нашей панцирной конницы, потряс копьем, красиво и уверенно улыбнулся из-под поднятого забрала.

Выглядит, на мой взгляд, умелым бойцом, если судить по уверенным движениям и хищной грации, красив, глубоко запавшие глаза из-под толстых надбровных дуг смотрят с холодной уверенностью, волосы подстрижены коротко, такие люди не отпускают ни бороды, ни усов, презирая тех, кто это делает, мужчина не должен слишком уж заботиться о своей внешности.

Я оглядел его оценивающе, оглянулся на Меганвэйла.

— Не нравится мне этот камнеморд, — сказал я.

Он улыбнулся.

— И мне. Это же сам Грейхардинг! Победитель прошлого рыцарского турнира. Но, может быть, ког-

да покувыркается по земле, хватая в обе пригоршни грязь, станет чуточку приятнее?

— Он силен, — сказал я со вздохом. — Видно же! Даже не знаю, насколько силен. Не люблю таких.

Он улыбнулся еще шире.

— Ваше высочество! Вы сами такой, вот и не нравится.

— Правда? — удивился я. — Что, во мне все еще нет королевского величия?

Он оглядел меня скептически, покачал головой.

— Увы. Пока еще полевой вождь.

С той стороны протрубил рожок. С нашей стороны выехал на середину пространства, разделяющего наши войска, барон Хельмут, вскинул копьё в воинском приветствии.

— Этот сильнейший, — сказал Меганвэйл, — ничего, справится с ним быстро.

— Хельмут тоже турнирный?

— Один из лучших, — подтвердил он. — А в сражениях ему еще не встречался равный.

К нам на быстрых ришаровских конях подъехали Норберт и Альбрехт, оба не отрывают взглядов от неспешно и красиво разъезжающихся в стороны бойцов.

Оба повернулись разом, словно услышали некую команду, так же красиво погарцевали, вызывая одобрительные возгласы с обеих сторон, виртуозное управление лошадью тут у всех вызывает восторг.

Герольда нет, но для опытных бойцов не нужно сигнала, оба разом опустили забрала, пригнулись и, выставив копыта для удара, понеслись навстречу друг другу.

Я невольно задержал дыхание, этот быстрый горячий стук копыт, ожидание жестокого удара двух бронированных тел заставляет чаще стучать сердце и вскипать кровь...

Они сшиблись с ужасающе громким лязгом, треском, заржали кони, а в воздух взлетели белые щепки разломанных копий. Земля еще достаточно влажная, никакой пыли, и все с обеих сторон поля видели, как рыцарь от нашей армии вылетел из седла, грянулся о землю и, трижды перевернувшись, с трудом приподнялся на четвереньки, но застыл в такой позе, не решаясь воздеть себя всего на обе ноги.

В гробовом молчании Норберт сказал одобрительно:

— Вот это я называю твердо стоять на земле!

Меганвэйл сказал с досадой:

— Эх, не надо было соглашаться на этот поединок...

— Почему? — спросил я. — Барон Хельмут галантен до предела. Он знает, что в армии Леофрига едут и дамы, там обязательно есть те, что благоволят этому Грейхардингу и с трепетом следят за поединком. И поступил, как может поступить только самый благороднейший из рыцарей!.. Ну, а теперь... пора подавать сигнал к атаке.

Меганвэйл сказал со злобной усмешкой:

— Даже если они в самом деле сильнее в забавах, посмотрим насчет серьезного дела.

Я повернулся, вскинул руку. Горнист, что неотрывно наблюдает за мной, поспешно вскинул сверкающее на солнце медное чудо и приложил раструбом ко рту.

Звонко и страшно пропела труба. Некоторое время рыцарский строй оставался неподвижным, затем кони пошли шагом, рыцари поглядывают друг на друга и сдерживают коней, не давая пойти даже рысью, а скорость наращивают постепенно, чтобы не ломать строй, сперва грунь, потом мелкая рысь, затем крупная и наконец-то галоп, от которого земля задрожала.

ла и, казалось, начала прогибаться, как молодой лед, под тяжестью огромных коней, укрытых кольчужными сетками и даже доспехами, и закованных в сталь всадников...

Поднятые к небу копья опустились за мгновения до встречного удара. Раздался сухой треск ломаемого железа, громовой удар от столкновения металлических тел, донеслись крики ярости и боли.

Сердце мое все равно учащает удары, мысленно я там сражаюсь и наношу смертельные удары, но сейчас я особенно должен находиться в стороне и не обагрять меч кровью вартгенцев, моих будущих подданных.

Наконец-то я увидел Леофрига, этот верховный лорд ринулся в бой с диким кличем: «За честь рода!» За ним понеслась его многочисленная родня, как братья, так и дяди, все такие же здоровенные быки, врубились в ряды наших войск, наносили удары вперед и в стороны, и после каждого такого богатырского взмаха всадник либо вылетал из седла, словно выбитый гигантской палицей, либо склонялся на конскую гриву, пачкая ее кровью, и медленно сползал на землю уже бездыханным.

Но рядовые воины, обученные сражаться в команде, постепенно окружали их, отсекая бросающихся на выручку, стискивали все больше и больше, я видел, как то один родич Леофрига, то другой исчезают в этой железной реке, а кольцо вокруг них смыкается все туже.

Альбрехт поглядывает на меня понимающе, видел, как я отдаю особые приказы отдельным командирам, которые точно за успешное выполнение получают титулы и награды.

Вообще, как отметил с горечью, люди Леофрига сражаются отважно и умело, однако личная отвага и

воинская выучка все же терпят поражение в столкновении с холодным профессионализмом. Тяжеловооруженные всадники Меганвэйла, отточив умение командного взаимодействия, без особого труда сминают вдвоем-втроем даже признанных турнирных бойцов Варт Генца. Здесь война, а не турнир, противника нужно сбить с ног и обезоружить, а если не сдается сразу, то и прирезать, турнирные правила в бою не работают, а нападать вдвоем-втроем на одного — очень удобно и практично.

И все-таки я любовался той безумной отвагой, с которой леофриговцы даже поодиночке бросаются в бой на целые отряды. Правда, многие уверены, что с ними будут драться поодиночке, однако я вышколил своих воинов не обращать внимание на эти глупости, нам нужна победа, а историю пишут победители, мы все равно будем в белом и победим самое черное Зло на свете...

Сражение затянулось на полдня, и хотя уже было видно, что Леофриг побежден, однако его люди сражались яростно, оставаясь даже в одиночестве и окруженные противниками.

После того как все закончилось, Меганвэйл подъехал ко мне мрачный и невеселый.

— Леофриг погиб, — сообщил он мрачно. — Как и все его трое сыновей... Я не думал, что получится так кроваво.

Я сказал с сочувствием:

— Они сами избрали этот путь.

Он вздохнул.

— Понимаю. Но все равно жаль. Мы были знакомы давно. И в хороших отношениях.

— Недельный отдых, — сказал я, — потом продолжим марш на столицу. Наша цель вообще-то Торстейн, а эти могли бы и не вмешиваться.

Глава 6

Недельный отдых пролетел быстрее, чем хотелось, часть раненых пришлось оставить в ближайших селах, а панцирная конница выступила по дороге, ведущей в сторону столицы.

Мы с Меганвэйлом, Арнубернузом и Фродвином поднялись на небольшой холм возле дороги и наблюдали, как показался передний отряд во главе с бароном Хельмутом, а за ним с небольшим отрывом движется блестящий под ярким весенним солнцем стальной поток конной армии, вооруженной по рыцарскому образцу.

— Хорошо идут, — сказал Меганвэйл, — не скажу, что мы застоялись на границе с Бриттией, но основной накал, полагаю, уже ушел. И, как вы заверили, больше армий с севера ждать не стоит...

Арнубернуз проговорил благодушно:

— На наш век сражений хватит. Господь сотворил мир для рыцарства! И для подвигов во славу Девы Марии.

Я краем глаза уловил присутствие постороннего, одновременно предостерегающе фыркнул арбогастр. На холм к нам поднимается высокий худой мужчина в длинном темно-синем халате и широкополой шляпе с высоким верхом. Как я понимаю, это зимой и летом одним цветом — униформа магов, от холода они не страдают, как и от жары. Наверное, комары их тоже не достают...

Он небрежно приложил кончики пальцев к шляпе в коротком приветствии, маг Карл-Антон Земмельвейс, как о нем говорили, сильнейший маг не только Сакранта, но и всего севера. Мы с ним однажды очень сильно поцапались, потом он меня даже подлечил, но

мою власть признавать отказался, маги такого уровня никому не служат и не присягают.

Я сказал с холодной любезностью:

— Карл-Антон Земмельвейс собственной персоной?.. Чем мы обязаны такой чести?

Голос я держал посредине между серьезой и иронией, чтобы истолковать можно было так и эдак. Меганвэйл покосился в его сторону с понятной неприязнью воина к колдуну, Фродвин вообще засопел и потянулся к рукояти меча.

Я сказал доброжелательно:

— Нет-нет, дорогие друзья, это свой...

Земмельвейс поморщился, но поправлять не стал, а Меганвэйл и Фродвин подали коней чуть в сторону.

— Что-то стряслось? — спросил я. Он посмотрел на меня снизу вверх, я ощутил, что его это сильно задевает, легко соскочил с арбогастра на землю и повторил: — Что-то важное?

Он произнес с суховатой церемонностью:

— Я побывал... скажем так, в разных местах. Проверял ваши слова, сэр Ричард.

— И... как? — поинтересовался я.

— Вы внесли великое смятение, — сказал он. — Да, великое. В умы и души... Распахнув вот так внезапно великие горизонты, вы подразнили близостью разгадки величайших тайн природы... но тут же исчезли, занятый нелепыми играми простых людей.

— Пусть дальше сами, — возразил я. — Они ученые или школьники?

— Дальше трудно, — ответил он. — Это же надо мыслить иначе! Вы задали чересчур непростые задачи!

— Ничего сложного, — сказал я. — Себя не считаю гением, но я же иду по той дороге легко и свободно!

Меганвэйл взглянул в нашу сторону и кивком отозвал Фродвина дальше, чтобы даже не слышать такие речи.

— Я не сказал сложные, — уточнил Земмельвейс. — Непростые — это... непривычные. Вам с детства показали дорогу и научили, как идти. А эти люди всю жизнь двигались по другим тропам. Совсем другим! Это как если бы шли пешком с посохом в руке по трудной горной тропе, а по вашей нужно всего лишь через тихое спокойное, но глубокое озеро... и представьте себе, если никто из них не то что не умеет плавать, но даже никогда не видел озера!

Я посмотрел на него исподлобья.

— Как-то трудно поверить, что их затруднения вас затронули настолько сильно.

Он криво усмехнулся.

— Вы правы. Я прибыл совсем не потому.

— А поинтересоваться можно?

— Можно, — ответил он. — Даже отвечу сразу, я не куражусь своим превосходством. Да-да, за вами кое-кто наблюдает, и некоторые ваши словечки уже в ходу... Я почти случайно ощутил здесь всплеск сильнейшей магии... Все бы ничего, люди этого не замечают, только мы, маги, можем уловить характерные изменения.

— И что? — спросил я в недоумении. — Ну заметили, и что?.. Или это ваш регион и никто не смеет здесь колдовать?

Он поморщился.

— Вы ничего не поняли. Мы обычно знаем все друг о друге. Во всяком случае, маги одного региона знают. А это либо какой-то чужак, причем — очень сильный, либо кто-то из местных решил тайком от остальных что-то сделать... или выполнить для кого-то, очень важного для себя, получив взамен тоже

очень важное... А мы всегда настораживаемся, когда где-то что-то идет с нарушением равновесия. Мир магов очень нестабилен, сэр Ричард.

— Знаете, — сказал я, — действуйте, дорогой Карл-Антон. Я сам ревниво слежу, чтобы в мире было равновесие и чтоб его не нарушала ни одна скотина, кроме меня самого. В простом мире, материальном. Так что наши интересы совпадают.

Он не ответил, пристально наблюдая, как с севера очень быстро и страшно надвигаются темные тучи. Я ощутил их недобрую тяжесть, но надеялся, что ветер отгонит, вроде бы дует слева, но тучи упорно прут в нашу сторону, что вообще никакое не чудо: в верхах ветры могут дуть совсем в другую сторону.

Половина неба почернела, мне показалась, середина тучи просела, даже прогнулась до самой земли, из черной стала грязно-белой, и лишь потом сообразил, что надвигается настоящая снежная буря, нелепая и запоздалая, зато свирепая, и прет, не сворачивая, прямо на нас.

Послышались испуганные крики, всадники начали спешиваться и тащить коней в поводу под защиту могучих лесных великанов на опушке леса.

Снежная буря налетела даже быстрее, чем я ожидал, свирепая настолько, что меня согнуло пополам. Бобик взбежал на холм с кабаном ко рту, сунул его Меганвэйлу.

Меганвэйл принял с кряхтением, кое-как взволок к себе на седло, но как только осчастливленный Бобик снова метнулся в лес, невзирая на снежную бурю, торопливо передал добычу Фродвину.

Арбогастр уперся всеми четырьмя, не давая себя сдвинуть урагану, снежный вихрь люто взвыл, злорадно сек лицо мелкой ледяной крупой.

Земмельвейс охнул, прошептал:

— Не могу поверить... Зачем они это сделали?..

Я прокричал сквозь бурю:

— Что?.. Это дело рук человека?..

Он кивнул, лицо стало мрачным.

— Да... Не понимаю, зачем. Хотя да, простые могли не уловить разницу... но все равно, так нельзя...

— Почему? — крикнул я. — Корпоративная этика?

Он сказал зло:

— Есть правила... Писанные или неписанные, неважно. Но мы, великие маги стихий, не должны своей мощью вмешиваться в жизнь людей. Мелкие колдуны не в счет.

— Ох-ох, — сказал я, — а вы, значит, и не люди как бы?.. Ладно, это неважно. Долго это будет длиться?

Он внимательно посмотрел на беснующуюся бурю.

— Смотря, на сколько хватит у незнакомцев мощи. Но еще сутки продлится точно. Заметно по завихрению на кончиках вихрей.

Я прошипел зло:

— Добраться бы до этого... нарушителя законов! Я бы его сразу к высшей мере. Нельзя вмешиваться в те законы, которые создал Творец.

Он чуть-чуть поклонился.

— Все, в общем-то, верно. Хотя, думаю, есть исключения.

Голос его звучал загадочно и задумчиво, я настоужился, заинтересовался:

— Что вы имеете в виду?

— Поступив незаконно, — ответил он с недоброй улыбкой, — этот маг рискует нарваться на отпор... который может тоже оказаться несколько незаконным.

Я переспросил:

— То есть вместо того, чтобы его арестовывать и зачитывать права, сразу по голове?

Он ответил спокойно:

— Вы говорите очень образно, но смысл я уловил. Да, примерно так.

— Тогда это законно, — определил я. — Преступник, который сознательно нарушает законы, должен быть готов, что получит адекватный ответ. А вы в самом деле...

Он посмотрел искоса, усмехнулся.

— Ваше высочество, поднимайте людей. Не успеют оседлать коней, буря прекратится.

Я сказал с облечением:

— Карл-Антон, вы в самом деле самый великий маг! Уверен, не только Сакранта. Я рад, что беретесь ее успокоить.

Он посмотрел на меня с высокомерным недоумением.

— Успокоить? Я вовсе не собираюсь ее успокаивать.

Он вскинул руки. Я ожидал заклятий, повелений громовым голосом, однако маг только сжал кулаки, и от стиснутых пальцев в небо метнулись сизые молнии.

Донесся всеобъемлющий вздох, словно сама земля пробудилась. Воздух зашелестел, а вся слежавшаяся масса снега, накопившаяся с начала зимы, мелко-мелко задрожала и бесшумно пошла вверх, но не разом, а одни белые глыбы плавно и царственно, другие стремительно, третьи больше в стороны, чем наверх, но и наверх, из-за чего все рассыпается, но и снежинки устремляются вверх,

Голова закружилась, я тарашил глаза и не верил, это же большее чудо, чем все драконы и летающие корабли, это антигравитация, чудо и не чудо, притяжение почему-то перестало удерживать снег, центростремительная сила уносит его прочь, это так объяснимо... и так ужасающе просто.

Снег поднимается с шорохом, треском и скрежетом, отламываются целые льдины, их возносит, как легкий пух, на многих вижу темные пятна вмерзших в лед камней...

Земля дрожит от неслыханного надругательства, а вокруг уже не снег, а настоящие снежные горы, что растут и растут.

Я даже не заметил, когда исчезла снежная буря, разбившись об исполинскую мощь поднимающейся массы слежавшегося снега.

Снег поднимался, уже не чисто белый, а переливающийся разными оттенками холодных цветов, от синего до зеленого. Мне то и дело казалось, что там поднимаются и некие снежные существа, быстрые и предельно изменчивые по форме.

Снежная масса продолжала вздыматься, земля уже гудит, как исполинский барабан, вздрагивает, там нечто скрипит протестующее. Я прислушался, и чувство тревоги начало сперва закрадываться в грудь, потом в страхе заскреблось сильными лапами с острыми костями.

— Карл-Антон, — крикнул я изо всех сил, — там уже... не только снег!

Он оглянулся, злой и торжествующий.

— Что?

Я указал трясущейся рукой в чудовищную массу снега и камней.

— Смотрите!

Вздымающаяся масса становится все темнее, вместе со снегом теперь поднимается мелкая галька, крупная, а вот пошли скатившиеся с гор булыжники, валуны...

Прогремел сухой треск, мы оба вздрогнули, обернулись. От скалы неподалеку отломилась каменная вершина, там уже не осталось снега, и пошла вверх

так неспешно, словно всплывающий со дна болота шарик грязного воздуха.

Это и потрясает: если бы все умчалось моментально, как-то уложилось бы в сознание, но именно величавость и космический масштаб вселяют ужас, не могу объяснить даже спинным мозгом, а он по моей гибкости и уживаемости мог объяснить все, что угодно.

В небе над нашими головами раздался исполинский вздох, словно очнулся весь мир, а масса снега и камней замерла на долгое мгновение... потом быстро пошла вниз!

Я замер, быстро зыркнул на мага, тот посерел от усилий, напрягся, вижу, как пытается снова поднять, но не удастся даже остановить, и вся масса устремилась обратно, а снежная буря уже снова скрывает все в метели, правда, пока там, вверх.

— Что? — крикнул я в страхе.

Он захрипел, перекосясь, жилы на шее напряглись так, что вот-вот лопнут, руки то опускаются под незримой тяжестью, то ему удастся чуть-чуть приподнять, но видно, что проигрывает, проигрывает...

— Это... они...

Я крикнул, чувствуя себя глупо, без сопливых обойдутся, но все же нельзя не подать голос:

— Держись!.. Ты же сильный!

Он хрипел, колени начали подгибаться, я чувствовал, что вот-вот рухнет, а снежная буря возобновится с еще большей яростью.

— По... мо...гите, — прохрипел он. — Их трое...

Я вскрикнул:

— Как?

— В вас есть, — выдавил он сквозь стиснутые челюсти, — мощь... Пусть мало... но... может хватить...

— Но... как?

Он пошатнулся, руки опускаются, и вот-вот их прижмет к телу, лицо белое, как у мертвеца, плоть истает на глазах, скулы заострились, весь отдает себя в магию, но нашел силы прошептать:

— Встаньте ближе... Чтобы плечи... ни о чем не думайте... Опустите ладонь на мое... плечо...

Глава 7

Я торопливо положил руку на его худое плечо, он закрыл глаза и опустил голову, некоторое время стояли в грохоте и треске, а я чувствовал, что в самом деле чем-то делюсь таким, чем сам еще не умею пользоваться, но нечто из меня уже исходит, хоть и по капле, мир застыл в равновесии, эти трое неизвестных магов не могут опустить это каменное плато, зависшее в воздухе, а мы не можем поднять.

Чудовищная масса камней, что уже почти легла на прежнее место, опустилась еще чуть, до земли осталось несколько ярдов, там застыла в неподвижности на долгое время, затем я ощутил, как во мне продолжает пробуждаться та некая темная мощь, Карл-Антон застонал, чувствуя, как она вливается в его тело, захрипел с яростью в голосе, и заснеженное поле камней и скал медленно пошло вверх.

Я молчал, весь отдавшись этому странному чувству странной звериной радости, через некоторое время услышал измененный голос Земмельвейса:

— Ну вот... вот я и отыскал их...

— Кого? — спросил я и осекся.

Его глаза вперили в пространство пустые глаза, но когда зрачки задвигались, я ощутил, что он видит чьи-то лица, и те тоже смотрят на него, сейчас пошла завершающая фаза смертельной дуэли.

Я чувствовал дикое ликование, нам удалось, это я помог, поверхность земли очистилась даже от снега, все камни, валуны, скалы — все уплывает вверх... темная мощь пошла струиться из меня легче, свободнее, радостнее, я чувствовал, что да, те проклятые колдуны повержены, размазаны, как грязь, превращены в тлен, вот так нужно, да будет так со всеми, кто посмеет поклониться недостаточно почтительно...

Треск начал затихать, исполинская масса камней и снега движется вверх все медленнее, постепенно застывая, словно там вмерзает высоко в небе в незримое ледяное поле.

Маг сказал не своим голосом, хриплым и надтреснутым:

— Все... Пусть армия идет...

Я повернулся, махнул рукой Меганвэйлу, пусть уводит конницу галопом, а то и вовсе карьером. Тот вздрогнул, перестал следить за мной застывшими глазами, повернулся к ожидающим у подножия холма военачальникам и прокричал приказ.

Через мгновение вся конная масса пришла в движение. Я повернул голову к магу, во мне что-то странное, дикие желание убивать и рушить, и в то же время грызет неуверенность насчет этой зависшей в небе массы камней, скал и снега, ибо внизу во весь опор уносится панцирная конница, спеша миновать опасное место, и если вдруг что-то пойдет не так...

— Это все, — проговорил я почему-то непослушным языком, — не рухнет?

— Рухнет, — ответил он тоже голосом совсем иного человека. — Когда скажу.

— Но...

Он прервал:

— Пусть идут! Я продержу все там... как красиво получилось... пока не проскачет самый медленный! А потом догоню вас.

Я сказал с неуверенностью:

— Хорошо, Карл-Антон. Верю, вы сильнейший маг. Такое сотворить... гм... но не придавит?

— Нет, — прорычал он. — Всемогущее Небо, какая же это сладкая мощь...

Лицо его искривилось в судороге наслаждения, голос вздрагивал от экстаза, я чувствовал уже не тревогу, а темный нарастающий страх. Что-то пошло немного не так, почему-то во мне начинает пробуждаться эта злая жажда всеобщего разрушения, а я не стойкий аскет, я всегда предпочитал поддаться искушению, чтобы оно поскорее оставило меня, но все же разрушать нельзя, я же собрался строить...

Под ногами глухо заворчал, раздался треск, тяжелый грохот. Земля лопнула, в щель высунулась острая вершинка камня, тот неодолимо прет вверх, и вот целая скала, выворачивая пласты мелких камней и гальки, поднялась, невообразимо легко оторвалась от поверхности и пошла, ускоряясь, в сторону неба.

Я охнул, по обе стороны от очистившейся дороги с треском отламываются вершины скал, массивные глыбы выползают из земли, словно незримые руки древних богов выталкивают их, и все это всплывает вверх, вверх, не падает в небо, а именно всплывает...

— Хватит, — сказал я. — Хватит!

Он не слушал, лицо перекошено, глаза загорелись нечеловеческим восторгом и разгораются все ярче, стали багровыми, от них пошел красный свет.

— Перестаньте, — крикнул я, — прекратите!

Он прошипел сквозь зубы:

— Какая же это мощь... какая исполинская мощь...

— Прекратите! — заорал я.

Он медленно повернул ко мне голову, она почему-то укрупнилась, он сам стал громаднее, массивнее, а свет из глаз стал невыносимо ярким, пурпурным, от которого мое сердце заметалось в панике, не зная, куда выпрыгнуть.

— Как, — прорычал он, и в его странном голосе прозвучала неземная сила, — как это оказалось в таком... таком ничтожном...

— Эй, — заорал я, — опомнитесь!.. Возьмите себя в руки!

Он прошипел, и голос его прозвучал так, словно на раскаленную лаву ада выплеснули целое озеро холодной воды:

— Исчезни... не знаю, кто вложил в такое ничтожество эту неземную мощь... но заберу всю...

Я отшатнулся.

— Остановитесь!.. Я не стану помогать больше!

Его челюсти укрупнились, как у древней рептилии, а шипение прорезало воздух с такой силой, что я услышал треск сгораемого воздуха:

— Поздно... Меня не остановить...

— Попробую, — выдавил я через силу, — и не таких...

Но чудовищная мощь сковала, я чувствовал себя лягушкой, вмерзшей в лед. Из последних сил попытался отодвинуться, удалось чуть-чуть, даже как-то отлепил кончики пальцев от его плеча и с усилием начал опускать руку.

Маг в изумлении оглянулся, на искаженном лице, уже нечеловеческом, появился злобный оскал.

— Замри, ничтожество...

Он сам протянул руку и властно опустил громадную ладонь с перепонками между пальцами на мою грудь, закрыв ее почти целиком. Сильнейший жар вспыхнул под его рукой, прокатился по всему моему телу.

Я взвыл, но мой голос потонул в страшном крике существа, в которое превращался маг:

— Что?.. Этого не может быть...

Его отшвырнуло, он рухнул на спину, вместо руки дикое пламя, огонь тут же переметнулся на его плечо, голову, грудь и охватил все тело.

Я тупо смотрел на дергающуюся фигуру, теперь уже человеческую, отступил на шаг, а огонь быстро-быстро пожирал тело, оставив только обугленную плоть, но и та рассыпалась на багровые угли. Их тут же раздуло ветром, некоторое время еще отчетливо виднелся скелет, но и он распался в серую труху, а ее разметал холодный ветер.

В груди все еще жжет, постепенно остывая, я машинально накрыл поврежденное место ладонью, ощутил нечто очень горячее. Пальцы нащупали медный крестик, подаренный аббатом Бенедерием.

Так вот кто воспротивился магу... хорошо, в общем, воспротивился. Аббат говорил на прощание, что крестик дает только защиту, ничего больше, но, как вижу, защита весьма активная...

И все-таки трясет так, что опустился без сил на обломок скалы и некоторое время оставался там, стараясь унять дрожь во всем теле.

Как понимаю теперь, когда откликнулся на просьбу мага помочь, то бессознательно начал делиться с ним мощью Терроса. Земмельвейс опьянел от ощущения всемогущества, потерял над собой контроль и попытался забрать у меня всю эту темную силу...

Солнце светит сильно и ярко, я в недоумении вскинул голову, в небе сплошная синева, ни туч, ни даже облаков, а от поднявшихся в небо камней и целых скал тоже ни следа, словно все растворилось на большой высоте без следа.

Взгляд, не натываясь больше на камни и скалы, свободно понесся по ровной каменистой поверхности вдогонку за ушедшей конницей.

— Прекрасно, — прошептал я с чувством, — надеюсь, эту расчищенную дорогу назовут когда-то Дорогой Святого Ричарда... Нет, Святого — слишком круто, да и как с таким прозвищем баб щупать... ладно, просто Дорогой Ричарда... Хотя нет, сперва узнать бы, куда ведет, а то если в болота или в пропасть... Таким великим именем нельзя разбрасываться почем зря...

Бобик взбежал на холм, мокрый и вздрагивающий, в зубах бьется огромная рыбина, посмотрел в недоумении по сторонам.

— Меганвэйл, — сказал я быстро, — вот там! Догоняй.

Он, получив разрешение и одновременно приказ, весело взбрыкнул, как козленок, и ринулся по дороге сбоку от все еще идущей бронированной конницы.

Разведчики донесли, что впереди горит деревня. Мы и сами уже увидели столбы дыма, что поднимаются над лесом.

Меганвэйл крикнул, поморщился. Вояка до мозга костей, он все же не любит, когда разоряют простых крестьян. И дело даже не в гуманности, а кто же тогда будет кормить армию. Этих разорителей нужно вешать, и тут неважно, свои они или чужие.

— Ваше высочество, — сказал он, — позвольте...

Я кивнул.

— Действуйте, герцог.

— Со всей решительностью?

Я напомнил вполголоса:

— Здесь меня воспринимают как прямого преемника Фальстронга, а он не отличался мягким нравом...

Он ответил с поклоном:

— И по всем королевству знают, что Фальстронг сожалел, что вы не его сын...

— Но все его сыновья погибли, — сказал я, — так что я теперь как бы не только преемник, но и почти сын. А так как все за долгие годы правления Фальстронга привыкли, что король должен быть суров и жесток, то любое проявление милосердия поймут как слабость...

Он посмотрел на меня в замешательстве.

— Но что вам мнение остальных... когда за плечами такая армия?

— Армия помогает завоевывать, — ответил я, — но не править.

Он посмотрел на пешие части, сказал со вздохом:

— Люди устали. На этот раз ночным отдыхом не отделаться.

— Недельный, — согласился я. — Как обычно. Говорите, вот по этой дороге на запад будет крепость Алый Камень?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Там скарляндцы.

— Знаю. Но не думаю, что окажут сопротивление...

Он покачал головой.

— Сейчас все бьются отчаянно. Леофриг, кто бы подумал... Так же точно, думаю, будет сражаться и Шварцкопф.

— Все-таки рискну, — ответил я. — Здесь все равно неделю томиться в ожидании. Обещаю вернуться раньше, чем сниметесь с места!

Он вздохнул.

— Ладно. Я там оставил большой конный отряд разведки. Они наблюдают издали. Если что, они окажут поддержку.

— Спасибо, герцог, — сказал я тепло. — Вы всегда все предусматриваете!

— Если бы все, — ответил он сумрачно, подумал, добавил с сомнением: — Но тогда жизнь, наверное, стала бы неинтересной?

Глава 8

Крепость красиво и гордо возвышается на холме. С трех сторон отвесные скалы, а с четвертой дорога поднимается медленно и важно, делает полукруг под самыми стенами, откуда могут стрелять из луков и арбалетов, сбрасывать камни и лить кипящую смолу.

Мне навстречу ринулись конные, я приготовился на всякий случай к схватке, но они закричали издали:

— Ваше высочество!.. Мы разведка Меганвэйла!

Я вздохнул с облегчением.

— Привет, ребята. Герцог предупредил о вас. Что здесь слышно?

— Крупных сил противника нет, — доложил командир отряда. — Иногда появляются разрозненные отряды, но они к крепости не подходят. Мы тоже не подходим, чтобы не спровоцировать... Разрешите сообщить им, что вы изволите посетить крепость?

Я переспросил:

— А нужно?.. Вдруг решат, что я сам лезу в ловушку?

— Вряд ли, — ответил он с сомнением. — Вас чтут. И постоянно говорят, что воюют не против вас, а за независимость Скарляндии.

Я подумал, прикинул «за» и «против», покачал головой.

— Нет. Говорить им ничего не будем. Это получится, что вступаем в какие-то переговоры, а в пере-

говоры можно вступать с противником, но не мятежниками.

Он посерьезнел, подтянулся.

— Понял, ваше высочество.

— Можете сопровождать, — сказал я.

— Позвольте все-таки развернуть ваш штандарт?

— Позволяю, — ответил я.

Внизу у крепости я заметил только один конный отряд скарляндцев, но и они быстро отступили, как только увидели наш отряд, во главе которого знаменосец гордо несет мой штандарт. Разведчики сопровождать не стали, осмотрели окрестности, рассыпавшись по одному, а когда в нашу сторону понесся первый гонец, я уже догадывался, что столкновения сегодня не будет.

— Ваше высочество! Противник отступил...

— Мятежники, — поправил я строго.

Он вскрикнул виновато:

— Да-да, мятежники отступили, ваше высочество! Дорога до самых ворот крепости свободна!

— Что ж, — сказал я, — пока бдите, а я навещу принцессу Вирландину. Это наш ценный союзник, вы правы, что присматривали за нею.

Командир отряда ни одним жестом не выказал понимания, что я сразу же нырну к ней в постель, ответил почтительно:

— Уверен, ваше высочество, узнаете не только новости, но и массу полезных сведений. Ее высочество Вирландина всегда старалась помочь своему мужу, но принц Марсал отвергал ее мудрые советы, хотя ими не пренебрегал даже сам король Фальстронг!

— Вы хорошо информированы, — сказал я одобрительно.

Он почтительно поклонился.

— Ваше высочество, я десять лет сопровождал Меганвэйла, когда он еще не был даже графом, и он знал, кому доверить это ответственное задание!

Я улыбнулся, пустил коня по дороге, Бобик уже там, прыгает перед воротами и велит отворить немедленно, неужели там все ослепли и не видят, кто к ним изволит?

Ворота открыли не сразу, сперва рассмотрели как следует меня, явно проверили и магическим глазом, тот ли, за кого себя выдаю, но когда мы наконец проехали под высокой массивной аркой из серого камня, во дворе уже суетились в радостном возбуждении слуги, а из донтона торопливо вышел навстречу и поклонился важный и породистый мужчина, шуба роскошная, распахнута на груди, золотая цепь на груди внушает почтение размерами, а рядом с ним сухощавый человек в одежде оранжевых цветов с черным...

— Сэр Фридрих! — воскликнул я пораженно. — Сэр Клифтон!.. Господи, да как вы здесь оказались?

Они преклонили колени, я соскочил на землю и поднял обоих, обнял по очереди.

Фридрих Геббель, сенешаль и лорд малой печати, сдержанно улыбнулся:

— Ваше высочество! Мы с благодарностью приняли любезное приглашение принцессы Вирландины отбыть с нею в эту крепость... ввиду предполагаемых событий. Сэр Клифтон тоже получил это предложение...

Сэр Клифтон Джонс, в прошлом доверенный слуга Фальстронга и его личный секретарь, а потом ставший моим секретарем, поклонился при упоминании своего имени, а когда поднял голову, его суровое и обычно непроницаемое лицо светилось счастьем.

— Ваше высочество, — произнес он с чувством. — Надеюсь, я скоро смогу называть вас вашим величеством?

Я промолчал, но уже понятно, что да, все понимают, на этот раз я пришел весьма разгневанный мятежом, это в первую очередь оскорбление, а уже потом какие-то экономические потери, честь дороже.

Сэр Фридрих лично ухватил повод арбогастра, но передал подбежавшим конюхам.

— Ваше высочество... позвольте проводить вас?

Я кивнул.

— Да, конечно. А где хозяин?

— Сэр Стефен Шарпвуд, — сказал Клифтон, — с малой дружиной сейчас рыщет по лесным тропам, отыскивает ваших сторонников и старается собрать их воедино.

— Теперь может отдохнуть, — сказал я. — За моими плечами сторонников достаточно.

В холле полутемно и холодно, зато в первом же зале горят все свечи, празднично блестят серебряные нити, вплетенные в красные штандарты, свисающие с балок.

Клифтон сказал торопливо:

— Покои ее высочества принцессы Вирландины на втором этаже...

— К ней уже побежал человек, — добавил сэр Фридрих.

Они разом умолкли и повернулись к лестнице, а затем почтительно склонили головы. Вирландина, сдержанно нарядная, спускается быстро, придерживая с обеих сторон подол длинного платья, а в ее крупных и чуточку выпуклых серых глазах все ярче разгорается знакомый жемчужный свет.

Мне даже показалось, что она все в том же платье, в каком видел в последний раз, это вообще достойно восхищения, мы сами не любим переодеваться и не понимаем этой женской страсти.

Я уловил в ее взгляде вопрос, должны ли мы вести себя по-прежнему, все-таки много воды утекло, засмеялся, она даже замедлила шаг, но я раскинул руки, и она бросилась навстречу, обняла и прижалась всем телом, а я стиснул крепко-крепко, чувствуя сладость и постельное тепло ее зрелого тела.

— Ваше высочество, — сказал я с чувством. — Нам так много нужно обсудить с вами. Нигде я не получу такой полной картины происходящего в Варт Генце, как от вас!

Она счастливо расхохоталась.

— Вы мне льстите, но... вы правы. Я и убралась из столицы только потому, что заранее просчитала, как все пойдет. И здесь только я одна верила, что вы скоро явитесь... да не один, а с армией!

Я обернулся к Джонсу и Геббелю:

— Мы с ее высочеством обсудим положение дел, а вы помогите разместить наших разведчиков, а то они совсем одичали вдали от жилья... Ваше высочество, позвольте проводить вас?

Она дружески взяла меня под руку, я повел в сторону ее покоев, чувствуя, как то и дело прикасается полной и горячей даже сквозь платье грудью.

Перешагнув порог, я сразу увидел, что каким бы это помещение ни было раньше, но уже подстроено под нее, женщины все так поступают, даже если оказываются на одну ночь в хижине, а завтра точно будут в другом месте.

Уютно, мягко, женственно, настраивает на покой и отдых, хотя свет яркий, от камина в дальней стене

идет живое тепло, убаюкивающе похрустывают поленья.

— Здорово, — сказал я. — Как здесь... мило.

Она позволила усадить себя в кресло, с улыбкой смотрела, как я плюхнулся напротив и вытянул ноги.

— Отдыхайте, ваше высочество, — произнесла она грудным голосом. — Вам предстоит много еще ходить, бегать, прыгать, мчаться на своем удивительно быстром коне.

— Отдохну, — пообещал я. — А пока, Вирландина, расскажите, что и как тут в Варт Генце. И хотя уже наслушался, но, уверен, вы знаете больше, точнее, а ваши оценки окажутся к реальности ближе.

— Постараюсь, — ответила она, тут же предложила: — Вина или жареного мяса?.. Помню, вы любите с зеленью, но придется подождать до лета...

— Можно и сейчас, — ответил я, — я вам помогу. Совместное приготовление совместного ужина, что может быть лучше перед совместной постелью?

Она улыбнулась, промолчала, все верно, мы не какие-то там просто любовники, сейчас вот хорошо и неспешно поедим, а потом хорошо понежимся в роскошной постели, без всяких страстей и ненужностей, неторопливо и мудро обсудим положение дел в королевстве.

Я, блеснув новым для нее умением, уставил стол изящной посудой и завершил созданием диковинных фужеров из тончайшего стекла с золотыми медальонами на стенках, а на тарелки навалил еды, которой не касалась рука человека.

После ужина, уже расслабленные и довольные, когда нежились в постели, она проговорила чувственно:

— Не понимаю, как кто-то мог подумать, что ты погиб? Это же совершенная нелепица...

— В самом деле, — сказал я весело, — зачем? Не вижу высокого смысла, а как жить без смысла? Вирландина, я счастлив... и потому не повешу этих мерзавцев, что захватили крепость.

Она воскликнула:

— Как можно? Они обращались со мной очень достойно!

— Точно?

— Они всю оставили в моем распоряжении, — объяснила она. — Конечно, после тщательнейшего обыска, когда поняли, что здесь нет ни одного отряда вартгенцев.

— А их и не было?

Она улыбнулась, покачала головой.

— Конечно. Я же понимала, что так будет. Мужчины так предсказуемы!

— Только слуги?

— Только слуги, — подтвердила она. — Хотя, конечно...

— Что?

— Они все в прошлом были в гвардии моего мужа.

— Гм...

— Но преданы лично мне, — заверила она. — Я взяла в свои руки выплату им жалованья, а это, как понимаешь, многое значит...

Я слушал внимательно, картину она нарисовала куда более подробную, чем выдал Меганвэйл, но главные детали совпали с тем, что рассказал он. Все королевство охвачено огнем гражданской войны, практически не осталось земель, где сидят тихо и не поддерживают кого-то из своих претендентов на трон.

Но она рассказала еще и то, о чем Меганвэйл не знает или просто не пытался интересоваться: о беспорядках в Скарляндии. Там это вспыхнуло позже, но пламя разгорелось еще жарче.

— Не будь борьбы за трон у нас, — пояснила она, — Скарляндия, думаю, все-таки не пошла бы по этой дорожке... Но когда здесь брат на брата, как не вспомнить старые обиды?

— А между собой?

Она покачала головой.

— Нет, они сперва дружно ударили на западные земли Варт Генца. А уже потом, захватив наши западные области, начали спорить сперва из-за добычи, потом из-за старшинства...

— А затем по накатанному сценарию, — сказал я, — как и в Варт Генце. Понятно, иногда все идет так, что видишь, в какую пропасть тебя несет, а остановиться не можешь.

— Именно, — подтвердила она.

— Что насчет Шварцкопфа, Ханкбека? — спросил я. — Может быть, слышала?

Она кивнула.

— Еще бы.

— Что?

— Основные противники, — пояснила она.

— Эх, — сказал я с досадой, — это же были такие друзья!

Она посмотрела на меня с иронией.

— Как долго? Они были соперниками два десятка лет, потом вы их объединили на несколько месяцев... и что, решили, будто так и останутся? Да их племена ингельмов, ятваргов, ляндарей, кракофорсов и едров... если не перепутала названия, даже молятся разным богам! Да-да, у них есть еще и местные, языческие... И чтоб не враждовали?

— Значит, — повторил я, — Ханкбек и Шварцкопф по разные стороны...

Она посмотрела на меня с сочувствием.

— Не знаю, хорошо это или плохо, но у них только два претендента на трон короля Скарляндии. Именно Ханкбек и Шварцкопф.

— А в Варт Генце пять?

— Четыре, — ответила она. — Меревальд распространил весьма странное заявление...

Я насторожился.

— Что в нем?

— Дескать, на трон не претендует, но своим людям не запрещает поддерживать того кандидата, которого считают лучшим.

— Мудро, — сказал я.

— Конечно, — согласилась она. — Лучшим считают его, потому вассалы остались на местах.

— И потому на их земли никто не вторгнулся?

Она улыбнулась.

— Совершенно верно. Полагаете, у него дальний расчет?

— Да кто его знает, — ответил я с неопределенностью. — Выигрывает он в обоих случаях, прикидывается или говорит правду. А с таким нельзя расслабляться.

Глава 9

Проснулся я поздним утром, но телу так хорошо и спокойно, безумно уютно, что снова погрузился в сладкий сон, а выплыл наверх через какое-то время очень медленно, плавно, словно неохотно поднимающийся сквозь плотную тяжелую воду со дна болота облепленный глиной тяжелый комель дерева.

Ноздри уловили дразнящий аромат жареного мяса, но веки пока плотно сомкнуты, досматриваю странный сон, кому-то усиленно втолковываю, что

у Матфея сказано: Христос заявил, что он «...послан только к погибшим овцам дома Израилева». В Евангелиях не раз говорят, что он отказывался говорить с иудеями, а также запрещал своим ученикам общаться с самаритянами.

Все верно, это Павел сумел повернуть так, что проповедовать надо среди всех народов, это он создал учение, названное христианским, хотя Христос внес в него не так уж и много.

Что-то Иисус мне нравится все меньше. Нашу христианскую веру создал Павел, а будь все во власти Иисуса, то его учение разделяла бы горстка иудеев, а Европа оставалась бы в язычестве и, хуже того, в диком варварстве, ибо научное мировоззрение было создано именно христианскими монахами.

Я наконец-то разомкнул веки, чувствуя, как истончаются голоса, а я из того мира перехожу в этот, где иные законы, более строгие, но все же понятные, и жить вообще-то можно, хоть и труднее.

Веселый голос донесся с другой стороны комнаты:
— Выспался?

Я повернул голову, Вирландина с распущенными волосами и в пеньюаре устроилась за столом, красиво закинув ногу на ногу так, что видно даже голень, в руке перо, но сейчас не пишет, смотрит на меня с веселым прищуром.

— На полжизни вперед, — заверил я. — Никогда так сладко не спал!.. Даже не представляю, что можно вот так... что ты со мной сделала?

Она вскинула брови.

— Я? Или ты со мной?.. Посмотри на следы своих лап!

Я посмотрел, покачал головой.

— Ух ты, какие загребушие... И это все я? С ума сойти... всего за одну ночь?.. Я как бы вообще орел... Еще больше уважать себя начну...

— А что, — спросила она, — разве такое возможно?.. Вставай, обед стынет.

— Обед? — переспросил я потрясенно. — Я спал до обеда?

— И очень крепко, — подтвердила она.

Через три дня я въехал в расположение лагеря Меганвэйла, войско отдыхает, накапливает мощь, только конные разъезды безостановочно снуют по окрестностям, перехватывая всех, собирая информацию и отсеивая ту, что может пригодиться.

Они же встретили делегацию от самого Торстейна, окружили и, выслав вперед одного быстрого конника предупредить нас, доставили в наш лагерь.

Я не стал выходить из шатра, наблюдал в щель за тремя рыцарями, двое остались в седлах, а третий слез с коня, обеими руками снял шлем, чтобы не проделывать это уже в моем присутствии, я видел, как окидывает острым взглядом лагерь измученных коней и усталых людей.

Я придиричиво смотрел, как он быстро пошел к моему шатру, поспешно отошел от входа, сел на лавку и принялся всматриваться в карту. Послышались уверенные шаги, строгий голос стражи, наконец полог отлетел в сторону.

Рыцарь вошел быстрый, бодрый, на третьем шаге легко преклонил колено и, вскинув голову, продолжал смотреть в мое лицо с веселым любопытством, что значит, преклонил колено как перед старшим по титулу, все-таки принц, но не перед сюзереном.

Я всмотрелся в его лицо.

— Если не ошибаюсь... сэр из рода Эрлихсгаузен-нов?

Он воскликнул радостно:

— Все верно, ваше высочество! Как вы узнали? Я барон Ставдер, племянник герцога Людвига Ньюширского!

— Фамильные черты, — ответил я почти любезно, — да и фамильные цвета...

— Ваше высочество, я польщен, что они запали в вашу память!

Я не стал объяснять, что в моей памяти столько мусора, что вообще трудно отыскать что-то нужное, повел дланью.

— Поднимитесь, сэр, и рассказывайте, с чем прибыли.

Он поднялся так же быстро, словно подпрыгнул, ответил живо:

— У вас такой огромный лагерь, просто удивительно! Но лошади устали...

Я поморщился.

— Барон, у меня мало времени. С чем прибыли?

Он посерьезнел, сказал уже не так быстро:

— Мы бесконечно рады, ваше высочество, что вы успешно, как мы догадываемся, закончили свой северный поход! И вернулись целым и невредимым.

— Вернулся, — согласился я, — а также моя армия.

— Вид у нее изнуренный, — повторил он с той кротостью, что паче нахальства. — И люди к боям не готовы.

Я посмотрел на него холодно.

— Где вы узрели армию? Всего лишь конный разъезд, посланный впереди. Армия медленно движется сзади, преодолевая распутицу. За спиной у меня надежный тыл, в королевстве Сакрант я коронован титулом кронпринца и объявлен наследником трона.

Он охнул, как бы радостно, сказал живо:

— Поздравляю, ваше высочество!

— Оставив Несокрушимую и Победоносную, — сказал я, — овеянную славой побед продвигаться в сторону Варт Генца, я промчался на своем быстром, как вы знаете, коне, и возглавил передовые отряды армии Меганвэйла.

Он сказал неуверенным голосом:

— Поздравляю, ваше высочество...

— Но по пути, — уточнил я, — заскочил в Бриттию, где после гибели единственного сына короля Ричмонда эрбпринца Клавеля являюсь этим самым... да, эрбпринцем.

Он учтиво поклонился.

— Поздравляю, ваше высочество!

— Как вы догадываетесь, — сказал я доверительно, — я сразу же двинул всю армию Бриттии на границу с Варт Генцем...

— Ваше высочество!

Я продолжал тем же тоном:

— Естественно, я не мог проехать мимо Гиксии, где я избран принц-регентом до достижения совершеннолетия семилетнего сына короля...

Он снова охнул и сказал совсем упавшим голосом:

— Поздравляю, ваше высочество...

— В самом деле? — спросил я. — Так вот, армию Гиксии я тоже двинул с востока на границы Варт Генца. То есть с севера подходит армия Бриттии, с востока — Гиксии, с запада закаленные в боях войска Меганвэйла... Ну, а Непобедимая и Победоносная, в боях познавшая сладость побед... когда разгромила наводившего на всех вас ужас Мунтвига, подойдет чуть позже.

— Ох, ваше высочество... Поздравляю с таким блестящим...

На него было жалко смотреть, я поднялся во весь рост, хлопнул ладонью по карте.

— Хватит!.. Хватит, барон. Я же вижу... Возвращайтесь и доложите, что видели здесь и что от меня услышали. Все, идите!

Он выскочил как ошпаренный, даже забыл поклониться. Все-таки я уже научился владеть голосом, пусть не везде и не всегда, но если удастся, то даже сам чувствую, как быстро расту, словно с неба за уши тянут.

В самом деле уже созрел для королевского трона. Если не по уму, то по голосу и манерам точно, для короля это даже важнее.

После его спешного отбытия зашли Меганвэйл, Альбрехт, Норберт.

Меганвэйл спросил жадно:

— С чем он приезжал?

Я пожал плечами.

— Даже не представляю. Показалось намного целесообразнее даже не выслушивать, а прервать разговор.

Альбрехт спросил с пониманием:

— Чтобы не менять их статус?

— Да, — подтвердил я. — Переговоры ведут с противниками, но с противниками соблюдают определенные правила войны. Другое дело — мятежники.

Норберт проговорил сурово:

— Мятежники и есть мятежники. Они все вне закона.

Лицо Меганвэйла немного омрачилось, но вздохнул и спросил деловито:

— Мятежники... с ними понятно. А как поступите с остальными?

Я подумал, сказал коротко:

— Мне главное, как вы понимаете, укрепление единовластия. Потому я, выполняя прямую, хоть и

невысказанную волю короля Фальстронга, сяду на трон, а лорды увенчают меня короной и начнут величать его величеством...

Он воскликнул с восторгом:

— Наконец-то!

— Но прежде, — сказал я многозначительно, — придется разобраться со Скарляндами.

Его лицо осветилось хищной улыбкой.

— Ох, как я жду этого дня!

Земля подсохла везде, и армия безостановочно двигалась на столицу, разбивая и уничтожая отряды не признающих власть принца Ричарда. За несколько миль до стольного града дорогу перегородило сборное войско, разведчики донесли, что там видны знамена верховного лорда Хенгеста Еафора и лорда Торстейна.

Правда, держатся раздельно, но явно координируют усилия, Ричард для обоих сейчас намного опаснее.

Меревальд сказал с отвращением:

— Неужели не понимают?.. Битва уже проиграна. У нас армия втрое больше. Не говоря уже о том, что наша выучка намного выше.

— Глупцы, — с горечью сказал я. — Им обязательно нужно устлать поле трупами, чтобы потом сказать гордо, дескать, дрались храбро, но противника было больше... Хорошо же, мы им покажем, как бунтовать против законной власти!

Меревальд повернулся к сопровождающим нас полководцам:

— Идите к отрядам. Мы начнем, как и планировали, атакой, отступлением и контратакой на обоих флангах, полным окружением, чтобы ни один человек не вырвался из побоища и потом не хвастался, что избежал позорного плена!

Последняя битва за Варт Генц произошла в двух милях от столицы. Нелепая и ненужная битва, исход которой предрешен заранее. Я поднялся на холм в сопровождении Меганвэйла, Альбрехта и Норберта, а также неутомимого Бобика, и наблюдал мрачно и зло это бессмысленное побоище.

Мое рыцарство и панцирные всадники с первых же минут схватки начали напирать неудержимо, с той стороны и с этой уже израненные, в помятых, а то и в разрубленных доспехах, покрытые брызгами крови, однако же наши действуют слаженно, а рыцари хоть Хенгеста, хоть Торстейна дерутся красиво и отважно в одиночку, и падают под ноги моих воинов, что почти в таких же доспехах, но все из простолюдинов и предпочитают чужого рыцаря зарубить, чем брать в плен, ибо выкупа все равно не получат.

Несколько часов жестокой кровавой битвы, что перешла в резню, в которой пало большинство рыцарей и лордов Хенгеста, погибли все со стороны Торстейна, только его самого удалось сбить с коня брошенным в спину молотом, связать и притащить на веревке, как добытого на охоте кабана.

Я пустил коня с холма, Хенгеста и Торстейна, а также еще с десятков уцелевших лордов, крепко связанных, притащили и поставили на ноги.

Не покидая седла, я оглядел их с отвращением, они же молчали и отводили взгляды.

— Как только, — сказал я, адресуясь больше Хенгесту, — пришлось увести армию навстречу Мунтви-гу, вы начали междоусобную войну... и за что? Всего лишь за трон! Как будто королевству не все равно, кто будет на троне!.. Но вы думали не о королевстве, а о своих амбициях. Сесть на трон, опустошив в кровавых войнах страну, это же такая сладкая возможность поплевывать сверху на склоненные головы своих не-

давних противников! А если кто уцелеет, казнить по своему произволу тех, кто вам не нравится!

Все молчали, опустив голову, только Хенгест сопел, шевелился, переступал с ноги на ногу, время от времени зыркал на меня исподлобья.

— Какие же вы политики, — спросил я гневно, — что не предусмотрели на два шага, а лучше на три, вперед?.. Кровавая война... могла разразиться, но могло и обойтись, но вы были согласны и на гражданскую войну. А то, что Скарляндия тут же предъявит права на часть земель? И что потом отвоевывать будет труднее... Я не только успел объединить их вечно воюющие племена, но и создал там крепкую армию! Плюс они армию все время пополняют, а вы половину своих дружин потеряете в этой кровавой распре!

Хенгест пробормотал:

— Я предупреждал. Но меня заверили, что справимся и со Скарляндами. Потом, когда все уладим здесь.

— Скарляндия, — сказал я с нажимом, — это цветочки. Самая большая ошибка, когда решили, что отсутствие вестей о Ричарде означает его гибель. И что имеем теперь?.. На северо-западе королевства расположена армия герцога Меганвэйла, а что у него за войско, вам лучше всех расскажет Хродульф, если вы его отыщете. Знаю, вы полагали, что он воздержится от боевых действий, он военный и привык подчиняться тому, кто на троне... но сейчас на троне все еще я! Или вы забыли?.. Идем дальше: с севера выступила вся армия королевства Бриттия... не верите? Пошлите на границу быстрых гонцов. С востока идет армия Гиксии...

У Торстейна вырвалось:

— Гиксия? А ей какое дело?

— Дело есть у меня, — отрезал я. — Кстати, если кто еще не слышал, пока не подрастет младший сын

короля, а ему пока семь лет, принц-регентом являюсь я. Я, Ричард Завоеватель. И армия оттуда идет по моему приказу. Считайте, что ее веду я.

Их лица темнели все больше. Только один из самых юных пленников, сын кого-то из лордов, смотрит вызывающе, на его лице написано: ну и что, а пусть хоть весь мир против, больше будет славы, а когда падем все, то погибнем с честью и славой, не уронив достоинства.

Торстейн тяжело вздохнул:

— Ваше высочество, мы признаем, что проиграли. Считайте, что мы в вашей власти. Поступайте с нами по своему усмотрению, только не мстите королевству, мирным жителям, не разоряйте города и села, не сжигайте...

Я зло искривил губы.

— Как трогательно. Сами начали все это делать с первого же дня: разорять города и села, истреблять противника, хотя какой он противник, жечь и насиловать... а сейчас становитесь в красивую позу жертвы, что отдает себя, только бы спасти народ? Сэр Торстейн, на меня эти трюки не действуют. Я насмотрелся уже... Так что с городами и весями все будет в порядке, как и с населением, а вот с вами — нет. Всех вон к тому дереву!

Торстейн вскрикнул в патетическом возмущении:

— Как? Мы же лорды! Нас имеет право судить только суд равных!

— Что? — спросил я в изумлении. — Вы забыли, что вы подняли мятеж против государя?.. Выбрать там ветки покрепче и повесить. Всех!..

Их схватили, растерянных до такой степени, что никто даже не пикнул, не верят в такую дикость, потащили к роскошному столетнему дубу.

Меганвэйл спросил тихонько:

— Сэр Ричард... вы делаете все правильно, страну нужно спасти быстро и решительно, но... вешать?

— Мы не чужая сторона, — напомнил я. — Любой юрист скажет, что это был бунт против законной власти, признанной всеми лордами Варт Генца! Вы не забыли, что они же сами избрали меня исполнять обязанности правителя, которые то ли уже истекли, то ли не истекли? Это они уверили себя и друг друга, что воюют за опустевший трон! Но он не пуст, хотя я и не протираю на нем штаны.

Торстейна то ли ненавидят больше всех, то ли опасаются, но его вздернули первым, а потом вешали остальных.

Последним со связанными руками подтянули к дереву Хенгеста. Один из молодых воинов ловко вскарабкался наверх, прополз по ветке и начал было привязывать там конец веревки, но я покачал головой:

— Низко... такой достойный воин, как Хенгест, должен висеть повыше.

Парень отвязал веревку и начал карабкаться выше. Хенгест стоял молча с опущенной на грудь головой.

Я посмотрел на дерево, на Хенгеста, сделал воинам, придерживающим его за связанные руки, всем понятный знак, те ухватили петлю, набросили ему на шею и деловито проверили узел.

Это самый мучительный вид повешения, когда казнимый не падает резко с возвышения, тогда у него ломаются шейные позвонки и смерть наступает мгновенно, а поднимают без рывков, и приходится хрипеть и задыхаться долго, иногда часами. Если надоедает ждать, то на тело повешенного прыгает палач и своим весом помогает довести дело до конца.

Хенгест все понял, угрюмо зыркнул на меня, но смолчал.

— Казнь мятежников и должна быть суровой, — сказал я всем, — потому они все погибнут позорной смертью... Сэр Хенгест, вам есть что сказать в последнем слове?

Он снова зыркнул злобно, подумал, буркнул:

— Нечего. Мы проиграли.

Я ответил со вздохом:

— Для вас это была только игра?.. А сколько уже сожжено сел и деревень, сколько убито мирных жителей... Да мне и воинов почему-то жаль тоже, хотя их жалеть не принято, а зря.

Трое дюжих воинов взяли за веревку, натянули, петля впилась в горло Хенгеста. Лицо его напряглось, но еще не посинело.

— Как думаешь, — спросил я, — я поступаю правильно?

Он в самом деле добросовестно подумал, с трудом выдавил из передавленного веревкой горла:

— Да...

— Хорошо, — сказал я, — что понимаешь. Пленных противников вешать нельзя, с ними нужно достойно, но мятежники... не пленные. Ладно... в память о прежних заслугах по защите отечества от полчищ Мунтвига дарую жизнь... но не прощение. Ибо даже отвага, оказанная в боях против Мунтвига, была вызвана не жаждой защитить Варт Генц, а стремлением к личной славе.

Он прохрипел:

— Я не вымаливал жизнь.

— Ценю, — ответил я. — И все же дарю. Бери ее и отправляйся из королевства, ибо приговариваю к изгнанию.

Воины тут же сняли с его толстой шеи петлю, кто-то с разочарованием, знатных да богатых особенно

приятно вешать, кто-то к симпатией к великому воину, оваянному славой.

Меревальд с облегчением перевел дыхание и спросил тихонько:

— Изгнание вечное?

— Пока просто изгнание, — ответил я. — А там посмотрим.

— С конфискацией?

— Нет, — сказал я, — обычное, я же сказал. Будет получать доходы со своих земель, но если вздумает переступить границы Варт Генца, будет казнен уже на месте.

Он подумал, кивнул.

— Спасибо, ваше высочество. Этот шаг милосердия привлечет на вашу сторону его сторонников.

Глава 10

Я поднял взгляд на деревья, ветви которых гнутся под тяжестью страшных плодов. Чуть дальше, где роща кончилась, там поставили простейшие виселицы: два треугольника из досок и сверху толстую жердь, что выдерживает три тела...

Таких виселиц больше двух десятков, так что повешенных немало, а если считать и тех, которых называют желудями, то наберется около сотни...

С другой стороны, это не римские казни, когда вдоль дорог распинали по пять тысяч спартаковцев, это не две с половиной тысячи мирных жителей Акры, которых вывел из города и хладнокровно зарезал король Ричард, который за эту звериную жестокость получил прозвище «Львиное Сердце», это не массовые истребления всего населения гуннов...

Но все же не знаю, оправдывает ли... нет, вряд ли, ничто не оправдывает смерть людей, однако я все равно готов брать на себя вину, потому что стремлюсь обрести как можно больше власти и силы, дабы достойно встретить Маркус...

А эта сотня все равно бы погибла в заваленных камнями пещерах, так пусть хоть погибнут с пользой...

И все-таки настроение оставалось настолько подавленным, что я поехал далеко впереди, оставив за спиной армию, взявшую курс на Скарляндию. Часть войск, правда, пришлось оставить в Варт Генце, хотя ростки мятежа выдрал с корнем, однако могут возникнуть недовольства при новом переделе земель. Глупо оставлять в руках семей мятежников хоть клочок земли, если можно отнять и, отдав другим, завоевать их преданность и тем самым обезопасить себя на долгое время, пока не облаглют новые облагодетельствованные.

Я все прибавлял скорость, арбогастр охотно переходит в галоп, Бобик остался с Меганвэйлом, а я, когда оглянулся, слышав стук копыт, обнаружил настигающих Норберта и Альбрехта на их быстроногих ришаровских конях.

Они сделали вид, что всегда меня сопровождают и везде, я отвернулся и чуточку прибавил скорости, пока не увидел на опушке леса повозку спряженной лошадкой.

Крестьянин слез с облучка и, не оглядываясь, направился к стене деревьев.

— Эй, — крикнул я, — зачем ходить так далеко в безлюдном месте?

Он вздрогнул, оглянулся, на лице проступил испуг при виде огромного рыцаря на таком же огромном коне.

— Ой, ваша милость, как вы меня напугали...

— Что вздумал искать в дремучем лесу?

Он сказал словоохотливо:

— Он не такой уж и дремучий!.. Правда, коня придется оставить, а самому по буреломам да через чащобу, но зато потом выходишь к жилищу отшельника...

Я спросил с вялым интересом:

— И чем он хорош?.. Все звезды на небе знает?

Он посмотрел на меня удивленно:

— Какие звезды в лесу? Да и зачем нам, крестьянам?.. Зато дает лесные корешки, где только и находит, от одних сразу проходит желтуха и любые нутряные болезни, другие вылечивают скот, а есть такие, что немного от рождения делают говорящим, а слепого — зрячим!

— Ого, — сказал я, — здорово. Верно, зачем какие-то звезды, а вот чтоб корова не хворала... Думаю, он умеет не только это, но кому это надо?

За спиной послышался нарастающий стук копыт, затем громкий голос Альбрехта:

— Ваше высочество, даже не вздумайте.

Я оглянулся.

— Что?

— Мой конь не продерется через чащу, — сообщил он.

— Да ну, — ответил я, — а чего он туда попрется?

— Потому что вы туда надумали! — возразил он.

— Да? — удивился я. — С чего бы?.. Хотя да, это идея, нужно чем-то себя занять, пока армия тащится. Спасибо, что подсказали. Или это не вы подсказали? А кто?.. Неужто сэр Норберт? Нет, на него не похоже. И вообще, граф, откуда знаете, что мне восхочется? Магией балуетесь?

Он сказал с отвращением:

— Ваше высочество, какая магия? Вы бываете проше червяка! Понять, какой сделаете следующий шаг, сможет даже ребенок. Ну зачем вам тот отшельник?

— Потому что я сам отшельник, — ответил я с достоинством. — Только неявный. Глубоко внутри. Но весьма последовательный, хоть и дискретный. И мне весьма интересны другие отшельники!.. В общем, граф, вы тут малость отдохните с бароном, а я туда-сюда-обратно. Все поняли?

— Нет, — сердито ответил он, — но знаю, что вам хоть кол на голове теши, а Меганвэйл далеко, чтобы связать вас и везти в телеге.

Норберт молчал, но посматривал с неодобрением. Я повернул арбогастра к стене деревьев, где исчез крестьянин, крикнул весело:

— Граф, вы не успеете соскучиться!

— В этом я не сомневаюсь, — крикнул он вдогонку.

Арбогастр ломился через лес, как бронированный носорог. Крестьянина мы догнали быстро, он оглянулся в испуге и отскочил в сторону. Я указал на едва приметную тропку.

— По этой? Или это звери протоптали?

Он испуганно кивнул.

— По этой, ваша милость. Да, это звери протоптали. Но это все равно, к нему и звери ходють...

— Спасибо, — сказал я, выказывая будущее равенство с народом, — очень хорошо...

Мелкие деревца арбогастр ломает, как сухой тростник, через завалы перепрыгивает, через глубокое болото промчался на такой скорости, что едва замочил копыта, и в конце концов наметилось впереди огромное светлое пятно, что могло означать только открытое небу место, на которое падает свет.

Однако деревья только начали расступаться, когда слева прозвучал суровый голос:

— Замри!.. И отвечай, кто ты и почему с оружием?

Я ответил осторожно:

— Я воин, потому оружие со мной всегда. Но я не собираюсь никому причинять вред...

Тот же голос произнес:

— Можешь медленно повернуться.

Я повернулся, неприятное чувство, когда видишь нацеленное прямо в лицо острие стального болта, а сам арбалет выглядит, я бы сказал, стационарным, настолько массивен и огромен, однако здоровяк, что держит его на весу, не кажется слабеньким.

— Я иду к отшельнику, — пояснил я, — но не думал, что у него есть охрана...

— Охрана? — переспросил он. — Нет, мы с другом тут сами по себе...

Я оглянулся, никого больше не увидел, спросил осторожно:

— Мне можно ехать?

Он колебался, кивнул.

— Да.

— По этой тропе?

— Да, — повторил он. — Пару сот ярдов.

— Спасибо, — ответил я вежливо.

Арбогастр очнулся от спячки и пошел снова ровно и напористо, хотя дальше никаких кустов, поляна покрыта низкой шелковой травой, словно газонной, а на той стороне в тени деревьев просторная с виду хижина.

Я покинул седло в десяти шагах, пошел медленно, присматриваясь и приглядываясь. На этот раз ощутил присутствие еще кого-то, но как ни приглядывался, никого не заметил. Даже тепловое и запаховое ничего

не сказали, хотя я чувствовал присутствие человека сильного и хорошо вооруженного.

Дверь хижины полуоткрыта, я потянул на себя, внутри светло и чисто, в углу на куче сухой и вкусно пахнущей травы лежит навзничь человек и с увлечением читает книгу, держа ее в одной руке, а вторую закинув за голову.

Сравнительно молод, хотя борода и длинные волосы, худ, из одежды только набедренная повязка, ребра проступают под кожей резко, но не чувствуется, что болен...

Он опустил книгу и воззрился на меня в великом изумлении.

— Что случилось? Вы не похожи на человека, которому нужна помощь...

Голос его звучал мягко, интеллигентно и вдумчиво.

— Помощь всем нужна, — возразил я. — Даже тем, кто об этом не догадывается. Не тревожьтесь, я просто ехал мимо, услышал о великом отшельнике, решил заглянуть. Просто из любопытства. С другой стороны... может быть, вам самому нужна помощь?.. Вообще-то я надеюсь, что не нужна, ненавижу отвлекаться от великих дел и помогать по мелочи, но почти уверен, вы сейчас скажете, что вам никакая помощь не нужна.

Он улыбнулся и ответил:

— Мне никакая помощь не нужна.

— Слава богу, — сказал я с облегчением. — А то вот такое брякнешь, а потом и думаешь: а оно мне надо?.. Вам так не приходилось?

Он ответил с той же мягкой улыбкой:

— Не приходилось. Вообще-то вы занятный собеседник, но мне надо...

— ...дочитать книгу, — договорил я. — Говорят, вы прибыли издалека?

Он усмехнулся.

— Обо мне знают, что я не местный. А что изда-
лека, это уже ваше допущение. А что еще заметили?

— Ваше происхождение, — ответил я. — Оно весь-
ма знатное.

— Ого!

— Даже весьма, — сказал я. — Чувствуется, росли
в семье, где недостатка ни в чем не было, это точно.
И образование с детства, а это непросто. А что изда-
лека... гм... будь вы из знатных семей, что поблизости,
вас бы отыскиали и силой вернули домой, дабы не по-
зорили славный рыцарский род с древними традици-
ями верности и чести.

Он смотрел с интересом, но кивнул несколько
принужденно.

— Увы, но угадали. Я в самом деле из... другого
королевства.

— Позвольте угадаю, — сказал я. — Если вы не из
Варт Генца, то не из Скарляндии точно, там все еще
эпоха племен, не до изящного образования. Вы може-
те быть как из Эбберта, Турнедо, Шателлена...

Я очень внимательно следил за его лицом, про-
износя названия королевств. При слове «Шателлен»
вроде бы не изменилось, но что-то как-то было, я
сказал тут же:

— Значит, Шателлен... Прекрасное королевство,
мудрый король Найтингейл, замечательная дочь
Франка, два прекрасных зятя...

Он посмотрел удивленно:

— Два?... У короля же одна дочь!

— А зятьев два, — ответил я. — Давайте начисто-
ту. У вас учащается биение сердца, когда я говорю о
Шателлене, короле Найтингейле, Франке... герцога
Мидля вы помните?

Он напрягся, пробормотал:

— Откуда я могу помнить?

— Он тогда еще не был герцогом, — согласился я, — а графа вы могли и не заметить. Тем более что Мидль предельно скромен... Давайте начистоту, кто вы?

Он сказал с вызовом:

— Я отшельник, который ушел от мира и живет в лесу, никому не мешая, никого не трогая!

— Ладно, — сказал я. — У меня тут появились кое-какие подозрения, так что мы возьмем вас под стражу и привезем в Шателлен. Прямо ко дворцу короля Найтингейла, которого я так чту.

Он вскрикнул:

— Зачем?

— Вдруг кому-то покажется знакомым, — ответил я хладнокровно. — Если беглый преступник, то, сами понимаете, наказание должно в принципе настигать везде, ибо ценности гуманизма и милосердия не должны ограничиваться границами королевств! Кроме того, можно предъявить жесткие претензии королевству, укрывающему беглых, что дает право на вмешательство во имя гуманизма и прогресса... Гм, хотя нет, это же к самому себе... ладно, это опустим. Или будем применять избирательно, как потом войдет в обычай под условным названием двойных стандартов.

Он смотрел больше с удивлением, чем с испугом, медленно покачал головой, не отрывая от меня взгляда.

— Уверяю вас, я не беглый преступник...

— А где это видно?

— Я мог бы дать слово...

Я саркастически хмыкнул.

— Честное слово благородного человека? Значит, признаете, что вы из благородного семейства, откуда вынуждены были бежать ввиду зверского убийства родителей, изнасилования сестры и ее собаки, не-

пристойного поведения в общественных местах и публичного поношения королевской власти?

Он воскликнул в испуге:

— Зачем мне это надо?

— Узнаем, — пообещал я, и повернувшись к выходу, крикнул зычно: — Эй, стража!

Он побледнел, протянул ко мне дрожащие руки.

— Погодите, не надо стражу! Я мирный человек, что нашел счастье в уединении. Я никого не убивал... и даже не насиловал, бр-р-р-р, как вы могли даже подумать такое?.. Спрашивайте, я отвечу на все ваши вопросы!.. Уже вижу, вы умеете читать по лицам, от вас таиться невозможно... А... где вы тут в лесу увидели стражу?

Я вперил в него нежадный взгляд, упер руки в бока и спросил резко:

— Это неважно. Кто ваш отец?

Глава II

Он открыл рот, закрыл, съежился и посмотрел на меня с ненавистью и страхом.

— Разве... это важно?

— Важно, — отрезал я. — Важнее, чем ты сам. Ну?

Он проговорил упавшим голосом так тихо, что я едва расслышал:

— Найтингейл...

Меня чуточку потрянуло, но я сумел удержать лицо неподвижным, сказал зловеще:

— Я это предположил сразу!.. Наитие у меня, понял?.. Интуиция, которую вложил Господь, а то время как разум вложил Сатана... Или наоборот, это неважно, они работают над человеком в паре. В общем, рожа твоя, принц, показалась больно знакомой!

Он проговорил потерянно:

— Вы видели короля Найтингейла?

— И Франку, — сказал я. — Вообще-то мы с тобой в какой-то мере родственники... Франка — моя полужена. Не спрашивай, что это, забодался объяснять невеждам, простых вещей не понимают! Это же так естественно!.. В общем, придется все-таки отправить тебя в Шателлен под крепкой стражей, увы.

Он вскрикнул затравленно:

— За что? Я же все сказал!

— За куда больший грех, — сказал я жестко, — чем убийства, растление малолетних и всякие такие зверские изнасилования!

Он пробормотал в ужасе:

— Господи, что может быть гнуснее?...

— Неисполнение государственного долга, — отрезал я. — Неуплата налогов, непочтение к королевскому знамени, еретизм, наложение крестного знамения правой рукой... но самый главный среди них — нежелание управлять королевством!

Он охнул, вскочил, протянул ко мне руки, сразу ставшие худыми и бледными, как у мертвеца.

— Сэр... Что с моим отцом?

Я вперил в него нещадный взор.

— Что, малость зашевелилось сыновье чувство?

Он спросил умоляюще:

— Скажите, что он жив...

— Жив, — ответил я, — даже здоров. Противников нет, все его любят и чтят. Но корону передать будет некому, а для короля нет худшей беды. Да и гражданская война может начаться за будущий трон, я как раз специалист по данному вопросу... Как я слышал давненько, старший сын Найтингейла ушел в Крестовые походы и там вроде бы погиб, младший рассорился с отцом и убежал из дому дюжину лет тому назад, а дочь

за это время выросла и вышла замуж... Так что пора взрослеть, возвращаться и... снова начинать заново проходить трудную науку управления государством.

Он сказал упрямо:

— Но если отец здоров... то зачем я?

— На случай его нездоровья, — объяснил я. — У королей должны быть не только двойники, но и дублиеры. Лучше всего — наследники.

Далеко со стороны леса послышался яростный вскрик. Я сразу насторожился, а едва услышал звон металла, выхватил меч и выскочил из хижины быстрее, чем Бобик за куском хорошо прожаренного мяса.

Возле деревьев широкий в плечах воин сражается с тремя, а еще двое заходят ему со спины. Одновременно я заметил в траве арбалет и одного со стальной стрелой, торчащей из середины шлема.

— Нападение, — вырвалось у меня, — так вот...

Сам не знал, что за так вот, но руки сдернули из-за спины лук Арианта, пальцы моментально выхватили из колчана стрелу и наложили на тетиву.

Две я выпустил одну за другой, и оба нападавших, что подкрались сзади, дернулись и одинаково выронили мечи, когда стрелы ударили в щели между шлемом и кирасой.

Арбалетчик отбивался коротким мечом, отступал, я старательно ловил в прицел его противников, наконец выстрелил, еще один дернулся, сделал шаг назад и, выронив меч, ухватился за стрелу.

Держа взглядом еще одного и стараясь не мигать, я выстрелил, а затем с мечом в руках бросился к ним, потому что враг все понял и сместился, держа между собой и мной арбалетчика.

Они фехтовали бойко, я подросел в тот момент, когда арбалетчик всадил острый клинок в живот противнику и быстро отпрыгнул, избегая его меча.

Тот захрипел и повалился вниз лицом. Арбалетчик оглянулся, посмотрел на меня дикими глазами.

— Ты кто? Тебя прислали на замену?

— Где второй? — спросил я.

Он охнул, бросился направо. Там за деревьями истоптана трава, кровь на ней и на кустах, затем попался труп с рассеченной головой, дальше еще два со смертельными ранами, потом еще и еще, я насчитал семь человек, а в самом конце рослого воина с суровым лицом, глубокие раны в груди, почти отсечено плечо, кровь течет из глубокой щели в черепе.

Он посмотрел мутными глазами, вряд ли даже узнал, я услышал хриплое дыхание, кровь течет изо рта струей, и едва разобрал слова:

— Не успел... Прости меня, Господи... Хотел бы отдать душу в твои руки, но не возьмешь такую гадость, побрезгуешь...

Я торопливо опустился перед ним на колени, он вздрогнул и уставился в небо застывшими глазами, кровь перестала сочиться из разрубленной головы.

— Нет уж, — сказал я со злостью, — у тебя не получится! Ты еще не закончил, не выполнил, не сделал... Надо жить и драться дальше. Давай, борись, цепляйся за жизнь! В этом нет ничего постыдного, жить нужно для того, чтобы драться...

Я прижимал ладони к его лбу, пачкаясь кровью, но не чувствовал отклика, затем его тело вздрогнуло и вытянулось, а из груди вырвался столб ярчайшего света и устремился в небо, продолжая наращивать интенсивность, пока не превратился в пылающий белым пламенем луч.

Арбалетчик ахнул и отпрянул. Из огня выдвинулась огромная крылатая фигура, втрое крупнее, чем распростертое тело. Мы смотрели на нее во все глаза, еще ничего не понимая, арбалетчик щурился и прикрывал глаза ладонью с растопыренными пальцами, а существо расправило крылья и одним стремительным прыжком метнулось в небеса.

Арбалетчик вскрикнул, уставился в меня дикими глазами.

— Вы... это сделали?

— Что сделал? — спросил я нервно.

— Вы сумели... отправить его на небеса!

Я пробормотал, ошалело глядя в небо:

— Я при чем?.. Он умер. Вот его душа и... Правда, я еще не зрел, чтобы душа вот так зримо... и вообще душу как-то раньше в упор не видел и не думал, что она имеет какую-то форму... да и сейчас сомневаюсь. Для меня это умозрительная фикция, семантика, красивость, но чтоб вот так визуально, весомо, зримо... это оскорбительно для самой души, если ее можно зреть, а то и потрогать...

Он вскочил на ноги, попятился от меня в страхе, а там, на расстоянии, проблеял в ужасе:

— Он был великий грешник!.. Ему место было в аду!.. Он грешил, убивал, прелюбодействовал, насиловал, грабил...

Я сказал в неуверенности:

— А вдруг это недоразумение?

— Что за недоразумение?

— Убивать, — пояснил я тяжеловесно, — можно и за правое дело, прелюбодеяние как бы не такой уж нынче грех... Даже не грех, а так, слабость нашей натуры... как бы простительная слабость, прощаемая даже некоторыми женами, воспитанными в духе демократии и политкорректности...

— Насиловал!

— Есть женщины, — напомнил я, — что обожают насилие. Может быть, он лишь подчинялся их прихотям? А такое христианское смирение уже добродетель... Редкая, кстати, в данных случаях.

Он потряс головой.

— Нет-нет, это вы все изменили! У вас есть сила... или возможность менять приговор.

— Да ни за что! — сказал я твердо.

— Или не менять, — поправил он сам себя, — а... самому выносить!

— Ни за что, — повторил я.

Он смотрел на меня с растущим испугом.

— Не знаю, кто вам ее дал... или вы сами ее взяли, но это... это страшная ответственность!

— Еще какая, — сказал я нервно. — Я всю жизнь бегу от ответственности, как собака от блох. Правда, как-то хреново получается...

— Кто вы? Вас прислали нам на замену?

Я вздохнул.

— Даже не знаю, о чем вы говорите. Вас кто-то нанял охранять этого отшельника?

Он напрягся, поджал губы, и сразу стало видно, что замкнулся на все запоры и спрашивать его бесполезно.

— Ладно, — сказал я устало, — совсем не за проблемами я ехал, но у меня так получается, что вообще-то лучше не слезать с кровати. В общем, если нужен будет напарник, сообщите куда следует, пусть шлют замену. Но не уверен, что она понадобится.

Он тоже не понял моих загадочных слов, я свистнул арбогастру и, не возвращаясь к отшельнику, чтобы вопрос оставить открытым, пустил Зайчика к выходу из леса.

На полпути встретил крестьянина, он сказал радостно:

— Ваша милость, вы такую дорогу проложили!.. Спасибо вам!

— Я такой, — ответил я с достоинством, — такое прокладываю, что сам удивляюсь своей прокладаемости...

На опушке леса Альбрехт и Норберт оживленно обсуждают что-то, указывая руками в другую сторону, но на треск кустов и молодых деревцев обернулись разом.

— А-а, — сказал Альбрехт с затаенным злорадством, — что-то вы не радостны, ваше высочество. Плохое предсказание?

— Христианин, — ответил я, — будучи глубоко просвещенным человеком, не имеет права верить в предсказания.

— Так-то не имеет, — возразил Альбрехт, — но так хочется... Особенно если человек дурной и слабый, а кто из нас не бывает слабым?

— Сэр Ричард не бывает, — сказал Норберт строго. Альбрехт подумал, кивнул.

— Вообще-то человек, умело скрывающий слабости, может считаться сильным. Так что там случилось, ваше высочество?

— А разберетесь? — ответил я. — Случилось вот что...

Они слушали внимательно, а когда я закончил, Норберт сказал голосом, полным уважения:

— А может, все было не так... Если то был ангел в теле человека?.. И когда человек погиб, ангел высвободился и вознесся?

Альбрехт буркнул:

— С чего бы ангелу оказаться в наших телах?

— Ну, — сказал Норберт с несвойственной ему неуверенностью, — его могли в наказание... или испытание... за провинность.

Альбрехт возразил:

— Он был в теле человека... и умер бы с человеком. Но сэр Ричард его освободил и позволил вознестись... значит, наш сюзерен все-таки обладает властью решать, кому на небеса, а кому в огненную яму ада!

Они смотрели на меня с таким почтением, что я сказал с досадой:

— Это у вас такие шуточки? Ничем я не обладаю! А то, что я решаю, кто заслужил ад, а кто нет... это просто мои догадки, предположения, умозаключения... которые не подкреплены никакими властными полномочиями!

Они молчали, только Норберт сказал с тем же упрямством:

— А вдруг?

Альбрехт зябко передернул плечами.

— Сэру Ричарду многое дадено, но за все будет спрошено. Боюсь, я бы отказался от такой участи...

Норберт вздохнул.

— Я тоже.

Альбрехт оглянулся на лес, от которого мы неспешно отдаляемся на медленно бредущих конях.

— Думаю, — проговорил он, — и за этого... ну, которого выпустил, спросят со всем пристрастием. Дескать, почему так решил, а не руководствовался ли низменными чувствами, а не лучше ли было передать его душу силам ада...

Я увидел устремленные на меня взоры, ответил нервно:

— Не знаю!.. Я вообще спрашивал вас насчет отшельника, что с ним делать, а вы умничать полезли!.. Конечно, умничать всем хорошо, никакой ответственности!.. А что с отшельником делать?

Они переглянулись, промолчали.

На привале я рассказал уже в шатре, где собрались военачальники, как про отшельника, так и про его таинственных охранников. Конечно же, все ухватились за то, кем могут быть эти стражи, пошел спор, я раздраженно напомнил, что это не богословский диспут, а просто хотел бы услышать их мнение насчет кем считать отшельника.

Меганвэйл покряхтел, наконец сказал неохотно:

— Ваше высочество, не делайте этого. Не возвращайте его в Шателлен. Он живет здесь счастливой жизнью, которую сам избрал для себя. Он свободен.

— И вообще не говорите королю Найтингейлу, — сказал барон Хельмут серьезно.

Я воззрился на него в изумлении:

— Почему?

Граф Арнубернуз поспешил вклиниться с ответом:

— Сейчас у вас все права наследника на корону Шателлена!..

— А если привезете младшего сына, — пискнул барон Эванс, — то...

Я отмахнулся, обратил взор к сдержанному Хельмуту, что сразу же замолчал, едва его перебили.

— Барон?

Он ответил ровным голосом:

— Все верно, тогда принца объявят наследником. Даже если король и захотел бы оставить корону вам, этого не позволит знать.

Я нахмурился.

— Но это его младший сын, я обязан обрадовать Найтингейла. Я всего лишь потеряю королевство, но спасу честь.

Они разом замолчали, довод неопровержим, честь всего дороже. Честь для рыцаря — это и есть жизнь; обе растут из одного корня. Отнимите у рыцаря честь — и жизнь кончена. Во всяком случае, в обще-

стве других рыцарей, заботящихся о безукоризненности репутации. Можно только сменить имя и пуститься в странствия...

Граф Фродвин прогудел мощно:

— Мы не вправе жить, если погибнет честь. Ваше высочество, я ни минуты не сомневался, что вы самый достойнейший и рыцарственнейший из правителей!

Когда все разошлись, сэр Альбрехт спросил хмуро:

— А что на самом деле?

Я посмотрел на него исподлобья.

— Сомневаетесь в моей рыцарской чести?

— Нет, ваше высочество, — ответил он учтиво, — но это же несерьезно... Вы ж политик!

— Мы живем в мире рыцарской чести, — напомнил я. — Слух о таком поступке разнесется по всем королевствам. Я в самом деле потеряю Шателлен, но обрету такую репутацию, что будет стоит трех таких королевств!..

Он задумался, вздохнул.

— Рискованный ход. Я бы предпочел взять королевство. Однако теперь понимаю, что и Шателлен вы не потеряете... Будь там королем Найтингейл или этот принц, они все останутся настолько дружественными, что почти войдут в ваше королевство Улагорния.

— Смекаете, граф, — сказал я поощряюще. — Они в самом деле войдут в наш дружественный союз настолько плотно, что уже не будет особенной разницы, кто там король.

Он проговорил, не сводя с меня пристального взгляда:

— Это касается не только Шателлена?

Я сказал с укоризной:

— Граф... Неужели вы могли подумать, что отпущу Мезину? Королева Ротильда нанесла болезненный удар по моей репутации.

— Самолюбию, — сказал он.

— Что?

— Самолюбию, — пояснил он, — а не репутации. Но за ваше самолюбие, ваше высочество, будем драться еще злее, ибо ваше самолюбие — это и наше самолюбие. Рыцари не терпят, чтобы в их вождя бросали камни. В общем, вы меня успокоили, ваше высочество...

Я поморщился.

— Знаете, граф, ваша похвала звучит так оскорбительно. Я так распинался о своей рыцарской чести, а она есть!.. а вы тут сразу находите подоплеку и заявляете довольнo: я так и знал, что он полное говно!

Он изумился:

— Разве я сказал именно так? Вслух?.. Да, надо не все говорить вслух, что думаешь... Спасибо, ваше высочество, я рад, что вы в здравом уме.

— Идите, граф, — сказал я хмуро. — Готовьте депортацию принца на историческую родину. Хватит ему тут развлекаться, пора и поработать.

Глава 12

Армия мощно и широким фронтом, словно грозовая туча, что застилает все небо, продвигалась в Скарляндию. Сперва вошли в те области, что скарляндцы отхватили, пользуясь разгоревшейся гражданской войной у своего извечного противника, захватили и уничтожили несколько отрядов мятежников.

Арнубернуз и Фродвин, будучи высокородными графами, командуют элитными частями рыцарской конницы, но я придал им еще по пять тысяч панцирной пехоты и по тысяче лучников, после чего наметил, куда им идти самостоятельно и какие крепости изолировать, не пытаясь взять штурмом, все равно сдадутся.

В Скарляндии, как сообщали злорадствующие разведчики, уже идет война на несколько фронтов, ибо кроме жестокой гражданской бойни добавилось вторжение армий со стороны Пекланда, Ирама и даже Бриттии.

По всей Скарляндии паника, растерянность, одни призывают сражаться до последней капли крови, другие самостоятельно послали гонцов, которые старательно уверяли меня, что местные вожди настолько чтят, что на руках пронесут к трону.

Я улыбался, кивал, говорил ласковые и ничего не значащие слова, но Меганвэйлу велел по-прежнему вести армию широким фронтом и размещать войска во всех ключевых местах.

— Так мои слова прозвучат весомее, — пояснил я. — Понимаете, герцог, почему я говорил, что мы не вторгнемся в Скарляндию?

Он подумал, предположил с хитрой улыбкой:

— Мы идем не как завоеватели, а как спасители?..

— Точно, — одобрил я. — Оказываем помощь братскому народу, несмотря на. Конечно же, войска Пекланда, Ирама и Бриттии не станут входить с нами в столкновение, а оттянут свои воинские силы взад. А мы поможем скарляндцам освободить их землю... заодно очистим ее и от мятежников.

Он широко улыбался, такой непохожий на всегда ровного и сдержанного полководца. На щеках, как я заметил, последние дни играет победный румянец, а в глазах разгорается лихорадочный блеск.

— Ваше высочество, — спросил он тихо, — а не пора ли начинать выявлять виновников вторжения в Варт Генц?.. Или планируете провести суд в Древограде, это их столица...

— Помню, — ответил я безучастно, — Древоград помню... А Скарляндия, гм... А зачем нам Скарляндия?

Он отшатнулся, посмотрел на меня выпученными глазами.

— Ваше высочество?

— Слишком много королевств, — пояснил я. — Не находите? Налицо классическая феодальная раздробленность, что весьма тормозит прогресс, а как нам без прогресса? Я вот просто не мыслю, как один пустоголовый, но влюбленный, не мыслил жизни без Вероны.

Он потряс головой.

— Простите, ваше высочество... но все-таки... мы вступаем на земли Скарляндии, а вы еще не дали указания...

— Идем на Древоград, — сказал я. — Это такой город.

— Столица!

— Уже нет, — ответил я. — Просто город.

— Ваше высочество?

Я повернулся, всмотрелся в его озабоченное лицо.

— Герцог, вы превосходный полководец. Думаю, вам самому будет проще управлять единой армией, а не десятком, где все тянут в разные стороны.

Он пробормотал настороженно:

— Разумеется, но как...

— Как вы уже слышали, — сказал я, — я еще на пути за отступающим Мунтвигом... хотя он на самом деле не отступал, но в официальных документах стоит говорить именно так, мы обязаны воспитывать молодое поколение на ярких и запоминающихся примерах... так вот, на пути за отступающим Мунтвигом я вторгся в королевство Эбберт и ликвидировал его за уход в сторону от библейских заповедей, за пренебрежение Церковью и нашими демократическими ценностями.

Он помотал головой, вид несколько ошалелый.

— Да-да, я слышал, весть об этом ужасающем деянии катится впереди вас...

— И приносит мне победы, — напомнил я. — Крепости открывают ворота и выносят ключи, в таких случаях я даже не ввожу туда войска. Но главное в том, что Эбберта больше нет... но его земли никуда не делись! Помните, я говорил на закрытом воинском совещании, что лучше Варт Генца может быть только Великая Улагорния?

Он ожил, выпрямился, посмотрел на меня, как дитя на взрослого дядю с полными руками конфет.

— То есть мы уже начали?..

— Это первый шаг, — сказал я негромко, посмотрел по сторонам и сказал почти шепотом: — Герцог, мы не будем разорять и наказывать Скарлянды! Это примитивно и по-дикарски. Думаю, Скарлянды должны исчезнуть с карт.

Он охнул, всмотрелся в меня.

— Так... скоро? Уже в этот поход?

— А зачем нам еще и Скарлянды? — спросил я. — Эти королевства мельтешат, мельтешат... Я объявляю о великом примирении. Даже о величайшем. Скарляндцы и вартгэнтцы встретятся на всеобщем собрании... не все, конечно, только верховные лорды, и там простят друг другу обиды...

Он покачал головой.

— Ваше высочество, вам много чего удавалось... но это... это немыслимо!

— Почему?

— Мы и раньше друг другу много не прощали, — сказал он свирепо, — а теперь, после этого предательского набега и захвата лучших плодородных земель с двумя городами, крепостью и сотней деревень...

— Я предложу такое, — сказал я, — что отказаться никто не сможет.

Он сказал с сомнением:

— Ну, разве что собрать всех в одном сарае, запереть и обложить его снопами с соломой. Да и то согласятся не все.

— А зачем, — спросил я в удивлении, — я тащу сюда армию? Это и есть дополнительный аргумент! Против него возражать как-то трудновато. Самых упорных просто и мирно лишим жизни. Зачем эти люди мирной и процветающей Улагории?

Он подумал, кивнул, глядя на меня с уважением.

— Простите, ваше высочество. Это в самом деле весомый довод.

— А вам что, — с интересом спросил я, — дураков жалко?

Он перекрестился.

— Говорят, Господь их зачем-то приберегает для Царства Небесного. Может быть, именно дураки когда-то спасут мир?

Я помрачнел, сказал невесело:

— Сплюньте, герцог. Но в будущем, похоже, будет и такое, что никакие мудрецы не помогут. Остается надеяться только на дурость... Но все равно беречь носителей этой сомнительной ценности не будем!

— Да, ваше высочество, — согласился он. — Дураков никто специально не разводит, откуда-то сами берутся. И чем больше живу, тем чаще встречаю.

— На наш век точно хватит, — подтвердил я. — К тому же у нас своей дурости хватит, незачем привлекать чужую... До Древограда сколько миль?

— Меньше пятидесяти, — ответил он, — но это летом да по ровному верхом всего двое суток пути...

— А сейчас?

Он ответил со вздохом:

— Неделя, ваше высочество.

На очередном привале я вызвал Альбрехта в шатер, велел стражам никого не подпускать, чтобы не подслушали, вытащил из седельной сумки лист бумаги.

— Граф, возлагаю на вас неприятное дело государственной важности.

Он произнес сдержанно:

— Ваше высочество?

— Вот список, — сказал я, — это люди, что явно окажут сопротивление... хотя бы из престижа. Дескать, дрались с захватчиками до последнего!.. Их в плен не брать, пусть красиво погибнут с мечами в руках. В первую очередь Коготь, сын погибшего Арданта, вождя керенгариев, теперь он вождь своего племени. Люди отважные, но слишком тупые, чтобы приняли перемены.

Он кивнул.

— Понимаю. В будущем от них будут проблемы.

— Именно, — сказал я, — потому лучше решить их сейчас, когда это легко и незаметно, война все спишет.

Он сказал сдержанно:

— Это будет нетрудно.

— Гарасдир, — продолжил я и ощутил, что говорю вполне спокойно, — это совсем старик, но опаснее молодых буянов... Конечно же, ярый сторонник старых обычаев и законов. Еще вождь племени ятваргов, Гардард, этот будет сражаться в первых рядах, отличный воин, узнать легко по жутким шрамам на морде... Обязательно должен пасть вождь ляндерей Калейдер, очень опасен и, если пощадить, никогда не прекратит борьбу... Вообще желательно, чтобы вожди все или как можно больше из них красиво погибли в бою. Тогда остальные легче примут, что Скарляндия упразднена как королевство...

Он быстро просмотрел список.

— Ваше высочество... великие идеи безжалостны.

— То-то и оно, — пробормотал я. — Милосердие пробивает дорогу к престолу, усеивая ее трупами.

— Крепитесь, — сказал он сумрачно. — Вам тяжелее принимать такие решения, чем мне. Вы еще молоды, романтичны, верите в постоянство добра... Добро есть, но, увы, непостоянно.

Армия Меганвэйла фактически без сопротивления прошла всю Скарляндию, уничтожая мелкие отряды наиболее упорных или просто тупых, пятерых сдавшихся вождей взяли под стражу и с почетом отправили в главный лагерь Меганвэйла, однако те по дороге попытались сбежать и были убиты.

Конечно, есть логическая несостыковка, что сперва добровольно сдались, а потом пытались бежать, хотя им были оказаны все подобающие почести, но время военное, возможно все, в Скарляндах происходят дела и помасштабнее, так что умиротворение идет по плану и без эксцессов.

Некоторые вожди, гордые своей воинской славой, собирали все свое племя и отважно бросали на стальную стену наступающей армии, однако я применил новую тактику: справа и слева конные части быстро заходили вперед, смыкали кольцо, и мятежники гибли все до единого, пораженные не столько копьями и мечами, сколько стрелами из мощных композитных луков.

После только, как исчезло несколько племен, оставив только женщин и детей в стойбищах, сопротивление фактически прекратилось по всему королевству, а Древоград распахнул ворота и вынес ключи от города.

К великому сожалению, отважный Квентин Ханкбек, вождь крупного племени ингельмов, погиб в бою, а его люди были почти полностью истреблены.

Шварцкопф, яростно отбиваясь, отступил в Мордант. Я не стал требовать его выдачи, это сейчас неважно.

Из всех племен вытащили стариков, хранителей закона, это теперь как бы они принимают решения. Я велел свезти их на берег реки Брегетты, где оставил на несколько часов под охраной копейщиков, а сам торопливо собирал тех, кто мог бы представить и говорить от имени Варт Генца.

Ни один зал не смог бы вместить всех этих народных представителей или представителей народа, неважно. Несмотря на возраст, что не позволил им взять в руки оружие и сесть в седло боевого коня, все держатся гордо и надменно, лица все так же исполнены внутренней силы, спины прямые, взгляды надменные, все понимают, что сейчас у них ведущие роли и за свои племена отвечают именно они.

Правда, половина таких же уверенных в своем праве говорить от имени народа уже погибли в гражданской войне, половина оставшихся полегла под мечами и копьями нашей армии.

Красиво и гордо погибли и эти, несмотря на возраст, как и следующие, если тиран и деспот не объединит всех под своей проклинаемой властью. Без него еще долго будет литься кровь, пока в обезлюдевшей стране некому будет поднять меч, или же, что гораздо вероятнее, алчные соседи торопливо введут войска, торопясь хотя бы урвать и присоединить к себе пограничные земли, а еще лучше — захватить и присоединить королевство целиком, где народ оказался настолько глуп, что в драке не может остановиться.

Они толпились, угрюмые и настороженные, а я выехал на арбогастре вперед и велел Бобику держаться для внушительности рядом.

Мои лорды в сторонке, наблюдают, а я вскинул руку к небу и прокричал торжественно:

— Как вы все помните, я сказал ясно и твердо, что не посягаю на корону Варт Генца, помните?.. Не посягаю и на то, чтобы стать королем Скарляндии. Нет-нет и нет!.. Я человек слова. И сейчас прибыл, как вы все понимаете, только для того, чтобы восстановить мир и спокойствие в этих землях, разделенных на Скарляндию и Варт Генц.

Они слушают внимательно, уже вижу, что многие перевели дыхание, почти все верили в мое стремление к трону Скарляндии, а я вот снова подтвердил, что ни в коем случае...

Я сказал еще громче:

— Для того чтобы почтить самый свободный и гордый народ на свете, я сообщаю вам первым то, что завтра узнает весь мир!.. Мы поднимаем из пепла веков легендарное королевство Улагорния, слава которого затмевала славу любых империй, как древних, так и существующих тогда!.. Вот здесь, на этом самом месте будет заложен величайший город на свете, который станет столицей этого величайшего королевства!

Меганвэйл крикнул:

— Слава великой Улагорнии!

Несколько голосов прокричали вразнобой славу, но остальные вожди пока еще смотрят ошарашенно. Я властным жестом остановил крики и заговорил громко и возвышенно:

— Вы заслужили право узнать первыми своей неутомимой и постоянной борьбой за честь и свободу, за достоинство мужчин, за наши высшие ценности, что неподвластны времени и потому пройдут через все эпохи!..

Барон Хельмут крикнул мощно:

— Слава Улагорнии!

Несколько голосов прокричали славу уже громче и увереннее, я возвысил голос еще больше:

— Отныне и веки!.. Вперед и дальше!.. Мы — самые!.. И пусть другие королевства ужасаются нашей мощи, нам пора давно показать свои мускулы, зубы и наш оскал проклятому миру!.. Да, еще новость, которую вы точно отпразднуете... Королевство Варт Генц отныне упраздняется за ненадобностью, ибо опозорило себя ненужной кровопролитной войной, когда трон по их же законам принадлежал мне!.. Пусть оставалось всего две недели, но это — бесчестье начинать мелкую свару за трон, в которой гибли крупные люди, большие города и сотни деревень!.. Слава Улагорнии!

На этот раз от мощного ликующего крика содрогнулись даже окружающие леса и горы, а звери в норах в ужасе забились еще глубже. То, что Варт Генц исчезает с карт — самая сладкая новость, да за таким лордом в огонь и в воду...

Лишь один из вождей, сэр Гельбарт, уже настолько старый, что тяжело и медленно двигается, но огромный и все еще внушающий не только уважение, но и почтительный страх, сейчас в трех одеждах и широком плаще, похожем на домашний теплый халат, вышел вперед и протянул в мою сторону высохшую длань.

— Ваше высочество, — прогремел он, как далекий гром, — закон правит даже императорами!..

Глава 13

Я ответил со всей почтительностью:

— Господь передал нам Закон из десяти статей, и они непреложны, хотя толкования можно и оспаривать. Все остальные созданы людьми. Значит, люди могут их менять по мере надобности.

Он возразил:

— Люди могут только создавать новые законы, но не отменять старые!

— А разве не видно, — провозгласил я мощно, — что нет на свете большего ревнителя старых традиций, ценностей и обычаев, чем я? Разве не я возрождаю Великую Улагорнию, мечту всего нашего разобщенного общества, потерявшего ориентиры и вечные ценности нашего богоизбранного и богоносного народа? Мы вернемся к вечным сокровищам высокой духовности, что завещали нам предки, возродим славу предков, и они будут гордиться нами, вкушая... там на небесах! И поднимая за нас заздравные чаши из черепов противника!

Он замолчал обалдело, а на меня начали смотреть уважительно, а кое-кто из числа тех, кто пришел с этим старым пнем и смотрел сперва враждебно, даже с восторгом.

Норберт оказался рядом, шепнул:

— Что с ним?

— Убрать, — ответил я вежливо. — Но подать это как акт милосердия, ибо он очень стар, его нужно... поддерживать.

Стражи налетели, как муравьи-крематогастеры на толстую жирную муху, ухватили законника и мигом выволокли за пределы круга.

Альбрехт быстро подъехал, спросил тихо:

— Как с ним?

— В его отдаленное имение, — ответил я еще тише. — Этот старый пень и так скоро рассыплется.

Он исчез, я улыбнулся насторожившимся вождям племен и кивнул в сторону реки.

— Здесь сливаются две самые большие реки региона! Место так и просится, чтобы на этом месте появился большой город!.. Правда, леса непролазные,

а еще болотистые места... но, как говорят старики, раньше здесь все было сплошным болотом, так что земля подсыхает. А если еще вырубить лес...

Один из вождей спросил с непониманием:

— Зачем? Только чтобы осушить болота?

— И чтобы осушить, — сказал я весело, — и чтобы построить большой город!.. Леса понадобится много. Еще и не хватит!.. Да-да, ни Скарляндам, ни Варт Генцу было не по силам здесь расчистить место и выстроить большой и прекрасный город, но это по силам Улагорнии!.. Смотрите, берега просто криком кричат, что здесь должны быть пристани, причалы, склады с товарами!.. Здесь вырастет самый крупный и самый богатый город нового королевства. А мы, как центральная власть, лишь поможем деловым людям в самом начале.

Он кивнул, но смотрел на меня пристально и недоверчиво.

— Конечно, — сказал он старческим, но сильным голосом, — дальше само пойдет. Набегут, передерутся за лакомые куски. Брегетта течет из Мезины и Бурнандов по Варт Генцу и Скарляндии, затем в Ирам, Пекланд, Сакрант, Эстию, Аганд... а там не то в северное море, не то куда-то еще девается, никто не знает, там водятся драконы!

— А Иллара, — спросил я, — что впадает в Брегетту?

— Это, — ответил он со знанием дела, — из Гиксии, Анду, Великой Принги....

Остальные вожди тоже явно заинтересовались, если столица Улагорнии будет здесь, то как бы Скарляндия все же получит больше, чем проклятый Варт Генц.

Еще один из стариков проговорил, запинаясь:

— Там дальше... в нее впадает полноводная река Касанга, она течет через Лидуиц, Велецию, Ясти Депр...

— Отлично, — сказал я бодро и потер ладони. — Реки свяжут нас с миром даже больше, чем я надеялся. Так что сами понимаете, городу быть! На первых порах гарантирована мощная государственная поддержка.

Он поинтересовался осторожно:

— Говорите, совершенно бескорыстная?

— Разумеется! — воскликнул я. — Конечно, потом я свое возьму налогами и пошлинами, но это будет не скоро и постепенно. Кроме того, налогом будут облагаться в основном товары других королевств, как вы догадываетесь, вы же люди понимающие...

Он воскликнул с заблестевшими глазами:

— А вот это прекрасно!

— Поддержка отечественного производителя, — пояснил я. — Некоторый скрытый протекционизм на первых порах, чтобы дать встать на ноги и взматереть местным предпринимателям.

Они все слушали внимательно, кое-кто уже кивал, соглашаясь, что да, король должен поддерживать своих торговцев и мешать жить чужим.

Я сказал властно:

— А чтоб никому не было обидно, столицу назовем как-нибудь нейтрально, чтобы ни скарляндское, ни вартгенское...

Альбрехт, с которым этот пустячок уже согласовали, прокричал громко:

— Ричардвиль!

После секундного замешательства другой голос заорал еще громче:

— Ричардбург!

Его поддержали выкрики:

- Ричардберг!
- Ричардфорт!
- Форт Ричарда?
- Ричардстоун!
- Ричардшир!

Я выслушивал с улыбкой радостного удивления, как же, ну разве я мог подумать, что предложат назвать моим именем, я же настолько скромный, что даже подумать не мог, а выкрикивающих названия городу готовил просто так, ради веселого оживления на таких скучных дебатах...

Когда названия пошли уже совсем дикие, я вскинул руки, и когда шум начал стихать, прокричал:

— Я ничего не решаю, здесь правит только ваша воля! И, думаю, комиссия выберет из всех предложенных вами вариантов самый подходящий для такого великого города... и завтра утром все узнаем это имя!

Когда я повернул коня, считая, что сказал достаточно, Альбрехт спросил деловито:

— А на каком имени комиссия остановится?

Я отмахнулся.

— Ричардвиль, думаю, подойдет. Скромно и со вкусом, все в моем стиле.

Он поклонился.

— Будет сделано, ваше высочество.

Для подготовки и участия в торжествах коронации отряды скарляндских вожakov прибывали даже чаще, чем вартгенцы. Меганвэйл объяснил, что в Варт Генце лорд с десятью тысячами людей считается средним хозяином, а в Скарляндии, где все еще племена не стали народом, любой вождь племени в сто человек считается равным тем, у кого под рукой хоть сто тысяч.

— Не расстраивайтесь, — сказал я, — не расстраивайтесь, герцог...

— Да я не расстраиваюсь, — ответил он мрачно, — обидно просто. Неравные условия.

— Великий Совет, — сказал я наставительно, — как и вообще все великие собрания, собирается вовсе не для того, чтобы выработать какую-то общую точку зрения или прийти к некому решению.

— Ваше высочество?

Я объяснил:

— Это было бы абсурдом! Мы, к счастью, не какие-нибудь демократы, а вполне ответственные люди. Все решаем заранее, а на съездах лишь утверждаем и легализуем для всенародного пользования. И, конечно, объявляем это законом.

Он вздохнул, взглянул на меня исподлобья.

— Начинаю привыкать, ваше высочество.

— Наступает новый мир, — заверил я. — Благополучный, мирный, сытый!.. Хотя, конечно, придется пролить еще не одно море крови... пожалуй, даже пару океанов, а потом все устаканится.

Он посмотрел почти с испугом.

— Значит, Царство Небесное к концу лета выстроить не успеем?

Я подумал, покачал головой.

— Увы...

— А к следующему?

— Думаю, — ответил я сокрушенно, — даже к концу следующего не сумеем выстроить все до конца. Потом еще нужна, как вы знаете, внутренняя и внешняя отделка, а на это уходит времени и сил почти столько, сколько на само здание вчерне.

Он криво усмехнулся.

— Что ж, тогда постараемся построить Улагорнию раньше, чем Царство Небесное! И успеть пожить в

новом королевстве. Вдруг так понравится, что и уходить ни в какие райские кущи не восхочется?

Непобедимая и Победоносная, Познавшая Радость Побед, продолжает прибывать отдельными отрядами, но больше по родам войск, занимает отведенные ей места.

Как-то получилось, что из приехавших делегатов, будь это из Скарляндии или Варт Генца, ни один не сумеет выехать свободно, если вдруг накуролесит и чего-то там натворит.

Разумеется, я стянул войска не для того, чтобы пугать, народ с той и другой стороны предельно гордый, независимый, скорее умрет, чем покорится, просто хочу, чтобы делегаты все время видели выучку, вооружение и вообще готовность моей армии смести все преграды.

Меганвэйл пробормотал:

— Они наконец-то уяснили, что отбыл из этих земель один человек... а вернулся уже другой. Этот другой — победитель Мунтвига и полководец, завоевавший ряд королевств.

— Не завоевавший, — возразил я. — Всего лишь прошел через их земли. Спросив согласие!

— Которое ничего не меняло, — напомнил он. — Неважно, все уже понимают, с вами разговаривать нужно иначе. И, самое главное, вы тоже будете разговаривать иначе.

— Это верно, — ответил я со вздохом. — Буду говорить так, как от меня ждут и требуют. Политики зависят от мнения народа и полностью подчиняются их власти. Можно будет сказать, меня вынудили объединить эти две части земли, а также принять корону!.. Я, конечно, скромно и упорно отказывался, но был вынужден уступить ясно выраженной воле народа.

Он посмотрел на меня со странным выражением.

— Никогда не мог понять, ваше высочество, когда именно вы шутите.

— Думаете, — спросил я, — сам понимаю?.. Жизнь такая, шутит над нами и с нами. В самом деле не знаешь: рыдать или смеяться?.. Потому и.

— Думаю, — произнес он негромко, — вы сумели переломить не только их воинскую силу, но и некоторые убеждения, что, конечно же, намного труднее. Что теперь?

— Начинаем строить город, — велел я. — А сами ждем уцелевших из Варт Генца. Для коронации... или коронования? Никак не пойму между ними разницы, а она есть, чувствую... так вот, для этого действия, как его ни назови, нужно хоть с десятков человек из Варт Генца...

— А если не придут?

— Да и хрен с ними, — ответил я. — Герцог, мы правы, у нас власть!.. Что нужно еще?.. Конечно же, строить новый прекрасный мир. Эти десятков человек будут присутствовать на коронации, если придут, а если нет, то вас и ряда военачальников из Варт Генца вполне достаточно для легализации всего, что проведем недрогнувшей рукой в железной перчатке...

— Где будет коронация?

Я посмотрел на него свысока.

— Здесь.

Он вскинул брови и всмотрелся внимательнее.

— Ваше высочество?

— Прямо здесь, — повторил я. — На берегах Брегетты. Я велел нашим инженерам измерить центральную часть города, будем строить по плану... Потом объясню, что это за штука. Там же отдельно расчертят землю под собор, отметят колышками, где будет клир, где аналой... В общем, коронация будет, что надо!.. Запомнится красочной символикой, гер-

цог!.. В готовом соборе и дурак коронуется. А в существующем только в наших мечтах и задумках...

Он пробормотал озадаченно:

— Это будет похоже как бы на Царство Небесное на земле, которого еще нет...

— ...но которое будет, — воскликнул я. — Герцог, вы все прекрасно понимаете! Спасибо за поддержку.

Он поклонился, все еще ошарашенный.

— Думаю, такую коронацию все запомнят. И наверняка она войдет во все летописи. И даже баллады будут.

Глава 14

В лесах уже начали рубить лес, в каменоломнях пленные из армий Мунтвига ломают камень, а здесь инженеры пока что размечают на земле места для главных зданий города.

Я сказал, что сам отберу самые интересные проекты на конкурсе, а пока что буду заниматься подготовкой к коронации, хотя на самом деле меньше всего на свете думал о ней.

Конечно, у некоронованного вождя власти может быть и больше, но только коронованный считается легитимным, законным, а противодействие ему объявляется преступным, а это другой уровень, когда за спиной короля не только копья, но и авторитет Церкви и всего общества.

За моей спиной кто-то кашлянул весьма деликатно. Я обернулся, епископ Керубий, не слезая с покрытого длинной попоной мула, поклонился в сдержанном приветствии.

— Ваше преосвященство, — сказал я.

— Сын мой, это здесь будет собор?

— Да, — сказал я. — Правда, красивый?

Он коротко усмехнулся.

— Во всяком случае... обширный. У вас размах, ваше высочество.

— Люблю красивые здания, — сказал я. — Постараюсь, чтобы построили просто прекрасное.

— Спасибо, — проговорил он. — Собор, как я вижу, окажется в самом центре города. Это очень важно, чтобы люди, где бы ни находились, видели дорогу к храму. И не сбивались.

— С пути очень легко сбиться, — сказал я, — если это не дорога к Богу. К Богу, а не к храму.

Он усмехнулся.

— Простой народ верит, Бог живет в храме.

— Язычники, — ответил я осуждающе. — Все еще язычники... А Церковь, вместо того чтобы рассеивать их заблуждения, всячески поддерживает, ибо выгодно.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Ох, брат паладин.

— Что?

— Не воюйте.

— А какой я тогда паладин? — возразил я. — Паладин всегда должен стоять за истину. И неважно, на чьей она стороне.

Он вздохнул, покачал головой. Лицо слегка опечалилось.

— Воюйте против нечисти, нежити, тварей ада... Мир нужно улучшать постепенно.

— Мир нужно улучшать везде, — возразил я, — где удастся. Я же не замахиwaюсь на что-то сверх! Но сказать, что Бог вездесущ и что для общения с ним обязательно заходить в...

Он приложил палец к губам.

— Тихо! Не смейте произносить такое вслух. Я же говорю, человека нужно тянуть в Царство Небесное

медленно. Очень медленно! Он и так время от времени рвет веревку и с наслаждением плюхается в грязь... Пусть Господь будет всегда с вами, ваше высочество.
— Аминь, — ответил я.

Коронация, или коронование, началась с того, что двое епископов подняли меня с постели, ухватив под мышки. Я поморщился, но смолчал, символика этой процедуры в том, что король не умирает никогда, а как бы переходит из тела в тело нового преемника короля, это как если бы лежащая фигура с надгробия короля вот так встала и перешла в другое брненное тело.

Под своды символического кафедрального собора, который будет построен на этом месте, мы вошли под пение псалмов Первого молитвенного часа, а когда переступили порог, которого пока нет, но есть для него черта на земле, запели псалом *Veni creator Spiritus*.

Под величавое пение молитвы вошел на то место, где будут хоры, после молитвы пошли псалмы Третьего молитвенного часа.

Показалась процессия монахов во главе с настоятелем, он несет ковчезек, прикованный цепью к шее настоятеля, а четыре монаха в альбах несут роскошный балдахин над головой настоятеля, хотя, конечно, это не ради настоятеля, а ради той святыни, что держит в руках.

Я отстраненно подумал, что в наше доброе время, когда жизнь мало что стоит, приковывай ковчезек к шее настоятеля или нет, неважно, голову легко срубить и ковчезек спереть.

У символических врат собора они остановились и долго торжественно клялись, что вернут ковчег взад сразу же после окончания обряда коронования.

Я молча ждал, когда все закончат и пройдут к алтарю. Все почтительно кланяются им, даже герцоги и принцы, идут все-таки не люди, а олицетворение величия Господа.

Насколько помню, при коронации король дает клятву, обычно торжественную, напыщенную и весьма расплывчатую, как все речи политиков, то есть обещает хранить и защищать Церковь, а потом клянется поддерживать мир и справедливость, надзирать за правосудием, карать преступников, поддерживать рыцарские ордена.

Епископ Керубий, сейчас он архиепископ, как самый старший среди епископов, оглядел всех строго и спросил, возвысив голос:

— Перед вами принц Ричард!.. Спрашиваю в последний раз, одобряете ли вы его коронование?

Я подумал хмуро, что это остатки прежнего обычая традиции выборности короля, надо будет незаметно убрать. Хватит, навывирали.

Среди собравшихся раздался гул, я всматривался в лица, все получилось, я провел операцию блестяще. Все верят, что объединение таким вот образом даст новому-старому королевству мощь, силу и безопасность, а также процветание.

Самое смешное, что я, обманывая всех и вся, в самом деле стремлюсь к этой цели и добьюсь, что королевство будет могучим, безопасным для его жителей, со справедливой властью и процветающим на зависть соседям.

Похоже, епископы Варт Генца и Скарляндии то ли ладят отлично, то ли понимают, что спорь не спорь, а коронацию проведу с ними или без них, потому сейчас епископ Изидерий несет Святую утварь со священным елеем, епископ Купедий держит на расшитой золотом подушечке королевское кольцо,

епископ Боницериус бережно держит в растопыренных руках королевскую мантию, а епископ Выверий несет королевскую перевязь.

За ними, согласно протоколу, что не нарушался сотни лет, идут настоятели монастырей, хранители регалий королевской власти. На церемонии, если ничего не перепутал, в обязательном порядке участвуют высшие лорды королевства, обычно это принцы и герцоги, так что герцог Меганвэйл поднес королевскую корону и передал ее старшему из епископов, это оказался Керубий, а сам опоясал меня мечом.

Престарелый герцог Шторх, что для этого прибыл из Варт Генца, поднес королевское геральдическое знамя, герцог Урсус поднес второе геральдическое знамя, я пока не понял, зачем мне два, граф Арнубернуз поднес шпоры, граф Альбрехт принес и держит в ожидании церемониальный меч древних королей, а граф Фродвин поднес боевой штандарт.

Королевскими рыцарскими доспехами владеет Церковь, обычно их доставляют именно на коронацию. Когда я произнес клятву, главный казначей королевства, им я временно назначил Фридриха Геббеля, бывшего сенешаля и лорда малой печати в бывшем правительстве Фальстронга, вручил мне особые королевские башмаки, а сам архиепископ вручил меч, что все это время держал граф Альбрехт как временный вице-канцлер нового королевства.

Когда мне вручили королевские доспехи, я снял верхнюю одежду, это выказывает мою готовность сменить положение с принцевого на королевское.

Мои военачальники распустили серебряную шнуровку на моей шелковой блузе, освобождая от одежды грудь, плечи и руки до локтей, а я с тоской прислушивался к пению литаний, прикидывая, сколько все это еще будет длиться.

Архиепископ Керубий, весь в золотом облачении, что не только цвета золота, но и в самом деле прошито золотыми нитями так густо, что других и не видно, в золотой митре с двумя крестами по обе стороны, ждет нас со строгим лицом и вопрошающими глазами.

Я подошел ближе и преклонил колено. Керубий взглянул на меня, затем на собравшихся, что затихли и стараются не пропустить ни слова.

— Мы здесь затем, — проговорил он отдельно, — дабы от имени Господа возложить на принца Ричарда корону государя. Я счастлив, что это выпало мне, ибо возлагается не просто королевская корона, а корона правителя легендарной Улагорнии!..

Помощник передал ему корону, епископ степенно приблизился ко мне, начал поднимать руки с короной, но я властно взял из его рук, преодолевая сопротивление, сам надел себе на голову и тут же вскочил на ноги.

— Благодарю, — сказал я громко, — благодарю за доверие!.. Постараюсь оправдать. Да что там постараться, оправдаю. Это будет прекрасное мирное королевство, предмет восторга соседей и зависти. Еще раз спасибо!

Я зыркнул в сторону Меганвэйла, он должен выйти из ряда лордов и сказать громко, что теперь, как водится среди очень занятых людей, пир и празднества по случаю коронавания, однако он посмотрел на меня с укором и погрозил пальцем, как взрослый мальчишке.

Я стиснул челюсти, это еще не все, пришлось преклонить колени перед архиепископом Керубием, он большим пальцем руки смазывал меня елеем в семи точках: от макушки головы и точки на груди, равноудаленной от плеч, а дальше плечи, локти, а когда я наконец поднялся, смазал еще и ладони рук.

Вот только теперь я стал королем «милостью Божьей», что значит, избранным самим Богом на земле, в чем вообще-то я и раньше не сомневался, а как же иначе?

Пока длилась молитва, я хмуро рассматривал новые знаки власти, уже королевской. Туника красновато-желтого оттенка, украшена геральдическими знаками, по слухам, такую же точно носил Петр, первый епископ, поставленный самим Христом главой Церкви.

Далматика, что, на мой взгляд, всего лишь богато украшенная риза священника. Королевское кольцо, что символизирует брачный союз короля и Церкви, а также короля и народа. Потому так важно, чтобы вассалы целовали это кольцо, подкрепляя этот союз.

Скипетр, символ власти, а также жезл правосудия, ну да, когда-то короли заседали в судах лично, помню, проходили, Соломон даже удостоился прозвища Мудрого именно за разбор судебных тяжб.

Золотая корона, обод с четырьмя опорами, шпоры, что символизируют военные обязанности, еще меч, даже и не знаю, что символизирует, а спросить как-то неловко.

После того меня возвели на высокий помост, где трон с прямой спинкой, трон возвышается над амвоном.

Высшие лорды начали приносить оммаж королю, затем фанфары, овации, веселые вопли, в конце концов «открыли ворота храма», то есть разрешили войти всем желающим, началась веселая суматоха.

По традиции я должен бы разбрасывать монеты, но как-то глупо, взамен я велел объявить, что каждый в армии получит полуторное жалованье за этот месяц.

Сама церемония продлилась около пяти часов, потом пир, на котором я, символизируя Христа, должен пить вино и есть церковную пищу в окружении

двенадцати высших лордов, по числу учеников Христа. Женщины, понятно, на такой пир не допускаются, ведь среди учеников Христа этих сосудов греха не было, а жаль.

После коронации и помазания я уже не такой простой человек, как рыбак или принц, а нечто священное и сакральное, а посягательство на мою жизнь уже приобретает особое значение, как нападение, скажем, на церковь, это самое тяжкое из всех существующих преступлений.

Король может исцелять болезни, хотя это я и так умею, но, надеюсь, эта способность усилится.

Пир с двенадцатью лордами я постарался провести ускоренно, чтобы не слишком придирались, что на нем нет лордов из Скарляндии, но я постарался повернуть дело так, что нет ни одного также из Варт Генца: Альбрехт и Норберт — из Армландии, а Меганвэйл, Фродвин, Арнубернуз, Буркхарт, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям и Николас Бэрбоун — это моя армия, командиры и полководцы, а вовсе не свои вольные лорды, у которых собственные армии.

Как только осушили первые чаши за нового короля, Меганвэйл произнес медленно и торжественно, даже глаза закрыл, словно смакует изысканное вино:

— Ваше величество... Господи, как же приятно наконец-то сказать это!.. Ваше величество... В вашем случае впервые не звучит это грустно-торжественное: «Король умер, да здравствует король!»

Граф Арнубернуз коротко хохотнул:

— А в самом деле!

— Сэр Ричард, — сказал граф Фродвин значительно, — первый и единственный король Улагорнии!

Альбрехт посмотрел по сторонам.

— Первый?

— Первый король нового, — уточнил суховато Норберт, — укрупненного королевства. Думаю, прежнее было все же помельче.

— Значит, — сказал Альбрехт с удовольствием, — основатель королевства новой Улагорнии! Можно, Новой Улагорнии, но, думаю, все же лучше Великой Улагорнии.

— Основателю положен памятник, — сказал барон Хельмут веско. — Особенно великой. На пьедестале, восседающим на его верном коне, с обнаженным мечом в воинственно воздетой длани...

— Может, — спросил Меганвэйл, — лучше с крестом? Он же мирно будет править...

Арнубернуз изумился:

— Кто?

Все начали переглядываться, на лицах военачальников рангом пониже появились скептические усмешки.

Меганвэйл пробормотал досадливо:

— Да что это мы в самом деле... Это же речи были для собравшихся.

Я сказал сердито:

— Да, для собравшихся! И для вас. И для меня. У нас в самом деле будет мирное королевство. Которое никогда на ни кого не нападет. Разве это не пример для просвещенных правителей?

Арнубернуз спросил в недоумении:

— Никогда ни на кого?.. А если на нас кто...

— Тогда сдачи, — отрезал я. — И мало не покажется никому. Мы мирные люди, но Победоносную и Познавшую Радость Побед разве распускаем? Увы, к нашему всеобщему несчастью, всегда находятся безголовые агрессоры, что спят и видят... Потому армию будем крепить, чтобы давать сдачи, даже заранее!.. Война должна быть до победного конца и на

чужой территории! Добьет вражеского зверя в его же вонючей норе!

Они переглянулись, лица светлеют на глазах так, словно солнце вышло из-за тучи, и его лучи сейчас не просто осветили, но зажгли в каждом пылающий факел.

— Это мудро, — изрек барон Хельмут с глубочайшим уважением. — Да, это нужно в анналы...

— Именно, — подтвердил Фродвин. — Его величество король... его величество король... как же мне нравится это произносить!.. велел своевременно давать сдачи озверевшему противнику. Даже заранее, когда те предатели мирных интересов только начинают помышлять о нападении... Ибо Господь сказал, не грехи даже в мыслях!

Арнубернуз расправил плечи и сказал трубно:

— У нашего нового королевства старые традиции и великие победы впереди!

— На мирном фронте, — сказал я твердо. — На мирном!

— Конечно, на мирном, — подтвердил Арнубернуз. — А как иначе?.. А на защите мирных интересов еще и всякие там воинские подвиги... Редкие, но зато частые. Сэр Фродвин, пойдемте поразмыслим над картой, кто может попытаться напасть на наши мирные земли?

— Я с вами, — сказал хищно Хельмут и объяснил торопливо: — Хочу посмотреть на новые земли с орлиного полета. Разве мы теперь не орлы? У нас будут какие-то земельные притязания к Бриттии, Гиксии, Ираму или Пекланду?

Я ответил гневно:

— Нет! Конечно же, нет!.. С какой стати?

Посмеиваясь, они пошли в чей-то шатер смотреть карту, но переглядывались так многозначительно, что

я, наверное, зря сказал в конце насчет про с какой стати.

При желании эти слова истолковать можно по-всякому.

Даже — правильно.

Я поднялся, Меганвэйл сразу спросил с понимающей улыбкой:

— Что, пир немножко ненастоящий?

— Да, — ответил я с досадой, — мы привыкли пировать с друзьями в огромных залах, а тут вроде ворует что-то. Мало ли что у Христа было только двенадцать человек! Значит, больше набрать не мог. А мы можем и двенадцать тысяч... Пойдемте?

Младшие военачальники остались допивать вино, Альбрехт и Норберт вышли с нами. Меганвэйл взглядом указал на свой шатер. Я кивнул, а когда все четверо вошли, там на широком столе уже расстелена большая карта, где рукой Меганвэйла очертания Варт Генца, Скарляндии и Эбберта уже обведены одной жирной линией.

— Оперативно, — похвалил я. — Герцог, вы из полководца постепенно перерастаете в государственного деятеля.

Он мотнул головой.

— Ни за что! Но раз уж в моих руках армия, я должен видеть, где расположить отряды.

Альбрехт и Норберт внимательно рассматривали карту, Альбрехт покачал головой.

— Вообще-то положение нового королевства просто удивительное. Думаю, наш лорд давно все и тщательно обдумал.

— А что, — спросил я с обидой, — неужели я похож на импровизатора?.. Какой же я тогда король?.. Вообще-то мне тоже нравится то, что получилось. А чем вам?

— С севера у нас Пекланд, Ирам, Бриттия, — сказал вместо задумавшегося Альбрехта Норберт, — с востока Гиксия... а с юга... ну-ка посмотрим... Ах да, Шателлен, Турнедо и Бурнанды... Мне кажется, идеально!

Я покачал головой.

— Во всем правы, дорогой Норберт. Только не знаю, что за Бурнанды. Разве что наш храбрый и генеральный полководец...

Меганвэйл вскинул брови, но задумался.

— В самом деле, — проговорил он озадаченно, — что-то с ними не то...

— Что вас тревожит? — спросил я.

— Даже не знаю, — признался он. — Но от них, насколько помню, даже посольства в Варт Генц никогда не было!

Я порылся в памяти, последние посольства я принимал в Сакранте, но там тем более никто не упоминал о Бурнандах или Бурнандии, как ее называют в разговорах. Помню только, что вроде бы Мезина торгует зерном с Бурнандами, а еще слух, что армия Карла задела и Бурнандию, испепелила все, где прошла...

— С Бурнандами связь наладим, — пообещал я. — Половина границы Варт Генца приходится на бурнандскую, так что мы должны присматривать за этим соседом! А также знать о нем побольше, стараться привязать его к себе то ли династическими узами, то ли торговыми...

Альбрехт спросил с нетерпением:

— Когда разослать оповещения соседним государям?

— Не пугайте их так уж сразу, — посоветовал я. — Пусть узнают от своих шпионов. Королевство, что вобрало в себя земли Эбберта, Скарляндии и Варт Генца, встревожит всех... Нам это нужно учитывать и постоянно заверять в миролюбии.

Он посоветовал:

— А еще больше, что нам не до войн. В это поверят скорее. Дескать, гражданские войны настолько опустошили оба королевства, что придется несколько лет только зализывать раны! Да еще заново отстраивать Эбберт, он же теперь тоже наш?

— Наш, — подтвердил я. — Там придется держать армию и почаще проводить показательные расправы над сторонниками Хайбиндера. Чтобы местные патриоты боялись даже произносить название упраздненного королевства!

Меганвэйл заинтересовался с некоторым неудовольствием:

— А вам не кажется, ваше высочество... ах, Ваше Величество!.. что коронование получилось каким-то скомканным?

Я отмахнулся.

— Не до праздников. Я уже накороновался принцами, а уж про фюрстов и вспоминать не хочется. Мне кажется, короны нужно получать только для легализации каких-то важных проектов. А так зачем они?.. Не носить же в самом деле!

— Важный проект, — повторил он в задумчивости, — это Ричардвиль?

Я отмахнулся.

— Это лишь знаковое пятнышко. А строим мы не город... что город?.. а королевство нового типа. Демократичное по своему духу, правовое и терпимое ко всяким мелочам. Главное — идти к Господу, а кто идет в сапогах, кто в дырявых башмаках, а кто и вовсе босой — неважно, всех примем.

Он чуть понизил голос:

— Даже, если на ногах когти?

Я огляделся по сторонам и ответил так же тихо:

— Дорогой Меганвэйл, вы же знаете, тролли оказали неоценимую помощь в боях. Но я политик, сумел бы от них избавиться, если бы это было нам на пользу...

Альберт усмехнулся и сказал тихо:

— И если бы их не было так много.

— Грубо, — сказал я, — но если между нами, то весьма точно. Потому им найдем место в нашем королевстве с его самыми справедливыми законами и обычаями... которых нет, но которые будут.

— А Церковь?

— С Церковью улажу, — пообещал я. — В Библии есть зацепки. Дескать, тролли тоже как бы люди, только зеленые. А если и не люди, то все равно люди. Главное не заповеди, а их толкование!

Меганвэйл подумал, сказал мудро:

— Сперва эльфов. Их люди примут не так враждебно. А потом можно постепенно и троллей. Это мы, военные люди, дравшиеся с троллями бок о бок против общего врага, относимся к ним спокойно, а простой народ будет в панике...

— Поначалу будут жить в резервациях, — ответил я. — Но нападать на них будет запрещено. И вообще вредить. А потом пойдет как бы само собой и без нашего вмешательства.

— Но под нашим контролем, — сурово сказал Норберт.

— Отдыхайте, — сказал я. — Попировали... еще не попировали? Это неважно, сейчас не до пира. Завтра тяжелый день, советую отоспаться.

Я вышел из шатра, отсюда с вершины холма открывается прекрасный вид на зеленую долину, что обрывается пологим берегом широкой полноводной реки, за которой снова видна ровная зеленая поверхность до самого горизонта.

За спиной слышались шаги, Альбрехт сказал с чувством:

— Я уже почти вижу этот громадный город!.. Насколько же это будет прекрасно и красиво. Ричард-виль... и звучит весьма... Вообще-то нравится, что у нас наконец-то будет одна главная столица.

Я посмотрел на него в недоумении.

— Граф?

Он пояснил:

— У всех королей по несколько замков и обычно нет определенной столицы. Да и у вас не было какого-то одного города. Так, резиденции, как обычно... Но вы как-то обронули, что в высокоразвитом обществе должна быть одна определенная столица...

Я сказал с досадой:

— Мало ли что я обронул! Надо поднять и отдать тихонько.

— Так как насчет единой столицы? — спросил он настойчиво.

— Граф, — спросил я сердито, — вы опять что-то почуяли?

— Да уже давно.

Я тяжело вздохнул, сказал с тоской:

— Разумеется, граф, но только это не для чужих ушей. Конечно же, у меня есть далеко идущие планы. И где столица будет, уже примерно знаю.

— Где? — спросил он. — Где-то на севере?

Я покачал головой.

— В Сен-Мари? — спросил он. — Прекрасные места... Нет?.. На островах?..

Я промолчал.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	150
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	291

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Орловский Гай Юлий

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — КОРОЛЬ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *М. Лазуткина*

Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.09.2013. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 000 экз. (1-й завод — 33 000 экз.). Заказ № 7214.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в ОАО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-68061-0

9 785699 680610 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офи
«Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видно
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского
29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42.

E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/8

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-699-68061-0

9 785699 680610 >

Фич@р

Длинные Руки —
король

